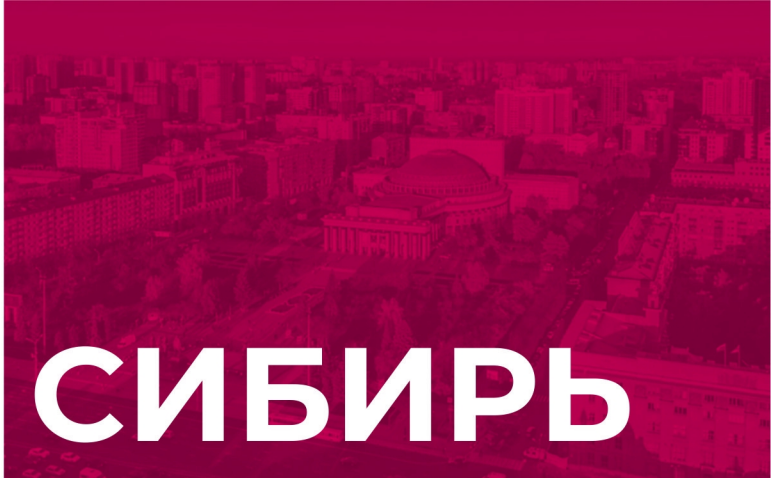

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

НОВОСИБИРСК

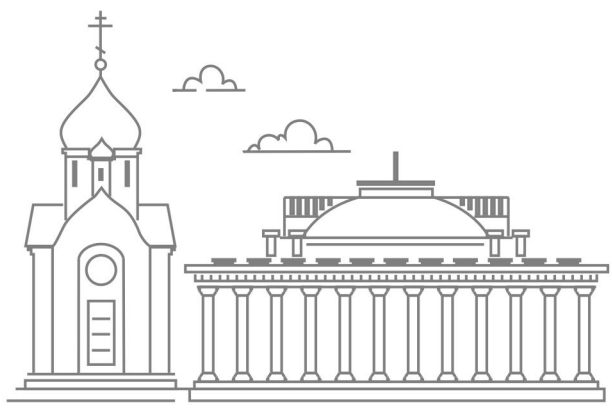

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Siberia humanitaria

2025 №3 (11)
ISSN 2949-1568

SIBERIA

HUMANITARIAN

2025

№ 3 (11)

Scientific-practical journal
Published 4 times a year

Founded
in 2022

EDITORIAL BOARD

Vladimir E. Zubov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Anna A. Izgarskaya, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Tatiana S. Ilarionova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russia, Moscow
Elena V. Kiseleva, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Mikhailov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Vladimir P. Motrevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Yekaterinburg
Türkan Olcay, Doctor of Philological sciences, professor, Republic of Turkey, Istanbul
Valentina S. Pel, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Andrei I. Savin, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Savchenko, Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Moscow
Alexander S. Smykalin, Doctor of Law, Professor, Russia, Ekaterinburg
Marina Yu. Sorokina, Candidate of Historical Sciences, Russia, Moscow
Elena E. Tikhomirova, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Oleg D. Fedorov, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Sochi
Boris L. Khavkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow
Denis V. Chernov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Marina V. Shakurova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Voronezh

EDITION

Editor in Chief *Natalia M. Markdorf*, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Deputy Editor in Chief *Elena A. Belaya*, Candidate of Pedagogical Sciences
Executive Secretary *S.M. Koba*
Editors: *N.A. Zolotenina, N.A. Vnukova*
Technical Editor *O.A. Gladunova*

Editorial office address: Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102. Tel. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Founder — Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”

The Journal is included in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media Register. Register number and date of registration: *III № ФС77-83738 dated August 5, 2022.*

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.
Link to the journal “Siberia Humanitarian” is mandatory when materials are used.

Release date 29.09.2025. OCE print. Format 70×108 1/16. Conventional printed sheet 12,95. Publisher's signature 13,87. Edition of 500 copies. Order 8.

SibAGS Publishing House. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.
Printed on the printing facility of the Siberian Institute of Management — a branch of RANEPa. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Subscription price 180.

© Siberian Institute of Management — branch of RANEPa

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

2025

№ 3 (11)

Научно-практический журнал
Выходит 4 раза в год

Основан
в 2022 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Зубов Владимир Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Изгарская Анна Анатольевна, доктор философских наук, доцент, Россия, Новосибирск
Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, Россия, Москва
Киселева Елена Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Михайлов Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Мотревич Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Олджай Тюркан, доктор филологических наук, профессор, Турецкая Республика, Стамбул
Пель Валентина Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Савин Андрей Иванович, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Савченко Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, доцент, Россия, Москва
Смыкалин Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Сорокина Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, Россия, Москва
Тихомирова Елена Евгеньевна, кандидат культурологии, доцент, Россия, Новосибирск
Федоров Олег Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Сочи
Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва
Чернов Денис Владимирович, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Шакурова Марина Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, Россия, Воронеж

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор *Наталья Михайловна Маркдорф*, доктор исторических наук, доцент
Зам. главного редактора *Елена Александровна Белая*, кандидат педагогических наук
Ответственный секретарь *С. М. Коба*
Редакторы: *Н. А. Золотенина*, *Н. А. Внукова*
Технический редактор *О. А. Глудунова*

Адрес редакции: 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6. Тел. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Учредитель — ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер и дата регистрации: *ПИ № ФС77-83738 от 5 августа 2022 г.*

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.
При использовании материалов журнала «Сибирь гуманитарная» ссылка на журнал обязательна.

Дата выхода в свет 29.09.2025. Печать ОСЕ. Формат 70×108 1/16. Усл. п. л. 12,95. Уч.-изд. л. 13,87. Тираж 500 экз. Заказ 8.

Издательство СибАГС, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Отпечатано на полиграфической базе Сибирского института управления — филиала РАНХиГС. 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Цена по подписке 180 руб.

© Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

EDITORIAL COUNCIL

Maria A. Abramova

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Marina N. Wolf

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Arkady A. Herman

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Saratov

Emrah Gaznevi

Doctor of Philological Sciences, Professor, Associate Professor, Republic of Turkey, Istanbul

Victor Denninghaus

Doctor of Historical Sciences, Professor, Germany, Lüneburg

Olga V. Zinevich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Stefan Karner

Doctor of Historical Sciences, Professor, Austria, Graz

Viktor M. Kirillov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Nizhny Tagil

Anatoly S. Kolesnikov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russia, St. Petersburg

Anatoly G. Kosichenko

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kazakhstan, Almaty

Nikolay I. Krasniakov

Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk

Gulnara M. Mendikulova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazakhstan, Almaty

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Ekaterinburg

Alexander M. Sidorkin

PhD, Professor, USA, Sacramento

Tatiana B. Smirnova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Omsk

Gulnaz K. Tleuzhanova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazakhstan, Karaganda

Dmitry A. Funk

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow

Lazar S. Heifets

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, St. Petersburg

Irina V. Cherkazyanova

Doctor of Historical Sciences, Russia, St. Petersburg

Alexey A. Chernobrov

Doctor of Philological Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Vladimir N. Shaidurov

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Russia, St. Petersburg

Lubinka Shkodric

PhD, Doctor of Historical Sciences, Serbia, Belgrade

Irina I. Shulga

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абрамова Мария Алексеевна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Вольф Марина Николаевна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Герман Аркадий Адольфович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Саратов

Газневи Эмрах

доктор филологических наук, доцент, Турецкая Республика, Стамбул

Дённингхаус Виктор

доктор исторических наук, профессор, Германия, Люнебург

Зиневич Ольга Владимировна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Карнер Стефан

доктор исторических наук, профессор, Австрия, Грац

Кириллов Виктор Михайлович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Нижний Тагил

Колесников Анатолий Сергеевич

доктор философских наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Косиченко Анатолий Григорьевич

доктор философских наук, профессор, Казахстан, Алматы

Красняков Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск

Мендикулова Гульнара Малбагаровна

доктор исторических наук, профессор, Казахстан, Алматы

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург

Сидоркин Александр Михайлович

PhD, профессор, США, Сакраменто

Смирнова Татьяна Борисовна

доктор исторических наук, профессор, Россия, Омск

Тлеужанова Гульназ Кошкимбаевна

кандидат педагогических наук, доцент, Казахстан, Караганда

Функ Дмитрий Анатольевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва

Хейфец Лазарь Соломонович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Черказьянова Ирина Васильевна

доктор исторических наук, Россия, Санкт-Петербург

Чернобров Алексей Александрович

доктор филологических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Шайдуров Владимир Николаевич

доктор исторических наук, доцент, Россия, Санкт-Петербург

Шкодрич Любинка

PhD, доктор истории, Сербия, Белград

Шульга Ирина Ивановна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

CONTENTS

Editorial	8
SOCIETY AND POLITICS	9
Kurbanova Z.M., Eshonkulova F.S.	
Cooperation between Russia and the States of Central Asia on Strengthening Security in the Central Asian Region.....	9
Sapronov E.R., Yurchenko M.A.	
Youth political activism in Europe: trends and challenges	16
EDUCATION AND UPBRINGING	32
Ilarionova T.S.	
Friendship of Peoples as a Soviet Concept and Policy (on the example of the formation of a multinational staff of teachers and graduate students of the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU in 1946-1978)	32
Chernov D.V., Chetkasov R.M.	
The Development of a System of Additional Professional Education for Specialists Working with the Youth in Novosibirsk region	55
STATE AND LAW.....	63
Khodkevich K.O.	
Historical and Legal Research of the Institution of Comrades' Courts in the USSR	63
HISTORY OF PUBLIC ADMINISTRATION.....	77
Zubov V.E.	
The history of Public Service in Scientific Publications in 2011-2015 (based on the materials of the RSCI): Departmental Aspect and Departmental Policy of the State	77
Zaitsev N.I.	
The Reorganization of the NKVD of the West Siberian Territory in the 1930s.	95
ETHNOCULTURAL HERITAGE	105
Shulga D.P.	
Features of the Ethnocultural Situation on the Han and Xiongnu border	105
Jemec S.	
Hakka Clan Holidays and Return Migration in Rural China: the View of the Hakka People.....	112
Beregovaya O. A., Suyi F.	
Preserving Cultural and Historical Heritage in Contemporary International Context (using the example of the legacy of Russian emigration in Harbin)	127
AUTHOR AFFILIATIONS	141
INFORMATION FOR AUTHORS	142

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	8
ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА	9
Курбонова З. М., Эшонкулова Ф. С. Взаимодействие России и государств Центральной Азии по укреплению безопасности в Центрально-Азиатском регионе	9
Сапронов Е. Р., Юрченко М. А. Политическая активность молодежи в Европе: тренды и вызовы	16
ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ	32
Иларионова Т. С. Дружба народов как советская концепция и политика (на примере формирования многонационального состава преподавателей и аспирантов Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1946—1978 гг.)	32
Чернов Д. В., Четкасов Р. М. Развитие системы дополнительного профессионального образования специалистов по работе с молодежью в Новосибирской области	55
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО	63
Ходкевич К. О. Историко-правовое исследование института товарищеских судов в СССР	63
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	77
Зубов В. Е. История государственной службы в научных публикациях 2011—2015 гг. (по материалам РИНЦ): ведомственный аспект и ведомственная политика государства	77
Зайцев Н. И. Реорганизация органов НКВД Западно-Сибирского края в 1930-е гг.	95
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	105
Шульга Т. С. Особенности этнокультурной ситуации на границе Хань и сюнну	105
Емец С. Клановые праздники хакка и возвратная миграция в сельском Китае: взгляд народа хакка	112
Береговая О. А., Сюй Ф. Сохранение культурно-исторического наследия в современном международном контексте (на примере наследия русской эмиграции в Харбине)	127
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	140
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	142

От редакции

Мы предлагаем авторам представить на страницах четвертого номера журнала результаты своих исследований, посвященных значимым событиям в жизни стран и народов, оказавших влияние на ход их истории и развитие культуры.

В Год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне — Год мира и единства в борьбе с нацизмом, объявленный в Содружестве Независимых Государств, мы предлагаем авторам отдать дань уважения, дань памяти героям, которые сражались за нашу Родину, осветив различные аспекты борьбы в своих статьях.

Также на страницах журнала могут быть представлены статьи, посвященные Десятилетию детства в Российской Федерации, Десятилетию науки и технологий в Российской Федерации, а также освещены иные исторические, правовые проблемы, обращение к которым помогает привлечь внимание общественности к значимым событиям в социальной и экономической жизни нашего государства, улучшить его отношения со странами-партнерами, обеспечить целостное и гармоничное развитие России.

Возможны следующие рубрики:

- история международных отношений и внешней политики;
- проблемы советской и современной национальной политики;
- историко-культурное наследие;
- государственность и право в СССР и на постсоветском пространстве;
- развитие современного образования;
- практика сохранения исторической памяти.

Стала традиционной рубрика «Сохранение исторической памяти». Также мы публикуем на страницах журнала информацию о прошедших конференциях, новых изданиях, экспедициях.

Н. М. Маркдорф, главный редактор

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА SOCIETY AND POLITICS

Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 9—15.
Siberia Humanitarian. 2025;(3):9—15.

Общество и политика

Научная статья
УДК 327.5(470+571+575.3):339.9(5)
DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-09-15
EDN DNWYFZ

Взаимодействие России и государств Центральной Азии по укреплению безопасности в Центрально-Азиатском регионе

Зульфия Махманабиевна Курбонова¹, Фируза Салимжоновна Эшонкулова²

¹ Научно-исследовательский институт устойчивого развития и зеленой экономики Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан, zulkurbonova@gmail.com

² Российско-Таджикский (Славянский) Университет, Душанбе, Республика Таджикистан, itmo.fimo@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается стратегическое партнерство России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Россия и страны Центрально-Азиатского региона, будучи надежными союзниками и стратегическими партнерами, поддерживают тесное сотрудничество как на двустороннем уровне, так и в рамках различных международных и региональных организаций, таких как Организация Объединенных Наций, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Шанхайская организация сотрудничества, Содружество Независимых Государств, Организация Договора о коллективной безопасности, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, а также в формате «Россия — Центральная Азия». Сделан вывод, что партнерские отношения России и стран Центрально-Азиатского региона отвечают национальным интересам всех его участников. Взаимодействие, основанное на общем историко-цивилизационном наследии, сходстве социально-экономических ориентиров, способствует укреплению коллективной безопасности, политической и экономической стабильности в регионе в ответ на современные геополитические вызовы.

Ключевые слова: стратегическое партнерство, международные организации, региональная интеграция, геополитика, двустороннее сотрудничество, национальные интересы, многосторонняя дипломатия, Россия, Таджикистан, ШОС, СНГ, ОДКБ

Для цитирования: Курбонова З. М., Эшонкулова Ф. С. Взаимодействие России и государств Центральной Азии по укреплению безопасности в Центрально-Азиатском регионе // Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 09—15. DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-09-15. EDN DNWYFZ.

Society and politics

Original article

Cooperation between Russia and the States of Central Asia on Strengthening Security in the Central Asian Region

Zulfiya M. Kurbonova¹, Firuza S. Eshonkulova²

¹ Scientific Research Institute of Sustainable Development and Green Economy of the International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, Dushanbe, the Republic of Tajikistan, zulkurbonova@gmail.com

² Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, the Republic of Tajikistan, itmo.fimo@mail.ru

Abstract. The article considers the strategic partnership between Russia and the countries of the Asia-Pacific region. Russia and the countries of the Central Asian region, being reliable allies and strategic partners, maintain close cooperation both at the bilateral level and within various international and regional organizations such as the United Nations, the Organization for Security and Cooperation in Europe, the Shanghai Cooperation Organization, the Commonwealth of Independent States, and the Collective Security Treaty Organization, Conference on Interaction and Confidence building Measures in Asia, and in the Russia — Central Asia format. It is concluded that the partnership relations between Russia and the countries of the Central Asian region meet the national interests of all its participants. Cooperation based on a common historical and civilizational heritage, similarity of socio-economic orientations contributes to strengthening collective security, political and economic stability in the region in response to current geopolitical challenges.

Keywords: strategic partnership, international organizations, regional integration, geopolitics, bilateral cooperation, national interests, multilateral diplomacy, Russia, Tajikistan, SCO, CIS, CSTO

For citation: Kurbonova Z.M., Eshonkulova F.S. Cooperation between Russia and the States of Central Asia on Strengthening Security in the Central Asian Region. *Siberia Humanitarian*. 2025;(3):09—15. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-3-09-15>. <https://elibrary.ru/dnwyzfz>.

Республика Таджикистан, являясь одним из участников политических процессов в Центрально-Азиатском регионе, оказывает значительное влияние на формирование и поддержание региональной безопасности. Распад Советского Союза повлек кардинальные изменения геополитической карты региона, образование новых самостоятельных государств. Становление Таджикистана как независимого государства сопровождалось разрушительным внутренним конфликтом, приведшим к гражданской войне.

«Политическая нестабильность, рост числа радикальных течений религиозного характера, уязвимость южной границы с Афганистаном, а также внутрирегиональные противоречия и местничество поставили под угрозу стабильность и суверенитет молодой республики. При этом деструктивные процессы внутри одного государства Центральной Азии могут оказать негативное влияние на весь регион. Развитие регионального взаимодействия в сфере обеспечения безопасности сталкивается с рядом серьезных препятствий. Однако важным фактором, побуждающим страны Центральной Азии к более тесному сотрудничеству, остается наличие общих внешних угроз, нейтрализация которых требует коллективных усилий. Опыт последних лет показывает, что ни одно государство, вне зависимости от его военного потенциала, не может эффективно противостоять подобным вызовам в одиночку. В этом контексте углубление партнерства в области безопасности представляется наиболее рациональным механизмом для противодействия актуальным рискам» [1].

Для Российской Федерации Центральная Азия остается регионом ключевых интересов, сформированных историческим опытом и многовековыми связями. Этот макрорегион рассматривается как приоритетное направление взаимодействия в сферах обороны, экономики, культуры и гуманитарного обмена, а также как важный элемент системы коллективной безопасности на юге Евразии.

Наибольшая угроза безопасности стран Центральной Азии, а также национальным интересам Российской Федерации исходит с юга. В Афганистане наращивают свое присутствие боевики, прибывающие из регионов вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Кроме того, зафиксированы случаи вербовки уроженцев стран Центральной Азии в ряды экстремистских формирований.

На сегодняшний день Российской Федерации удалось выстроить многоплановое, устойчивое и основанное на взаимном уважении сотрудничество со всеми государствами Центральной Азии. Эти связи опираются не просто на традиционно добрососедские отношения, но и на стратегические ориентиры, включающие широкий спектр взаимодействия — от политического диалога до военно-технического и экономического партнерства. С отдельными странами региона сформированы союзнические отношения, которые предусматривают тесную координацию усилий в условиях возникновения внешнеполитического давления, усиления трансграничных угроз или дестабилизирующих факторов [2].

Характер взаимодействия между Российской Федерацией и государствами Центральной Азии отличается системностью и высокой степенью институционализации. Межгосударственные контакты осуществляются на постоянной основе и включают встречи на уровне глав государств, правительств, министров иностранных дел, а также межпарламентские консультации. Такая динамика политического диалога способствует своевременному обмену мнениями по актуальным вопросам международной повестки, согласованию

позиций по стратегическим направлениям и выработке общих подходов к обеспечению безопасности.

Важно отметить, что углубление партнерских отношений с Центральной Азией отвечает как интересам России, так и национальным интересам стран региона. В условиях глобальной нестабильности, роста конфликтного потенциала в соседних регионах и усиления конкуренции между мировыми центрами силы формирование единых механизмов реагирования на угрозы приобретает особое значение. В этом контексте взаимодействие с Россией выступает фактором стабильности и устойчивого развития региона, способствуя укреплению коллективной безопасности, политической стабильности и экономической взаимосвязанности.

Обеспечение интересов России в сфере безопасности Центрально-Азиатского региона во многом определяется как внутренней политико-экономической обстановкой в странах региона, так и внешними вызовами, способными дестабилизировать региональную ситуацию. В контексте нарастающих глобальных и региональных вызовов Российская Федерация неизменно демонстрирует устойчивую заинтересованность в укреплении политической стабильности и устойчивого развития стран Центральной Азии. Москва рассматривает этот регион как стратегически важное пространство, где сохранение баланса сил, внутренней стабильности и безопасности непосредственно отвечает национальным интересам России.

Одним из ключевых инструментов реализации этой стратегии выступает многопрофильное сотрудничество в экономике, гуманитарной сфере, а также оборонно-военное и правоохранительное взаимодействие. Интеграционные экономические проекты, совместные инициативы в области образования, науки и культуры создают основу для долговременного партнерства, способствующего не только сближению народов, но и укреплению социально-политической устойчивости в странах региона.

Особое значение придается координации в сфере безопасности. Налажены устойчивые оперативные каналы связи между структурами обеспечения национальной безопасности России и государств Центральной Азии, включая советы безопасности, министерства обороны, органы внутренних дел и специальные службы. Регулярные консультации, обмен оперативной информацией, совместные учения и антитеррористические мероприятия формируют основу для совместного противодействия современным угрозам — от транснациональной преступности и незаконного оборота наркотиков до экстремизма и международного терроризма [3].

Таким образом, системное и многоуровневое взаимодействие России с государствами Центральной Азии способствует формированию стабильной и безопасной региональной среды, укрепляя доверие и обеспечивая согласованность действий в условиях растущей неопределенности в международных делах.

С нашей точки зрения, формирование устойчивых и доброжелательных отношений с государствами Центральной Азии является одним из безусловных приоритетов внешней политики Российской Федерации. Поддержание ведущей роли Москвы в этом стратегиче-

ски важном регионе, как и на всем постсоветском пространстве, представляет собой важную составляющую современной геополитической линии страны. Достижение этой цели тесно связано с углублением взаимодействия в сфере безопасности, особенно в условиях нестабильной международной и региональной обстановки, где такая кооперация приобретает не только практическую, но и информационно-пропагандистскую значимость.

Несмотря на то, что после распада Советского Союза каждая из бывших союзных республик выбрала собственную траекторию развития, зачастую сталкиваясь с различными внутренними и внешними вызовами, сохраняющееся историко-цивилизационное наследие, сходство социально-экономических ориентиров и наличие языковых параллелей продолжают служить важной объединяющей основой между Российской Федерацией и государствами Центральной Азии. Эти общие параметры способствуют формированию устойчивого интереса к совместной деятельности в сфере обеспечения безопасности как на региональном, так и на национальном уровнях.

При этом особую значимость по-прежнему сохраняет двусторонняя модель взаимодействия, которая позволяет гибко и оперативно реагировать на возникающие вызовы. Такой формат сотрудничества создает предпосылки для построения доверительных военных и технических партнерств, где особое внимание уделяется практической реализации договоренностей, а также позволяет избегать напряженности, связанной с возможными разногласиями и конкуренцией, которые нередко проявляются в рамках широких многосторонних платформ.

Слаженность подходов России и ее партнеров в регионе к вопросам безопасности не только обеспечила надежный фундамент устойчивого взаимодействия, но и способствовала институционализации этих процессов через участие в таких значимых международных объединениях, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В этих структурах страны Центральной Азии играют не пассивную, а активную роль, продвигая инициативы, направленные на укрепление коллективной безопасности, противодействие современным угрозам и развитие интеграционных механизмов [4].

«Развитие обстановки в Центрально-Азиатском регионе в значительной мере зависело от изменений в характере и масштабах военного присутствия России. В условиях усилившегося геополитического противостояния США и их западноевропейские союзники смогли добиться ряда важных стратегических целей на территории Центральной Азии, что заметно повлияло на баланс сил и общее состояние региональной безопасности» [5].

В современных условиях особую значимость приобретает сохранение прочных и предсказуемых взаимоотношений между Российской Федерацией и странами Центральной Азии. Учитывая продолжающееся присутствие масштабных трансграничных вызовов, обеспечение безопасности остается общей задачей. В приоритете — со-

здание эффективных каналов обмена актуальной информацией, а также выработка согласованных мер по пресечению деятельности международных преступных сетей, в том числе экстремистских и террористических структур, транснационального наркобизнеса и иных форм нелегальной деятельности. Кроме того, на повестке дня стоят совместные оперативные действия и реализация специализированных мероприятий, направленных на стабилизацию обстановки на обширном евразийском пространстве.

Список источников

1. Абдуллоев И. Х. Геополитические аспекты сотрудничества стран Центральной Азии и России // Международные отношения и мировая политика. 2022. № 4. С. 25—32.
2. Шарипов Н. Роль России в обеспечении безопасности в Центральной Азии // Геополитика и безопасность. 2022. № 5. С. 71—78.
3. Ерохин Д. В. Российско-таджикское сотрудничество: актуальные аспекты и направления // Россия и современный мир. 2022. № 3 (116). С. 88—97.
4. Баранов П. А. Россия и Центральная Азия: вопросы коллективной безопасности в рамках ОДКБ // Политические исследования. 2023. № 2. С. 45—53.
5. Караев Ж. К. Региональная безопасность Центральной Азии: роль России и международных организаций // Безопасность Евразии. 2021. № 1. С. 16—23.

References

1. Abdulloev I.Kh. Geopoliticheskie aspekty sotrudnichestva stran Tsentral'noy Azii i Rossii [Geopolitical Aspects of Cooperation of the Countries of Central Asia and Russia], *Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [International Relations and World Policy]*, 2022, no. 4, pp. 25-32.
2. Sharipov N. Rol' Rossii v obespechenii bezopasnosti v Tsentral'noy Azii [The Role of Russia in Securing Safety in Central Asia], *Geopolitika i bezopasnost' [Geopolitics and Security]*, 2022, no. 5, pp. 71-78.
3. Erokhin D.V. Rossiysko-tadzhikskoe sotrudnichestvo: aktual'nye aspekty i napravleniya [Russian-Tajic Cooperation: Topical Aspects and Directions], *Rossiya i sovremennyy mir [Russia and Modern World]*, 2022, no. 3 (116), pp. 88-97.
4. Baranov P.A. Rossiya i Tsentral'naya Aziya: voprosy kollektivnoy bezopasnosti v ramkakh ODKB [Russia and Central Asia: Issues of Collective Safety in the Framework of CSTO], *Politicheskie issledovaniya [Political Research]*, 2023, no. 2, pp. 45-53.
5. Karaev Zh.K. Regional'naya bezopasnost' Tsentral'noy Azii: rol' Rossii i mezhdunarodnykh organizatsiy [Regional Safety of Central Asia: the Role of Russia and International Organizations], *Bezopasnost' Evrazii [Security of Eurasia]*, 2021, no. 1, pp. 16-23.

Информация об авторах

Курбонова Зулфия Махманабиевна — доктор политических наук, профессор, заместитель директора, Научно-исследовательский институт устойчивого развития и зеленой экономики Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан. E-mail: zulkurbonova@gmail.com

Эшонкулова Фируза Салимжоновна — преподаватель кафедры международных отношений и дипломатии, Российско-Таджикский (Славянский) Университет, Душанбе, Республика Таджикистан. E-mail: itmo.fimo@mail.ru

Information about the authors

Zulfiya M. Kurbonova — Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Director, Research Institute of Sustainable Development and Green Economy of the International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan. E-mail: zulkurbonova@gmail.com

Firuz S. Eshonkulova — Lecturer at the Department of International Relations and Diplomacy, Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan. E-mail: itmo.fimo@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.05.2025; одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 29.05.2025; approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья
УДК 323.2(4)-053.81
DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-16-31
EDN ESVMZB

Политическая активность молодежи в Европе: тренды и вызовы

Евгений Русланович Сапронов^{1✉}, Маргарита Алексеевна Юрченко²

^{1,2} Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ sapron666123@gmail.com✉

² yurchenko-maa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

Аннотация. В статье рассмотрены особенности политической активности молодежи в Европе, ее основные формы и факторы, влияющие на уровень вовлеченности молодых граждан в политические процессы. В условиях трансформации постиндустриального общества наблюдаются значительные изменения в формах политического участия молодежи в Европе. Традиционные механизмы вовлеченности, такие как участие в выборах, членство в политических партиях и молодежных организациях, постепенно утрачивают популярность. Это связано с кризисом доверия к классическим партийным структурам, снижением влияния институционализированных форм политики и ростом интереса к альтернативным методам политической активности. Молодежь все чаще использует социальные сети и протестные движения для выражения своих взглядов и влияния на политическую повестку. Рассмотрены основные барьеры, препятствующие активному участию молодежи в политической жизни, включая низкий уровень доверия к традиционным политическим институтам, отсутствие необходимых знаний о демократических процессах и социально-экономические факторы. Подчеркивается роль цифровизации политического пространства, которая открывает новые возможности для взаимодействия с государством и обществом. Вместе с тем возникает риск фрагментации молодежных инициатив и снижения их долгосрочного влияния. В статье анализируются ключевые тенденции политической мобилизации молодежи, исследуются мотивы участия, а также обсуждаются перспективы развития новых форм гражданской активности. Делается вывод о необходимости адаптации политических институтов к меняющимся условиям и создания новых форм взаимодействия с молодежью, учитывающих цифровую трансформацию общества.

Ключевые слова: молодежь, политическое участие, Европа, протестные движения, трансформация политики, молодежные организации, электорат
Для цитирования: Сапронов Е. Р., Юрченко М. А. Политическая активность молодежи в Европе: тренды и вызовы // Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 16—31. DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-16-31. EDN ESVMZB.

Society and politics

Original article

Youth political activism in Europe: trends and challenges

Evgeny R. Sapronov^{1✉}, Margarita A. Yurchenko²

^{1,2} Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ sapron666123@gmail.com✉

² yurchenko-maa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

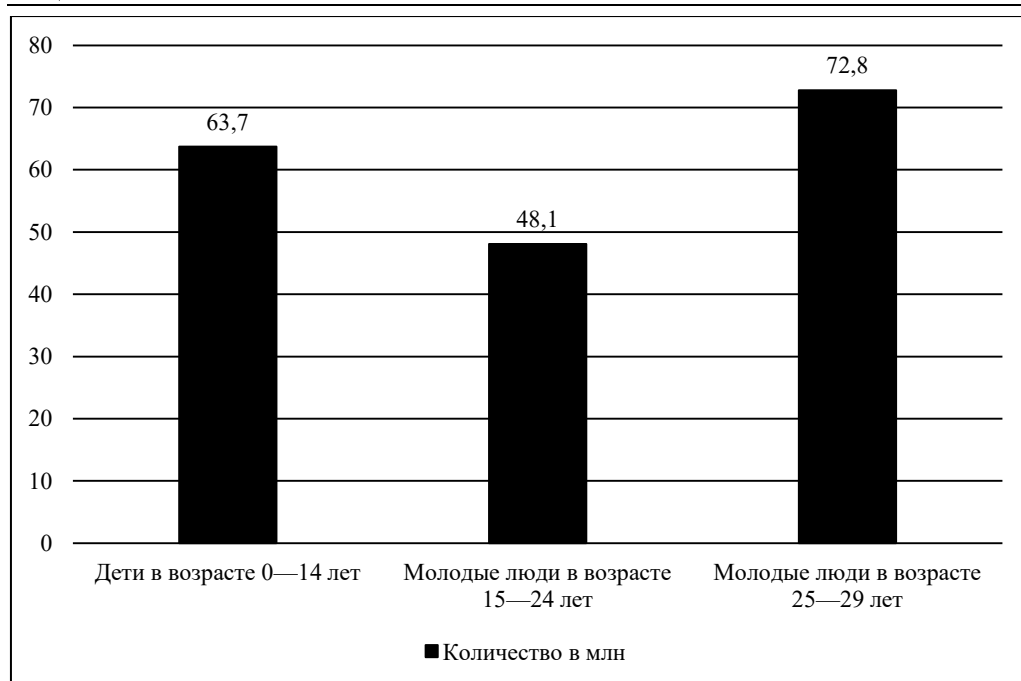
Abstract. The article considers the features of youth political activity in Europe, its main forms and factors influencing the level of involvement of young citizens in political processes. In the context of the transformation of post-industrial society, there are significant changes in the forms of political participation of young people in Europe. Traditional mechanisms of engagement, such as participation in elections, membership in political parties and youth organizations, are gradually losing popularity. It is connected with a crisis of confidence in classical party structures, decrease in the influence of institutionalized forms of politics, and increase in interest in alternative methods of political activism. Young people are increasingly using social media and protest movements to express their views and influence on political agenda. The main barriers preventing the active participation of young people in political life are considered, including a low level of trust in traditional political institutions, lack of necessary knowledge about democratic processes, and socio-economic factors. The role of digitalization of the political space is emphasized, which opens up new opportunities for interaction with the state and society. At the same time, there is a risk of fragmentation of youth initiatives and decrease in their long-term impact. The article analyzes key trends in the political mobilization of youth, explores the motives for participation, and discusses the prospects for the development of new forms of civic engagement. It is concluded that it is necessary to adapt political institutions to changing conditions and create new forms of interaction with young people, taking into account the digital transformation of society.

Keywords: youth, political participation, Europe, protest movements, political transformation, youth organizations, electorate

For citation: Sapronov E.R., Yurchenko M.A. Youth political activism in Europe: trends and challenges. *Siberia Humanitarian*. 2025;(3):16—31. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-3-16-31>. <https://elibrary.ru/esvmzb>.

Введение

Молодежь в любой стране является главным стратегическим ресурсом, а также объектом национально-государственных интересов. По данным за 2024 г., в странах Евросоюза проживает 449,2 млн человек [1], количество молодых людей при это варьируется в зависимости от возрастной группы (рисунок).

Распределение молодежи Европы по возрастным группам [2 ; 3]
Distribution of European youth by age group [2 ; 3]

Таким образом, молодые люди составляют около 30 % всего населения Европейского Союза, что, в свою очередь, подразумевает необходимость изучения ее как социально движимой единицы общества.

В реалиях постиндустриального, или, как отмечал М. Кастельс, «сетового общества», большой отпечаток на поведение молодого поколения накладывают системные элементы эпохи, в которой оно живет, из них автор выделяет «информацию» и «технологии» как ключевые компоненты в социальном взаимодействии и организации [4, с. 45]. В сегодняшней Европе, наполненной сложными и противоречивыми изменениями во всех сферах общественной жизни, значимость молодежи как движущей социальной группы остается высокой. Причем трансформация общества определяет не только экономические, но и культурные изменения, влекущие за собой изменение способов восприятия идентичности, власти и участия в общественной жизни. Именно молодое поколение ответственно за формирование современных лидеров, политическое и экономическое развитие государства, структуру занятости и трудовую активность на ближайшие годы.

Исследование 2016 г., основанное на интервью, фокус-группах и опросах молодых людей в семи европейских странах, показало, что молодое поколение, в отличие от старших возрастных групп, более выразительно в части демонстрации своих предпочтений и интересов. Активность молодых людей распространяется на различные аспекты жизни: будь то политические или культурные. Гибкость и открытость молодежи становятся важными механизмами общественных изменений, сочетаясь с превосходящим уровнем вовлеченности.

Особенно важно для молодых людей переосмысление традиционных форм политического участия, молодежь меняет их роль, пропуская через призму собственных персонализированных взглядов. Современные формы политической активности все чаще утрачивают привязку к традиционным социальным и идеологическим разделениям, вместе с тем они предоставляют молодежи возможность более прямого и эффективного влияния на процесс принятия решений. Это способствует формированию у молодых людей чувства особенной вовлеченности и ответственности, а соответственно, отражает их стремление к активному участию в трансформации общественно-политической системы [5, с. 87—89].

Процессы глобализации также оказали значительное влияние на трансформацию политических систем, что привело к кризису традиционных политических партий. Европейская интеграция и наднациональность принятия решений ограничили способность государственных политических структур напрямую эффективно реагировать на вызовы внутри страны и формировать политику только исходя из национального контекста [6, с. 114—120]. Это, в свою очередь, вызывает у граждан чувство отчуждения и недоверия к традиционным политическим институтам, так как многие из них воспринимают национальных лидеров как неспособных обеспечить реальные изменения.

Под гнетом изменения социального контекста традиционные формы политической деятельности воспринимаются молодыми людьми как малоэффективные инструменты влияния. Сложившаяся политическая система устаревает, а с ней устаревают и политические деятели, что сказывается на минимальной эффективности коммуникационного канала «политика — молодежь». Молодежь чувствует разочарование, ведь традиционные формы политического участия не позволяют быть услышанными, а также не адаптируются к новым реалиям.

Следовательно, трансформация восприятия традиционных политических механизмов требует пересмотра форм участия молодежи в общественно-политической жизни. Политическая активность молодых граждан принимает как институциональные формы, такие как участие в выборах, которое в свете изменений представлений о гражданстве утрачивает статус безусловной «гражданской обязанности», так и неинституциональные формы. Каждая из них обладает своими особенностями и степенью влияния на политический процесс [7, с. 29].

Цель нашего исследования — выявить наиболее распространенные способы политического вовлечения молодежи стран ЕС.

В рамках исследования поставлены следующие задачи:

- выявить факторы, влияющие на электоральное поведение молодежи в Европе и определить особенности избирательной активности;
- оценить влияние международных молодежных организаций на политическую мобилизацию;
- охарактеризовать протест как форму политического участия молодежи, проанализировать характер протестных движений, мотивацию их участников, а также инструменты распространения протестных настроений.

Методы и материалы

В исследовании политической активности молодежи в Европе использован комплексный методологический подход, включающий концепции политического участия, электорального поведения, протестной активности и деятельности международных молодежных организаций. Анализ опирается на междисциплинарный подход, сочетая теоретические разработки политической науки, социологии и социальной психологии. В исследовании были использованы следующие методы: метод теоретического анализа данных, контент-анализ, сравнительный анализ.

Принципы исследования базируются на нескольких ключевых подходах. Объективность обеспечивается использованием проверенных статистических и научных источников, что позволяет опираться на достоверные данные. Комплексность исследования выражается в учете множества факторов политической активности молодежи, включая экономические, социальные и культурные. Верифицируемость достигается за счет использования официальных данных, научных публикаций и независимых исследований, что делает выводы исследования обоснованными и воспроизводимыми. Актуальность работы заключается в анализе современных тенденций молодежной активности, что позволяет оценить текущие вызовы и перспективы развития молодежного политического участия в Европе. В работе применяются следующие ключевые концепции и теоретические подходы. Теория политического участия (Д. МакАдам) [8, p. 192], которая позволяет рассмотреть участие молодежи в политическом процессе как многоуровневый феномен, зависящий от институциональной среды и индивидуальной мотивации. Концепция сетевого общества (М. Кастельс) [4] подчеркивает влияние цифровых технологий и социальных сетей на формы политической мобилизации и участие молодежи. Теория социальных движений [9] позволяет анализировать молодежные протестные движения в Европе, включая климатические марши и студенческие забастовки.

Основой для теоретического анализа стали официальные статистические данные по демографической структуре населения Евросоюза [1]. Эти данные использовались для оценки численности молодежи в Европе и анализа возрастных трендов в политической активности.

Для изучения социальных и политических аспектов молодежной активности были привлечены вторичные источники, включая монографии и статьи ведущих исследователей в данной области. В частности, использовались труды М. Кастельса [4], С. С. Носовой и И. П. Кужелевой-Саган [5], О. А. Мирясовой [6]. Эти работы позволили определить концептуальные рамки исследования и понять основные механизмы политического участия молодежи.

Кроме того, для анализа современных политических движений среди молодежи были изучены материалы авторитетных медиа-источников, таких как *The Guardian*, *Politico* [10] и *Financial Times* [11]. Особое внимание было уделено анализу протестного движения *Fridays for Future*, включающего климатические забастовки молодежи, о которых сообщали *DW*¹ [12] и *National Public Radio* [13].

¹ Внесено Минюстом России в реестр иностранных агентов.

Политическое участие через электоральное поведение

Факт того, что традиционные формы политического участия становятся географически диффузными, уже не может быть оспорен. Вместе с тем данная диффузия предполагает формирование множественных идентичностей, собирающих микро- и макронациональные уровни воедино. Таким образом, политическое участие становится более индивидуалистичным и ориентированным на результат, чем на эмоциональные и нормативные соображения. Следовательно, молодые люди рассматривают выборы как один из многих вариантов вовлечения в политическую жизнь, но начинают проявлять политическую активность в тех формах, которые могут оказать прямое влияние на политиков.

Во многих западноевропейских странах молодежь, и в особенности студенчество, остается важным электоральным ресурсом левых и левоцентристских сил. Эта тенденция, имеющая исторические корни, получила свое развитие в последние 25 лет. Великая Французская революция направила молодежь, всегда стремящуюся к свободе, в левое русло. Роль молодежи в политических процессах мирового масштаба возросла за счет бурного отстаивания своего голоса, например во времена событий 1968 г. в разных регионах Европы.

Сегодня, несмотря на распространение неолиберальной идеологии и упадок самоидентификации левых сил, молодежь остается важной опорой некой стабильности в рядах левых движений. Тем не менее молодежные организации в левом политическом течении страдают от сокращения общего количества поддерживающих данную идеологию. Однако анализ политической активности молодежи позволяет сделать вывод, что среди политически ангажированной ее части идет преобладание левых взглядов, особенно среди студенческой когорты [14].

Стоит отметить, что такая ситуация наблюдается не во всех европейских странах. Современная политическая ситуация во Франции, Италии, Великобритании не дает оснований назвать молодежь настроенной на вступление в политические партии левого толка. Согласно мнению, представленному в ряде аналитических публикаций, включая материалы издания *Politico*, в Европе наблюдается значительный рост поддержки правых политических партий. Некоторые связывают эти процессы с обострением социально-экономических проблем, которые возникли в результате чрезмерных санкционных мер, направленных против стратегических оппонентов, к примеру Российской Федерации. Экономическая нестабильность в ряде стран (Франция, Италия) существенно укрепляет позиции правых политических сил. Это свидетельствует о поиске народом, и в частности молодежью, альтернативных путей выхода из сложившейся ситуации [10]. Несмотря на это, общее количество поддерживающей правые взгляды молодежи остается на низком уровне.

Что касается молодежного электората, подобных качественных изменений не произошло. Молодежь отличается обостренным чувством справедливости и критическим отношением к принципу приоритета прибыли, лежащему в основе обществ потребления и утилитарной выгоды. Вступление во взрослую жизнь и столкновение с новой чуждой реальностью открывает глаза на неолиберальные

методы влияния, которые, в свою очередь, подрывают фундаментальные человеческие ценности и способствуют утрате веры в возможность устойчивого и справедливого будущего. Кроме того, поддерживая зеленых, радикальных и даже умеренных левых, молодые избиратели тем самым показывают, что они не вписывают себя в мир эксплуатации и желают более справедливого и честного общества.

Молодежь в Европе голосует за левые партии по нескольким причинам. Кто-то из молодых людей выступает против капиталистических ценностей, которые предполагают неравенство в обществе. Даже современное лицо капитализма — неолиберализм — их не прельщает, хотя в нем проповедуются далеко не жестокие моральные и общественные устои. Анализ социологических исследований показывает, что европейская молодежь утрачивает веру как в эффективность законов рынка, так и в действенность современной неолиберальной модели в целом.

Политологи отмечают, что в ряде южных стран Европейского Союза свыше 75 % молодых людей сталкиваются с отсутствием постоянной работы и вынуждены пополнять ряды занятых неквалифицированным трудом для обеспечения базового выживания. В этом контексте неудивительно, что значительная часть молодежи выражает поддержку политическим силам, критикующим существующее левое превосходство [15]. Молодежь, сталкиваясь с реальностью, где так называемая европейская социальная модель зачастую оказывается лишь идеологическим муляжом, остается тем не менее восприимчивой к идеям социального государства.

Также молодежь в Европе, в отличие от консервативного старшего поколения, обладает толерантностью и в массе своей ценит права и свободы других людей. Например, они терпимо относятся к сексуальным меньшинствам, иммигрантам, проявлениям культуры тех наций, представители которых перебрались в их страну по разным причинам. Для значительной доли современной молодежи в Европе характерно выраженное неприятие национализма и расизма, что может быть интерпретировано как проявление ценностей, ассоциируемых с левыми политическими идеологиями. Данный феномен отражает доминирование в этой социальной группе нормативов, связанных с универсализмом, инклюзией и равенством, что соответствует характеристикам левой политической культуры в контексте теории идеологических полюсов.

Сложившаяся ситуация показывает и экологическую сознательность молодого электората в странах Западной, Центральной и Северной Европы. Они понимают, что только левые партии заявляют о жестких запретах работы тех промышленных предприятий, которые вредят окружающей среде. Особенно яркими приверженцами левых партий могут считаться студенты.

В настоящее время можно констатировать, что в большинстве стран Западной Европы электоральные предпочтения молодежи в значительной степени распределяются между левоцентристскими партиями, экологическими движениями (зелеными) и радикально левыми политическими силами. При этом социологические исследования выявляют тенденцию к высокой динамичности и фрагментации политических симпатий в этой группе.

Международные молодежные организации в контексте политического участия

Электоральное участие молодежи, безусловно, остается одним из ключевых индикаторов вовлеченности этой социальной группы в политическую жизнь. Однако, несмотря на его важность, оно представляет лишь одну из форм политической активности. Для многих молодых людей, особенно тех, кто стремится к более глубокой и долгосрочной вовлеченности в процесс формирования общественной повестки, электоральное участие дополняется или заменяется участием в молодежных политических организациях. Эти структуры предоставляют не только платформу для коллективного действия, но и возможности для обучения, социального взаимодействия и выстраивания политической идентичности, что делает их важным элементом современного политического ландшафта. Рассмотрение этой формы участия позволяет глубже понять динамику политической активности молодежи и ее влияние на общественные процессы.

Политические молодежные организации конкурируют друг с другом за членство в партии, поддержку, политическую власть и реализацию своих целей, при этом хорошо работают вместе, решая проблемы молодежи и улучшая условия их жизни, стимулируя интерес молодых людей к политике и увеличивая их представительство при принятии решений. Например, представители политических молодежных организаций посещают школы, университеты, мероприятия и различные организации, чтобы вместе представить свои политические цели и кандидатов [16, с. 118—120].

Существует множество различных причин для вступления в политическую молодежную организацию, однако самым распространенным импульсом является желание повлиять на общество [17, с. 53—56]. Молодые люди, активно участвующие в политических партиях, могут влиять на общественное мнение, по крайней мере в кругу своих друзей, а члены политических молодежных организаций часто активны и в других организациях.

Европейские политические молодежные организации работают с движениями, которые идеологически близки им. Например, социал-демократические молодежные организации работают в основном с профсоюзным движением. Все молодежные организации также имеют политическое влияние на международном уровне. Они работают с родственными организациями, входящими в региональные, европейские и глобальные зонтичные структуры. Так, со вступлением новых стран в ЕС и растущей глобализацией международная деятельность политических молодежных организаций становится все более важной, в том числе и в связи с внутренней политикой [18, с. 116]. Благодаря своей международной деятельности они получили не только новый опыт и ресурсы для социальной деятельности в своих странах, но и понимание глобальных проблем и тенденций в рамках международного сотрудничества.

На европейском уровне молодежь систематически представлена Европейским молодежным форумом. Многие представители молодежного сектора считают Европейский молодежный форум хорошо

функционирующим инструментом представления интересов молодежи. Европейский молодежный форум объединяет политические, религиозные, студенческие и юридические молодежные организации по всей Европе, членство в которых выходит далеко за пределы ЕС. Основанные на членстве организации, входящие в платформу, представляют более 10 миллионов молодых людей по всей Европе [19].

Многие молодежные организации поощряют молодых людей участвовать в принятии решений и деятельности за пределами своих организаций. Например, работа местных и национальных молодежных советов сосредоточена на участии молодежи и политической активности (политическое участие и активизм), а также на создании условий для местной, национальной и международной деятельности молодежи (гражданское участие и активизм).

Оценка молодежных советов показала, что молодые люди, которые принимали в них участие, извлекли пользу из их ценностей и этот опыт был для них приятным. Однако в тех случаях, когда цель и структура совета были неясны, некоторые молодые люди сообщали, что чувствуют себя бессильными.

Другой пример. Европейский молодежный парламент (European Youth Parliament, EYP) — это образовательная программа, которая вдохновляет и дает возможность молодым людям по всей Европе стать открытыми и активными гражданами [18, с. 118]. Он предоставляет участникам возможность для развития и выражения своих взглядов по широкому кругу тем. Объединяя молодых людей из разных слоев общества, он способствует межкультурному взаимопониманию и трансграничной дружбе, а также вооружает участников и волонтеров EYP знаниями и навыками, необходимыми для активного формирования окружающего мира. Тысячи молодых людей принимают активное участие в волонтерском движении по всей Европе, что делает EYP действительно дружественной молодежи программой.

Несмотря на наличие институциональных механизмов вовлечения молодежи в политический процесс, они не всегда удовлетворяют потребность молодых граждан в непосредственном и оперативном влиянии на принятие решений. В условиях динамичных социальных изменений и цифровизации политического пространства молодежь все чаще прибегает к альтернативным, неинституциональным формам участия. Эти формы, будучи менее формализованными, позволяют выражать гражданскую позицию более гибко и незамедлительно, что особенно актуально в периоды общественно-политической нестабильности. Рассмотрим наиболее распространенную неинституциональную форму политической активности — протестные движения.

Протест как форма политического участия

Как показывают исследования, политическое участие молодежи перешло от недоверия и неприятия институциональных политических акторов к нетрадиционным практикам [20]. Однако быть нетрадиционным не означает быть полностью отстраненным от институтов, особенно потому, что общественные институты, такие как государ-

ство, вероятно, будут прямыми и косвенными объектами нетрадиционных форм участия (например, протестов и демонстраций). Более того, нетрадиционное политическое участие молодежи может происходить и в формальных, институционализированных пространствах, таких как рынки, посредством бойкотов и «покупок» [9, р. 73—80].

Традиция политического и социального участия молодежи иногда используется для объяснения заметных различий в выражении протеста в странах ЕС, особенно в отношении традиционных каналов, таких как политические партии и профсоюзы. Если в одних странах молодежь может выражать свое недовольство в основном через эти традиционные каналы, то в других она может делать это через различные формы самостоятельных действий и участия в общественных движениях.

Кроме того, распространенность политического протеста как регулярной формы политического участия означает, что его структуры и репертуар со временем расширились, но характеристики тех, кто участвует в такой деятельности, менее ясны. По этим причинам все более широкое его использование является результатом изменения форм молодежью протеста — «удобного, понятного и гибкого инструмента для демонстрации желания перемен» [21, р. 237]. Нетрадиционное участие характеризуется тем, что молодые люди делятся эвристическими методами решения проблем.

После международного кризиса, разразившегося в 2008 г., молодые люди в Европе выражали свое растущее недовольство различными способами: от случайных символических протестов до масштабных уличных демонстраций, от разовых до систематических сетевых инициатив, от бойкотов до демонстраций [9, р. 36—38]. Однако, как и в дискуссии о новых социальных движениях, молодежные протесты можно понимать как выражение постполитических мотивов, отражающих степень неудовлетворенности функционированием демократии и реакцией политической системы на экономические и социальные проблемы [22, р. 60—62].

В последние десятилетия роль индивидуальных и коллективных действий молодежи в социальных движениях неуклонно и заметно возрастает. Среди вызовов — кризисные ситуации, порожденные пандемией, политическими конфликтами, расизмом, сексизмом и экологией. Так, 2020 г. многие наблюдатели называют «годом протеста» [11]. В Европе и во всем мире во многих направлениях, таких как изменение климата, гендерное равенство, права студентов и расовое равенство, молодые люди демонстрируют главную роль в низовых мобилизациях и инициативах.

В качестве основного кейса для анализа влияния протестов на политическую активность молодежи был выбран экологический вопрос. Этот выбор обусловлен несколькими факторами. Во-первых, климатические протесты представляют собой один из наиболее масштабных и устойчивых примеров молодежной политической активности в Европе в последние годы. Во-вторых, они демонстрируют новую форму мобилизации — цифровую — с использованием социальных медиа, что делает их показательными для анализа современных форм политического участия. В-третьих, активное поли-

тическое участие студентов в массовых движениях часто возникает в ответ на активизацию неолиберальных реформ.

При таких условиях, вдохновленные идеей Греты Тунберг о пятничных забастовках в школах, «климатические забастовки» возникли в 2018 и 2019 гг. как форма общественного молодежного движения, требующего далеко идущих действий против изменения климата [13]. Хотя молодежные коллективные движения преуспели в проблематизации глобального климатического бездействия и инертности и формулировании изменения климата в терминах справедливости, активисты столкнулись с ограничениями в преобразовании их моральной легитимности в силу, необходимую для радикальных изменений.

В рамках кампании «Школьная забастовка за климат», начатой перед зданием шведского парламента в конце августа 2015 г., Грета Тунберг выразила желание продолжать акции протеста до тех пор, пока правительство не выполнит условий по выбросам углекислого газа, установленным Парижским соглашением [8, p. 192—200]. Используя социальные сети, такие как *Instagram*, *Twitter*, *Facebook*¹, *YouTube*, Тунберг и ее последователи, обеспокоенные той же проблемой, запустили #FridaysForFuture (FFF) и #Climatestrike по всему миру [12]. После привлечения внимания СМИ Тунберг вскоре была приглашена для выступления на мероприятиях высокого уровня, включая доклад на TED в ноябре 2018 г. и на конференции ООН по изменению климата COP24 в Польше в декабре 2018 г. В то же время действия Тунберг вызвали массовую мобилизацию молодежи: в декабре около 20 000 учащихся из 270 городов Европы вышли на забастовку в школах [23].

На основании приведенных данных можно выделить несколько ключевых аспектов развития молодежного экологического активизма и его влияния на общественно-политическую повестку.

Во-первых, анализ показывает, что кампания, инициированная Гретой Тунберг, стала мощным катализатором общественного движения, которое быстро вышло за национальные рамки. Использование социальных сетей сыграло ключевую роль в распространении информации и привлечении сторонников, что подтверждает переход к иным средствам политического участия молодежи.

Во-вторых, наблюдается значительная динамика роста вовлеченности молодежи в климатические протесты. Это свидетельствует о высокой степени мобилизации молодежи и поддержке экологических инициатив новым поколением.

В-третьих, протесты оказали реальное политическое влияние. Примером может служить отставка министра охраны окружающей среды Бельгии, что демонстрирует возможность оказывать давление на политические институты путем массовых выступлений. Движение #FridaysForFuture не только привлекло внимание мировой общественности, но и сформировало новый вектор политического дискурса, требуя от правительств активных действий по выполнению Парижского соглашения.

¹ Признаны экстремистскими, запрещены на территории Российской Федерации.

Таким образом, протесты остаются важным инструментом выражения гражданской позиции молодежи, позволяя ей оперативно реагировать на острые социально-политические вызовы. Что еще более важно, эти движения вызывают фундаментальные изменения в сознании молодых людей, позволяя им поверить, что их действия имеют значение и они могут изменить ситуацию. Соответственно, формы участия такого рода близки молодому поколению в качестве действенного механизма принятия решений.

Дискуссия

Анализируя электоральное поведение молодежи в Европе, выделим несколько ключевых аспектов, требующих дальнейшего обсуждения.

Во-первых, существует очевидная тенденция к предпочтению молодыми избирателями левых и левоцентристских партий, что объясняется их приверженностью к идеям социальной справедливости, равенства и защиты окружающей среды. Однако нельзя игнорировать тот факт, что рост популярности правых партий в последние годы ставит под вопрос устойчивость этой тенденции. Некоторые исследования указывают на то, что социально-экономическая нестабильность и кризисные явления могут способствовать электоральной переориентации молодежи на более консервативные и националистические движения.

Во-вторых, наблюдается интересное противоречие: несмотря на традиционную ориентацию молодежи на левые ценности, уровень их реального участия в деятельности партий остается относительно низким. Это может свидетельствовать о кризисе доверия к политическим институтам и предпочтении неинституциональных форм участия, таких как онлайн-активизм и протестная деятельность. В этом контексте важным направлением дальнейших исследований является выявление факторов усиления молодежной политической вовлеченности.

Третий аспект дискуссии касается международных молодежных организаций и их роли в формировании политической культуры молодых людей. Данные свидетельствуют о том, что такие структуры, как Европейский молодежный форум или Европейский молодежный парламент, создают платформы для активного политического диалога и межкультурного обмена. Однако остается открытым вопрос об их реальном влиянии на политические процессы и способности трансформировать молодежную активность в конкретные политические решения.

Особое внимание следует уделить протестным движениям как ключевой форме политической активности молодежи. Протесты, например в рамках движения #FridaysForFuture, показывают, что молодое поколение способно оказывать значительное давление на власть и общество. Однако остается неясным, насколько эффективны эти формы протеста в долгосрочной перспективе и могут ли они привести к устойчивым политическим изменениям.

Наконец, важным аспектом обсуждения является влияние цифровых технологий на политическое участие молодежи. Социальные сети и интернет-платформы стали не только инструментами мобилизации, но и каналами для распространения политической информа-

ции, формирования общественного мнения и организации протестов. Тем не менее остается вопрос о том, в какой степени виртуальное участие может компенсировать недостаточную традиционную политическую активность.

Заключение

Молодежь в Европе представляет собой ключевой стратегический ресурс, оказывающий значительное влияние на политическую, экономическую и социальную сферы. В условиях постиндустриального общества, где доминируют информационные технологии, молодое поколение формирует новые модели взаимодействия, трансформируя традиционные формы политического участия. В отличие от старших возрастных групп, молодежь демонстрирует более выраженные предпочтения и активно использует гибкие, персонализированные способы вовлечения в общественную жизнь.

Изменение политического ландшафта Европы, усиленное процессами глобализации и кризисом традиционных партий, привело к пересмотру молодежью своих электоральных и политических стратегий. Несмотря на традиционную поддержку левых партий, современная молодежь стремится к более прагматичным и результативным формам политического влияния, что выражается в росте интереса к неинституциональным методам участия.

Молодежные политические организации и международные объединения играют важную роль в политической социализации, предоставляя площадку для взаимодействия, обучения и формирования гражданской идентичности. Однако, наряду с институциональными механизмами, значительное внимание уделяется протестным движениям, бойкотам и другим альтернативным формам выражения гражданской позиции, позволяющим молодежи оперативно реагировать на социальные вызовы.

В современных условиях растущей динамики общественных изменений молодежь остается главной движущей силой трансформации политической системы. Ее активность и критический взгляд на существующие институты указывают на необходимость пересмотра традиционных механизмов политического участия и адаптации их к новым реалиям цифровой эпохи.

В заключение важно отметить, что будущее молодежного политического участия в Европе остается неопределенным и подвержено влиянию множества факторов. Важно продолжать исследование молодежных политических предпочтений, эффективности различных форм участия и влияния цифровых технологий на политическую активность.

Список источников

1. Евросоюз — Население // Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/european-union/population> (дата обращения: 05.01.2025).
2. Population by age group // EuroStat. 2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00010/default/bar?lang=en&category=t_demo.t_demo_ind (дата обращения: 05.01.2025).
3. Child and youth population on 1 January by sex and age // EuroStat. 2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/YTH_DEMO_010__custom_2164673/

- bookmark/table?lang=en&bookmarkId=42a27316-8ef6-4437-9a13-14ee79e6920a (дата обращения: 05.01.2025).
4. Кастельс М. Информационная эпоха (экономика, общество и культура) / пер. с англ. ; под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : Гос. ун-т. Высш. шк. экономики, 2000. 606 с.
 5. Носова С. С., Кужелева-Саган И. П. Молодежь в сетевом информационно-коммуникативном обществе: зарубежные подходы к изучению проблемы // Сибирский психологический журнал. 2013. № 49. С. 85—96.
 6. Мирясова О. А. Политическое участие и политическое действие // Массовая политика: институциональные основания / под ред. С. В. Патрушева. М. : Полит. эн-цикл., 2016. С. 114—135.
 7. Сафронов В. Политическое участие в странах Европы: общественный контекст и социально-культурные неравенства // Телескоп. 2015. № 1 (109). С. 26—37.
 8. McAdam D. Social movement theory and the prospects for climate change activism // Annual Review of Political Science. 2017. Vol. 20. P. 89—208.
 9. Understanding European movements: new social movements, global justice struggles, anti-austerity protest / eds. C. F. Fominaya, L. Cox. London : Routledge, 2013. 284 p.
 10. Understanding Europe's shift to the right. URL: <https://www.politico.eu/article/understanding-europes-shift-to-the-right/> (дата обращения: 15.01.2025).
 11. 2020: A year in protests / G. Rachman et. all // Financial Times. 2020. 25 December. URL: <https://www.ft.com/content/6e95f7d8-508b-40db-9d0d-4fb561cbfa48> (дата обращения: 07.01.2025).
 12. Fridays for Future: Climate strikers are back on the streets // DW.COM. 2020. 25 September. URL: <https://www.dw.com/en/climate-change-environment-greta-thunberg-merkel-global-strike-climate-action-luisa-neubauer/a-54618006> (дата обращения: 12.02.2025).
 13. Стенограмма: речь Греты Тунберг на Саммите ООН по мерам в области изменения климата National Public Radio, США. 25 сентября 2019 г. // ИНОСМИ. URL: <https://inosmi.ru/social/20190925/245886965.html> (дата обращения: 23.01.2025).
 14. Митралиас Й. Май 1968 — Март 2023! // РАБКОР : интернет-журнал. URL: https://rabkor.ru/columns/analysis/2023/04/03/may_1968_march_2023/ (дата обращения: 15.01.2025).
 15. Костюк Р. Европейские радикальные левые: против разных империализмов // РАБКОР : интернет-журнал. URL: https://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2022/07/26/european_radical_left_against_various_imperialisms/ (дата обращения: 15.01.2025).
 16. Лаврикова А. А. Пространство политического участия: опыт систематики // Теория и проблемы политических исследований. 2017. № 6 (3А). С. 118—126.
 17. Левшина А. А. Мотивационно-смысловая основа участия молодежи в общественно-политических организациях // Северо-Кавказский психологический вестник. 2010. Т. 8, № 4. С. 53—56.
 18. Никитенко А. И. Молодежная политика в Европейском Союзе: современное состояние // PolitBook. 2014. № 4. С. 113—121.
 19. European Youth Forum. URL: <https://www.youthforum.org/about> (дата обращения: 05.01.2025).
 20. This isn't just a student protest. It's a children's crusade // The Guardian. 2010. 24 November. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2010/nov/24/student-protests-childrens-crusade> (дата обращения: 19.01.2025).
 21. Quaranta M. Towards a Western European Social Movement Society? // Partecipazione e Conflitto. 2016. Vol. 9, № 1. P. 233—258.
 22. The Global Justice Movement: A Cross-National and Transnational Perspective / ed. della Porta D. New York : Paradigm, 2007. 288 p.
 23. Rescourio A., Tridimas B. Greta Thunberg's rise from youth activist to global climate leader // Context. 2023. 15 November. URL: <https://www.context.news/just-transition/greta-thunbergs-rise-from-teen-activist-to-global-climate-leader> (дата обращения: 07.02.2025).

References

1. Evrosoyuz – Naselenie [European Union - Population], *Trading Economics*. Available at: <https://ru.tradingeconomics.com/european-union/population> (accessed: 05.01.2025).
2. Population by age group, *EuroStat*, 2024. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00010/default/bar?lang=en&category=t_demo.t_demo_ind (accessed: 05.01.2025).
3. Child and youth population on 1 January by sex and age, *EuroStat*, 2024. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/YTH_DEMO_010_custom_2164673/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=42a27316-8ef6-4437-9a13-14ee79e6920a (accessed: 05.01.2025).
4. Kastel's M. Informatsionnaya epokha (ekonomika, obshchestvo i kul'tura) [Information Age (Economics, Society and Culture)]. Moscow, Gos. un-t. Vyssh. shk. ekonomiki, 2000, 606 p. (in Russ.)
5. Nosova S.S., Kuzheleva-Sagan I.P. Molodezh' v setevom informatsionno-kommunikativnom obshchestve: zarubezhnye podkhody k izucheniyu problem [Youth in Network Information-Communication Society: Foreign Approaches to Studying the Problem], *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal [Siberian Psychological Journal]*, 2013, no. 49, pp. 85-96.
6. Miryasova O.A. Politicheskoe uchastie i politicheskoe deystvie [Political Participation and Political Action], *Massovaya politika: institutsional'nye osnovaniya [Mass Politics: Institutional Foundations]*. Moscow, Polit. entsikl., 2016, pp. 114-135.
7. Safronov V. Politicheskoe uchastie v stranakh Evropy: obshchestvennyy kontekst i sotsial'no-kul'turnye neravenstva [Political Participation in the Countries of Europe: Public Context and Socio-cultural Inequalities], *Teleskop [Telescope]*, 2015, no. 1 (109), pp. 26-37.
8. McAdam D. Social movement theory and the prospects for climate change activism, *Annual Review of Political Science*, 2017, vol. 20, pp. 89-208.
9. Fominaya C.F., Cox L. (eds.) Understanding European movements: new social movements, global justice struggles, anti-austerity protest. London, Routledge, 2013, 284 p.
10. Understanding Europe's shift to the right. Available at: <https://www.politico.eu/article/understanding-europes-shift-to-the-right/> (accessed: 15.01.2025).
11. Rachman G. et. al. 2020: A year in protests, *Financial Times*, 2020, 25 December. Available at: <https://www.ft.com/content/6e95f7d8-508b-40db-9d0d-4fb561cbfa48> (accessed: 07.01.2025).
12. Fridays for Future: Climate strikers are back on the streets, *DW.COM*, 2020, 25 September. Available at: <https://www.dw.com/en/climate-change-environment-greta-thunberg-merkel-global-strike-climate-action-luisa-neubauer/a-54618006> (accessed: 12.02.2025).
13. Stenogramma: rech' Greta Tunberg na Sammite OON po meram v oblasti izmeneniya klimata National Public Radio, SShA. 25 sentyabrya 2019 g. [Tapescript: Greta Tunberg's speech at the UN Summit on Measures in the Sphere of Climate Changes, National Public Radio, USA, September 25, 2019], *INOSMI [INOSMI]*. Available at: <https://inosmi.ru/social/20190925/245886965.html> (accessed: 23.01.2025).
14. Mitralias Y. May 1968 – Mart 2023!, *RABKOR, internet-magazine*. Available at: https://rabkor.ru/columns/analysis/2023/04/03/may_1968_march_2023/ (accessed: 15.01.2025).
15. Kostyuk R. Evropeyskie radikal'nye levye: protiv raznykh imperializmov [The European Radical Left: Against Various Imperialisms], *RABKOR, internet-magazine*. Available at: https://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2022/07/26/european_radical_left_against_various_imperialisms/ (accessed: 15.01.2025).
16. Lavrikova A.A. Prostranstvo politicheskogo uchastiya: opyt sistematiki [The Space of Political Participation: Experience of Systematics], *Teoriya i problemy politicheskikh issledovaniy [Theory and Problems of Political Research]*, 2017, no. 6 (3A), pp. 118-126.
17. Levshina A.A. Motivatsionno-smyslovaya osnova uchastiya molodezhi v obshchestvenno-politicheskikh organizatsiyakh [Motivational and Conceptual Foundation of the

- Youth's Participation in Public and Political Organizations], *Severo-Kavkazskiy psikhologicheskiy vestnik [North Caucasian-Psychological Bulletin]*, 2010, vol. 8, no. 4, pp. 53-56.
18. Nikitenko A.I. Molodezhnaya politika v Evropeyskom Soyuze: sovremennoe sostoyanie [Youth Policy in European Council: Current State], *PolitBook*, 2014, no. 4, pp. 113-121.
19. European Youth Forum. Available at: <https://www.youthforum.org/about> (accessed: 05.01.2025).
20. This isn't just a student protest. It's a children's crusade, *The Guardian*, 2010, 24 November. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2010/nov/24/student-protests-childrens-crusade> (accessed: 19.01.2025).
21. Quaranta M. Towards a Western European Social Movement Society?, *Partecipazione e Conflitto*, 2016, vol. 9, no. 1, pp. 233-258.
22. della Porta D. (ed.) *The Global Justice Movement: A Cross-National and Transnational Perspective*. New York, Paradigm, 2007, 288 p.
23. Rescourio A., Tridimas B. Greta Thunberg's rise from youth activist to global climate leader, *Context*, 2023, 15 November. Available at: <https://www.context.news/just-transition/greta-thunbergs-rise-from-teen-activist-to-global-climate-leader> (accessed: 07.02.2025).

Информация об авторах

Сапронов Евгений Русланович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: sapron666123@gmail.com

Юрченко Маргарита Алексеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики, международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: yurchenko-maa@ranepa.ru

Information about the authors

Evgeny R. Sapronov — Master's Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: sapron666123@gmail.com

Margarita A. Yurchenko — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Linguodidactics, International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: yurchenko-maa@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 27.05.2025; одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 27.05.2025; approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication 20.06.2025.

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

EDUCATION AND UPBRINGING

Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 32—54.
Siberia Humanitarian. 2025;(3):32—54.

Образование и воспитание

Научная статья
УДК 378.12:323.1(47+57)
DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-32-54
EDN HHYNOK

Дружба народов как советская концепция и политика (на примере формирования многонационального состава преподавателей и аспирантов Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1946—1978 гг.)

Татьяна Семеновна Иларионова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, ilarionovat@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8615-5374>

Аннотация. Советская концепция дружбы народов ушла из политической практики вместе с развалом Советского Союза. В статье анализируются причины ее возникновения и направления практического воплощения в жизнь. Автор впервые рассматривает на примере законодательных актов СССР то, как использовался руководством СССР инструмент административно-территориального деления страны для утверждения «дружбы народов», каким образом, в том числе благодаря индустриальным проектам, шло формирование общности советского народа и как этому служила система образования. Особое внимание в статье уделяется примеру Академии общественных наук при ЦК КПСС (АОН при ЦК КПСС), образованной в 1946 г. Академия стала важной организацией, влиявшей на карьеру партийных и советских работников. С самого начала ставка делалась на прием в нее аспирантов и слушателей из разных областей и республик СССР. Многонациональным с годами становился и коллектив ее преподавателей. Пример АОН при ЦК КПСС показывал общий курс советского государства на создание условий для тесного общения людей разных культур и языков для узнавания ими друг друга, совместного труда, достижения общих целей, взаимопонимания. Это развитие не шло изолированно от общих процессов в стране. Так же, как и за ее стенами, АОН пережила кампанию борьбы с космополитизмом, которая вылилась в травлю профессоров-евреев. В то же время некоторые евреи, как и люди других национальностей, смогли сделать запомнившиеся карьеры в Академии.

Ключевые слова: дружба народов, советский народ, система образования, Академия общественных наук при ЦК КПСС, многонациональный трудовой коллектив, межнациональные отношения

Для цитирования: Иларионова Т. С. Дружба народов как советская концепция и политика (на примере формирования многонационального состава преподавателей и аспирантов Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1946—1978 гг.) // Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 32—54. DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-32-54. EDN HHYNOK.

Education and upbringing

Original article

Friendship of Peoples as a Soviet Concept and Policy (on the example of the formation of a multinational staff of teachers and graduate students of the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU in 1946-1978)

Tatiana S. Ilarionova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow,
Russian Federation, ilarionovat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-5374>

Abstract. The Soviet concept of friendship of peoples disappeared from political practice with the collapse of the Soviet Union. The article analyzes the causes of its occurrence and the directions of its practical implementation. For the first time, the author examines, using the example of legislative acts of the USSR, how the USSR leadership used the instrument of administrative and territorial division of the country to establish the “friendship of peoples”, how, through industrial projects in addition to other methods, the formation of the community of the Soviet people took place and how the education system served this purpose. The article pays special attention to the example of the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU (ASS under CC of CPSU), established in 1946. The Academy became an important organization that influenced the careers of party and Soviet officials. From the very beginning, the emphasis was on the admission of graduate students and students from different regions and republics of the USSR. Over the years, its teaching staff also became multinational. The example of the ASS under the CC of the CPSU showed the general course of the Soviet state towards creating conditions for close communication between people of different cultures and languages, for them to get acquainted with each other, work together, achieve common goals, and mutual understanding. This development did not proceed in isolation from the general processes in the country. As well as outside its walls, the ASS lived through a campaign against cosmopolitanism, which resulted in persecution of Jewish professors. At the same time, some Jews, like people of other nationalities, were able to make memorable careers at the Academy.

Keywords: friendship of peoples, Soviet people, education system, Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU, multinational workforce, interethnic relations

For citation: Ilarionova T.S. Friendship of Peoples as a Soviet Concept and Policy (on the example of the formation of a multinational staff of teachers and graduate students of the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU in 1946-1978). *Siberia Humanitarian*. 2025;(3):32—54. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-3-32-54>. <https://elibrary.ru/hhynok>.

Введение

Актуальность исследования, постановка проблемы. В XX в. многонациональными государствами было разработано, создано ограниченное количество концепций совместного проживания народов. Среди них — концепция «плавильного котла» в США [1—8], мультикультурализма в Германии [9—14], дружбы народов в СССР. Смысл и назначение всех этих концепций — создание системы социальных отношений в полиэтническом обществе с доминированием большой нации, утверждением именно ее языка и культуры в качестве государственных приоритетов, но также и с защитой традиций, поселенческой практики, экономических предпочтений национальных меньшинств (чтобы меньшинствами принималась культура большого народа, а противоречия и несогласия были бы нивелированы, подавлены, сведены на нет).

Все эти концепции активно пропагандировались властями, критиковались с разных сторон общественностью, в конечном счете в той или иной мере претерпели изменения, а то и пережили крах. Как и за рубежом, где остаются бастионы защиты прежних концепций в лице государственных деятелей и органов, ответственных за проведения региональной политики, в современной Российской Федерации еще есть приметы прежнего курса: существует Российский университет дружбы народов (РУДН) — один из крупнейших вузов в стране, а советский орден Дружбы народов стал просто орденом Дружбы. Кстати, распавшийся именно по этнополитическим границам СССР имел реинкарнацию этого ордена во многих из ставших независимыми республиках СНГ.

Россия не пересматривала советскую концепцию дружбы народов, она просто от нее отошла: в государственных документах эта дефиниция перестала употребляться как актуальная. В подп. «в» п. 21.1 Стратегии государственной национальной политики (утв. Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666) дружба народов приведена в контексте сохранения и приумножения «духовного, исторического и культурного наследия и потенциала многонационального народа Российской Федерации».

С начала 1990-х гг. в России предпринимаются попытки освоить зарубежные концепции мирного сожительства национальностей, отечественные ученые положительно оценивают теорию «плавильного котла» [15] и, особенно, теорию мультикультурализма [16—19]. Показательно: в Университете дружбы народов на протяжении последних лет регулярно проходят научные конференции, посвященные именно мультикультурализму [20—22]. Более того, мультикультурализм становится и для бывших советских республик направлением исследований и обоснования преимуществ практического политического использования [23 ; 24]. Это, впрочем, не мешало издателям выпустить в то же самое время в свет труд яростного германского критика курса на мультикультурализм Тило Саррацина [25].

Однако в официальных документах России мультикультурализм не прижился, чаще всего (и это было похоже на новую концепцию без обоснования) стало встречаться другое понятие — «гармониза-

ция межнациональных отношений». В Стратегии государственной национальной политики она обозначается (в подп. «г» п. 5) как приоритет государственной национальной политики. На эту тему проводятся также конференции и пишутся монографии. Хотя и здесь видна расплывчатость терминов: пишут о гармонизации и этнокультурных, и этнорелигиозных, и межэтнических отношений. Термины, близкие по смыслу, но не такие ясные и однозначные, как «дружба народов» [26—30].

И это не удивительно. Углубленное исследование этой темы приводит к парадоксальному выводу: никакой стройной концепции дружбы народов в СССР и не существовало: не было принято ни единого стратегического документа на сей счет, отсутствовал стройный план развития этой дружбы и укрепления ее в обществе. Да, проводились пленумы ЦК КПСС, выступали генеральные секретари, принимались постановления ЦК и Политбюро партии о межнациональных отношениях, но и там дружба народов представляла только как набор фраз, смысл которых не раскрывался [31].

Целью исследования стало определение отдельных направлений государственной политики в отношении народов СССР, которые не афишировались, но раскрывали идею создания единого советского народа на основе регулируемого соединения в совместном общении людей разных национальностей, в частности на основе трудовых и образовательных миграций, что на практике и означало дружбу народов с доминированием русского языка и социалистической идентичности.

Задачами исследования явились выявление условий и последствий регулируемых трудовых переселений, а также деятельность системы образования как причины миграции. Этот механизм предметно изучен на примере формирования коллектива аспирантов и преподавателей Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Объектом исследования стала государственная политика в сфере межнациональных отношений как результат миграций, сведения вместе разных народов СССР с условием их мирного сожительства и коммуникации на русском языке, с опорой на русскую культуру, что и получило в документах КПСС название «дружба народов».

Предмет исследования — процесс формирования «новой исторической общности» — советского народа.

Гипотезой исследования выступил тезис о целенаправленном искусственном формировании партийным руководством СССР новой формы постоянного взаимодействия и совместного проживания народов на основе регулируемых миграций как шаге к достижению гомогенного ассимилятивного общества, в основе существования которого был курс, публично названный дружбой народов.

Эмпирической базой исследования стали законы СССР и решения КПСС о межнациональных отношениях, труды теоретиков на эту тему, а также документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) о развитии Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Методами исследования были исторический и компаративный анализ, а также социологические методы.

Результаты и обсуждения

К истории концепции дружбы народов. Основателя советского государства В. И. Ленина чрезвычайно заботил национальный вопрос: «Национальная программа рабочей демократии: никаких безусловно привилегий ни одной нации, ни одному языку» [32, с. 118]. В своем труде «Критические заметки по национальному вопросу» в 1913 г. он впервые делает важное смысловое замещение одной проблемы другой: «Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман. Наш лозунг есть интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения» [32, с. 120]. При этом жесткой критике им подвергалось предположение, будто бы большевики выступают за «ассимиляторство». Казалось — вот оно, решение больной застарелой проблемы: нужно вынести за скобки прежних социальных отношений межнациональные конфликты, и они больше не заявят о себе.

И. В. Сталин, не придерживавшийся на деле позиции Ленина ни в вопросе самоопределения наций вплоть до отделения, ни в вопросе территориальной обособленности, автономии национальностей, тем не менее воодушевленно развивал идею социалистической нации, которая будто бы будет свободна от межэтнических распрей и склок. В своей речи по поводу принятия Конституции СССР 1936 г. он заявил:

Отсутствие эксплуататорских классов, являющихся основными организаторами межнациональной драки; отсутствие эксплуатации, культивирующей взаимное недоверие и разжигающей националистические страсти; наличие у власти рабочего класса, являющегося врагом всякого порабощения и верным носителем идей интернационализма; фактическое осуществление взаимной помощи народов во всех областях хозяйственной и общественной жизни; наконец, расцвет национальной культуры народов СССР, национальной по форме, социалистической по содержанию, — все эти и подобные им факторы привели к тому, что изменился в корне облик народов СССР, исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось в них чувство взаимной дружбы и наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства.

В результате мы имеем теперь вполне сложившееся и выдержавшее все испытания многонациональное социалистическое государство, прочности которого могло бы позавидовать любое национальное государство в любой части света [33, с. 126].

Позже партийные деятели в своих трудах стали представлять Сталина как вдохновителя концепции дружбы народов [34 ; 35].

Партийные ученые также вносили свой вклад в разработку этой темы. Во-первых, велось агитационное разъяснение национальной политики, фактически просто механически транслировались решения ВКП(б) на тему межнациональных отношений [36—37], что выдавалось за высокую теорию и должно было безоговорочно приниматься как истина. Во-вторых, описывались институты дружбы народов, в частности, таким институтом представлялась Красная армия [38]. В-третьих, значительное количество трудов выпускалось в национальных республиках: это была та самая аудитория, которая как раз и нуждалась в разъяснениях, что есть дружба народов и как она успешно реализуется в СССР [39—42]. Было и немало цинизма: о дружбе народов авторы писали на примере мест, откуда насиль-

ственно некоторые из народов выселялись (видимо, чтобы эта государственная репрессивная акция поскорее забылась) [43]. Удивительно: чем ближе был распад СССР, тем больше книг и статей о дружбе народов выходило в свет [44—48].

Мейнстрим дружбы народов был и в новой советской Конституции, принятой в 1977 г. Правда, словесное оформление этой максимы изменилось: «Долг каждого гражданина СССР — уважать национальное достоинство других граждан, укреплять дружбу наций и народностей Советского многонационального государства» (ст. 64). В ст. 69 это требование распространялось также на зарубежных партнеров: «Интернациональный долг гражданина СССР — содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержанию и укреплению всеобщего мира» [49].

Но, как известно, несмотря на массированную пропаганду дружбы народов/дружбы наций и народностей, именно по этническому принципу, по внутригосударственным национально-административным границам развалился в конечном счете СССР, что и дискредитировало всю концепцию. Так в чем же были беды применения на практике хорошей вроде бы идеи?

И «плавильный котел», и мультикультурализм, и дружба народов внедрялись государственными органами с помощью самых разных инструментов — от идеолого-пропагандистских до вполне материальных, а то и репрессивных. В СССР, например, была проведена массовая депортация народов, но это никак не смущало органы власти вплоть до XX съезда КПСС продолжать произносить высокопарные официальные речи, писать пространные книги, петь задорные песни, снимать фильмы о дружбе народов.

Как же на практике формировалось советское совместное жительство народов, смешение разных этносов, как создавалась эта новая ситуация в стране, что и получит название «дружба народов»? Помимо армии, где в одном коллективе плечом к плечу служили представители разных наций и народностей, использовались такие методы социальной инженерии, как плановый набор рабочей силы из регионов на крупные промышленные стройки; прием в вузы, в которых молодежь, подчас впервые в своей жизни, меняла место жительства, встречалась с представителями других национальностей и должна была воспитываться в духе интернационализма — без освоения языков других народов, а с упором на изучение языка межнационального общения.

Особенностью СССР (в отличие от зарубежных практик и первоначальной ленинской идеи) было то, что страна придерживалась фактически дореволюционной линии на удержание населения в местах рождения, свободного перемещения по стране не было, институт прописки был важнейшим ограничителем неконтролируемых внутренних миграций. Даже ГУЛАГ строился с учетом этого требования. Так, депортированные народы размещались на новых местах жительства по преимуществу компактно, в отрыве от населения принявших территорий.

Дружба народов куется в труде и учебе

Одними из важнейших механизмов этнокультурной гомогенизации населения были масштабные экономические проекты советской власти [50 ; 51]. Этому содействовали повсеместно утверждавшиеся коллективистские формы советского быта: на многочисленных промышленных стройках люди, оставившие свои прежние дома, были вынуждены жить в бараках, землянках, общежитиях. То, что это было сознательной политикой советской власти, подтверждает, в частности, постановление Совета народных комиссаров Союза ССР от 11 января 1930 г. «О плане обеспечения новых заводов квалифицированной рабочей силой» [52, с. 324].

Это делалось в то время, когда переселение в города было фактически под запретом. И механизм подобных целенаправленных миграций раскрывают истории отдельных производств, берущих свое начало в годы индустриализации. В частности, история Магнитстроя (Магнитки), воссозданная в книге Валерия Кучера, показывает и стихийность, и планомерность в развитии политики привлечения трудовых ресурсов на эту знаменитую стройку Урала. Автор подчеркивает, что коллектив Магнитки — вчерашние крестьяне из ближних и дальних мест, которые создали особую среду в «барачном городе». Сюда направлялись и ссыльные. Так, в 1931 г. было принято решение «о высылке для Магнитстроя 5 000 татарских семей» [53, с. 88]. Ясно, что эти люди были вынуждены ускоренно пройти все стадии ассимиляции, чтобы в новых условиях выжить.

Много позже, уже после войны, начинается оргнабор и на московские предприятия, в сферу жилищно-коммунального хозяйства приходят так называемые лимитчики. Только в годы перестройки началось исследование этого явления, в том числе и в художественной форме [54 ; 55]. Результат: появление многонациональных регионов. Показателен пример Казахстана: он стал «планетой ста языков» [56] из-за направленных сюда репрессированных народов, поднятой целины и строек народного хозяйства с планомерным оргнабором [57—60].

Русское население активно агитировали за переезд в такие места, как бывшая Восточная Пруссия, ставшая Калининградской областью, в национальные республики и автономные области [61 ; 62]. Для колхозников, живших без паспортов (паспорта колхозникам стали выдавать только с 1974 г.), лишенных права перемещаться по собственной стране, это было единственной возможностью вырваться в город, начать новую жизнь.

Еще одной легальной возможностью изменить судьбу, поменяв место жительства, был институт образования. Вузы были ориентированы на прием молодежи из самых разных мест проживания. Вузовские общежития строили именно с тем расчетом, что учиться приедут как раз те, кто не проживает в городе, где размещается учебное заведение.

Система образования в 1920—1940-е гг. прошла через многие реорганизации и трансформации, поначалу этот процесс был стихийным. Партийные органы и наркоматы настойчиво искали нужную систему образования. Вузы создавались, разрастались, реорганизо-

вывались, упразднялись. И создавались новые. Эта система должна была стать проводником идей интернационализма, носителем национальной по форме и социалистической по содержанию советской культуры. Эта задача не объявлялась открыто, однако работа вузов в этом направлении — создание в них студенческих общежитий, установление квот для приема иногородних — свидетельствует именно о том, что система образования становилась важным институтом социализации молодежи по-советски, в котором фактором личного развития и общественного признания становилась дружба народов.

АОН при ЦК КПСС — образец политики дружбы народов

В 1946 г. свою деятельность начала Академия общественных наук при ЦК КПСС. Академия стала важной организацией, влияющей на карьерный рост партийных и советских работников. С самого начала ее деятельности ставка делалась на прием аспирантов и слушателей из разных областей и республик СССР. Многонациональным с годами становился и коллектив ее преподавателей: если вначале читали лекции и вели семинары только русские, евреи и украинцы, то в последующем это были представители десятков национальностей. Пример АОН при ЦК КПСС показывал на практике генеральный курс советского государства в сфере сожительства народов: создание условий для тесного взаимодействия людей разной культуры и языков, узнавания ими друг друга для совместного труда, достижения единых целей, взаимопонимания и, главное, коммуникации на языке межнационального общения — на русском языке с принятием советских ценностей.

Как, за счет чего было достигнуто это разнообразие? Уже указывалось, что, несмотря на институт прописки, который жестко регламентировал жизнь советского человека, предписывал ему оставаться в месте своего рождения [63], система образования давала возможность юноше или девушке, а в случае с АОН при ЦК КПСС — партийному или советскому работнику, отправиться на обучение в Москву. Чтобы побудить молодых людей воспользоваться этой возможностью, преподаватели Академии регулярно выезжали в командировки для работы с союзными и областными (краевыми) партийными организациями по отбору перспективных молодых руководителей, способных учиться в столице. О каждой из таких поездок ректорат ставил в известность ЦК КПСС. География этих поездок более чем примечательна. Так, в 1953 г., по примеру предыдущих лет, ректорат Академии просил ЦК откомандировать группу своих работников из восьми человек в областные, краевые и республиканские партийные организации в целях обеспечения отбора кандидатов для поступления в аспирантуру. Речь, в частности, шла о городах Ленинграде, Киеве, Минске, Риге, Таллине, Вильнюсе, Горьком, Куйбышеве, Казани, Кирове, Молотове, Свердловске, Челябинске, Ростове, Краснодаре, Ашхабаде, Фрунзе, Ташкенте [64, л. 24].

Подготовленные кадры в последующем пополняли и сам коллектив АОН (наряду со специалистами из других вузов и научных заведений). Однако отбор по профессиональным качествам шел очень серьезный. Так, в 1961 г. с разрешения ЦК КПСС преподаватель-

ский коллектив Академии должны были пополнить из десятирых выпускников, находившихся на испытательном сроке, только четверо — двое русских, украинец и якут. Якут в последующем в списках преподавателей не значился [65, л. 13—14].

Изменения национального состава коллектива преподавателей были таковы: если в 1946 г. при образовании Академии, как уже указывалось, в числе профессоров были только русские, евреи и украинцы, то в 1954/1955 учебном году было русских — 139, украинцев — 10, евреев — 9, белорусов — 6, армян — 4, болгарин — 1, поляк — 1, грузинка — 1, латыш — 1, кореец — 1, коми-пермяк — 1¹.

Затем произошло сокращение штатов. Кроме того, ЦК стал требовать отчетности только по основному составу преподавателей (значительное количество лекторов и научных руководителей аспирантов в Академии составляли совместители — они в последующей статистике не учитывались). Картина национального состава работников на 15 февраля 1958 г. стала следующей: русские — 27; евреи — 5; белорусы — 3, украинцы — 3²; на 1 января 1961 г. — русские — 45; евреи — 5, украинцы — 4, белорусы — 3, армяне — 2, кореец — 1³.

В 1974 г. в ЦК КПСС вновь был направлен отчет по всем научно-педагогическим сотрудникам Академии (включая методистов кафедр). Он выглядел так: русские — 230, украинцы — 23, армяне — 9, белорусы — 9, евреи — 9, азербайджанцы — 3, ассирийцы — 2, болгарин — 1, испанка — 1, кореец — 1, лезгин — 1, молдаванин — 1, осетин — 1, татарин — 1, узбек — 1, чуваш — 1⁴.

Национальный состав кадров аспирантов и преподавателей был объектом наблюдения не только ЦК партии, но и органов госбезопасности. В эти инстанции руководство Академии по запросу время от времени отправляло специальные информационные письма о наличии в коллективе представителей тех или иных национальностей. Учет состава также велся кадровой службой — для проверяющих органов. В 1953 г., после смерти Сталина и до своего ареста, этими данными интересовался Л. П. Берия. Академия направила ему информацию об аспирантах и курсантах-грузинах [70, л. 40].

Понимая, что дружба народов — это не только академическая, но и практическая тема, в Академии учебные планы подготовки аспирантов включали лекции такого рода, как на кафедре истории КПСС на 1953/1954 учебный год: «Прогрессивное значение присоединения нерусских народностей к России», «Октябрьская революция и формирование социалистических наций в СССР» [71, л. 47].

Несмотря на это, Академию не обошли стороной кампании преследования людей по признакам национальности. Так, 11, 14 и 16 марта 1949 г. в течение трех дней проходило объединенное заседание кафедр истории СССР, международных отношений и всеобщей истории Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), посвященное вопросам борьбы с космополитизмом [72, л. 1—254].

¹ Подсчитано по: [66, л. 1—21].

² Подсчитано по: [67, л. 69—74].

³ Подсчитано по: [68, л. 109—114].

⁴ Подсчитано по: [69, л. 3—40].

Стенограмма этого заседания передает царившую тогда атмосферу — атмосферу поиска новых врагов, преследования евреев, морального прессинга на профессуру, которая достигла определенного общественного признания и вот теперь подвергалась поруганию. И хотя ни один из ораторов ни слова не говорил о евреях, было ясно и так, что именно против них развязана кампания: обструкции подверглись академик И. И. Минц, профессора И. М. Разгон и Н. Л. Рубинштейн. В постановлении объединенного заседания кафедр говорилось: «Перечисленные выше лица представляют собой группу безродных космополитов, в тесной связи с этой группой находится ряд других лиц (Городецкий, Верховень, Шелюбский и др.), которые также нанесли значительный ущерб развитию советской исторической науки. Эти люди прикрывали антипатриотическую работу академика Минца И. И., восхваляли его, а академик Минц, в свою очередь, незаслуженно популяризовал их, как историков, положивших начало разработке истории советского периода» [73, л. 256—257].

Травля не ограничилась только этим заседанием. В феврале 1950 г. заявление на академика Исаака Израйлевича Минца написал руководство кафедры, где он работал:

Ректору Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)

Кафедра истории СССР просит освободить от обязанностей члена кафедры и научного руководителя Академии Минца Исаака Израйлевича, который, несмотря на неоднократную критику со стороны аспирантов и преподавателей кафедры, продолжает безответственно относиться к работе с аспирантами и к другим поручениям кафедры.

За время работы академика Минца на кафедре истории его работа подвергалась критике почти на каждом партийном собрании.

...Аспиранты 3-его курса: Петрова, Гусев и Аминьев, ныне работающие под руководством академика Минца, выражают свое недовольство практикой научного руководства Минца. Тов. Петрова Л. Ф. на последнем партийном собрании высказала опасение, что под руководством Минца она не сможет подготовить высококачественную и глубокую в научно-теоретическом отношении диссертацию. Академик Минц И. И. до сих пор не высказал своего отношения к проведенной в 1949 г. критике его космополитических ошибок. Больше того, он продолжает поддерживать свои космополитические «теории».

Так, например, 20-го января 1950 г. при обсуждении на кафедре лекции доцента Чугаева на тему: «Образование СССР» академик Минц попытался затушевать и отвлечь критику от высказанного им ранее антиленинского тезиса о том, что «Германская революция открыла дорогу для освобождения Прибалтики и Белоруссии» (Минц, «История», стр. 163, М. 1946).

27 января 1950 г. во время защиты аспирантом Акимовым Н. Н. диссертации на тему: «Мобилизационная деятельность Совета рабочей и крестьянской обороны» академик Минц выступил и взял под защиту Ларина, деятельность которого диссертант в своей диссертации совершенно правильно, с партийной позиции, подверг критике, как деятельность оппортунистическую, направленную на срыв создания 3-миллионной Красной Армии.

Кафедра считает дальнейшее пребывание академика Минца на кафедре недопустимым [74, л. 28—29].

Подобная скандальная ситуация сложилась и вокруг профессора Штейна. Его не спасло даже то, что он длительное время параллельно с Академией работал в Министерстве иностранных дел СССР и в Высшей дипломатической школе. В 1952 г. ему припомнили даже то, что он «с февраля по июнь 1918 г. состоял в трудовой группе и с апреля по январь 1919 г. — в РСДРП (меньшевиков)» [75, л. 55—56]. Профессор сопротивлялся и просил о защите Московский городской комитет КПСС. Оттуда было направлено в Академию письмо с просьбой «сообщить истинную причину освобождения его [Штейна — Т. И.] от занятий в академии» [76, л. 13]. Однако уже в списках преподавателей 1953/1954 учебного года фамилия Штейна не встречается... И показательно: начиная с 1950 г. в списках аспирантов Академии (примерно по 90 человек на каждом курсе) не было ни одного еврея [77, л. 1—39, 165—189].

Однако были и те, кто хорошо вписался в тот исторический контекст: так, Григорий Ерухимович Глезерман, заведующий кафедрой диалектического и исторического материализма, был одним из самых активных и потому обласканных руководством Академии. Он часто выезжал за рубеж, а в конце 1960-х гг. назначается на должность заместителя ректора Академии общественных наук при ЦК КПСС, эту должность он занимал до 1975 г. (освобожден по постановлению ЦК КПСС [78, л. 24]). За время своей научной деятельности с 1930 г. Г. Е. Глезерман написал большое количество научных работ, раскрывающих закономерности общественного развития с позиций марксистско-ленинской философии. Всего им было опубликовано более ста научных работ объемом около 250 печатных листов.

Глезерман был фронтовиком: с начала 1943 г. находился на фронте. Служил в течение полутора лет заместителем редактора газеты 5-й Гвардейской стрелковой дивизии, затем корреспондентом 11-й Гвардейской армии, в дальнейшем — начальником отдела пропаганды Особого военного округа. В декабре 1945 г. демобилизовался. За время службы в армии награжден орденом Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» [79, л. 5—6]. Оставив пост заместителя ректора, Глезерман не оставил коллектива, он длительное время еще был в АОН на преподавательской работе, а также трудился как член редколлегии журнала ЦК КПСС «Политическое самообразование» [78, л. 24]. Во всех анкетах он писал о своей национальности: еврей [80, л. 34].

Академия была организацией послевузовского образования. Основной ее работой была подготовка кандидатов и докторов наук. Аспиранты занимались в основном темами идеологической направленности, и дружба народов была одной из часто встречавшихся в названиях диссертаций тем. Некоторые из исследований были, что называется, проходными. Часто научные руководители и сами аспиранты не очень утруждали себя даже при формулировании научной задачи. Например, в брошюре 1951 г., в которой были приведены названия защищенных в 1947—1950 гг. диссертаций, указано, что только по кафедре истории ВКП(б) в 107 работах из 206 в заголовке

содержалось слово «борьба» («Борьба партии большевиков за...», «Борьба партии большевиков против...») [81, с. 3—32].

Однако были и диссертации, чья актуальность, безусловно, сохраняется по сей день. Так, П. А. Сейранян 17 декабря 1948 г. защитил диссертацию «Присоединение Карабаха к России» [81, с. 35], Н. В. Карапетян 8 марта 1950 г. — «Армянский вопрос в Турции и политика империалистических держав накануне первой мировой войны (1908—1914 гг.)» [81, с. 50], Л. О. Мерзляков 30 декабря 1947 г. — «Переселение на Восток и его значение в царской России и в СССР» [81, с. 57].

Некоторые авторы писали историю, что называется, с чистого листа. Например, такие диссертации, как «Образование Чувашской Автономной Советской Социалистической республики» (автор Я. К. Павлов, дата защиты — 25 июня 1948 г.); «Образование Якутской АССР» (автор Г. Г. Макаров, дата защиты — 23 декабря 1949 г.) [81, с. 40], безусловно, стали отправными точками для изучения советских реалий в указанных регионах.

Особое внимание уделялось руководящим кадрам национальных республик. С 1949 г. в Академии работают курсы первых секретарей обкомов, райкомов и ЦК компартий союзных республик, председателей облисполкомов, крайисполкомов и председателей советов Министров союзных и автономных республик при ЦК КПСС.

В 1964 г. в АОН был организован Институт научного атеизма, который был призван анализировать ситуацию с ростом религиозности населения СССР и предлагать меры противодействия этому. Однако вопросы вероисповедания имеют национальный аспект. Об этом ученые Института начинают писать в своих докладах в ЦК КПСС. Так, например, 30 декабря 1974 г. была подготовлена информация о ходе выполнения мероприятий, разработанных в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 26 июня 1974 г. «О мерах по усилению работы с населением немецкой национальности» [82, л. 184—185]. На основании своего исследования авторы разработали систему мероприятий по усилению атеистического воспитания среди немецкого населения. В частности, прошла серия докладов, лекций и сообщений по «раскрытию положительного опыта атеистической работы в регионах проживания немецкого населения, анализировались причины усиления религиозно-националистических настроений, активизации религиозных экстремистов, обсуждались проблемы усиления контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах». По этому образцу Институт провел аналогичные зональные совещания в Новосибирске (февраль 1975 г.), Риге (март 1975 г.), Алма-Ате (апрель 1975 г.). Все это шло в русле изменения отношений с Западом и проработки темы создания в Казахстане Немецкой автономной области — проект этот закончился полным провалом и массовыми выступлениями казахского населения в 1979 г. [83]

Своеобразной «встречей» разных национальностей была жизнь аспирантов и слушателей академии в Москве. И тут не обходилось без недоразумений: то, что на родине некоторые аспиранты считали нормой, в Москве, как выяснялось, было недопустимым. Подобные факты приводили к отчислению из Академии. Одно из подобных

происшествий получило отражение в документе на имя секретаря ЦК ВКП(б) М. А. Суслова от 26 мая 1951 г.:

Аспирант кафедры политической экономии тов. Нупрпеисов Н... имеет партийное взыскание — строгий выговор с занесением в учетную карточку, вынесенный ему бюро Советского райкома ВКП(б) г. Москвы 13 апреля с.г. за нарушение советских законов о труде и образовании, выразившихся в экспл[у]атации двенадцатилетней девочки в качестве домработницы и издевательствах к ней отношении...

Ректорат Академии просит решить вопрос о направлении тов. Нупрпеисова Н. на практическую работу [84, л. 77].

Были и персональные дела, которые приходилось разбирать парткому. В отличие от довоенных времен, когда власти стремились поддерживать тем или иным способом семьи взрослых, обучающихся в системе партобразования, после войны отношение к этой проблеме изменилось: стипендия назначалась исходя из должностного статуса аспиранта или слушателя, отталкивались от зарплаты, которую человек получал на прежней работе, а общежитие предоставлялось строго без возможности привезти в Москву семью. Это имело много последствий: семьи тем или иным способом все же размещались в общежитии, практически нелегально, о чем другие аспиранты ставили в известность ЦК, ну а те, кто был на учебе в одиночестве, нередко заводили романтические отношения с сокурсницами (сокурсниками), о чем также становилось известно, и партийным комитетам кафедр приходилось разбирать «персональные дела». Одно из таких «персональных дел» об отношении мужчины и женщины из двух разных среднеазиатских советских республик рассматривали на кафедре истории философии в январе 1956 г. [85, л. 6].

Национальный фактор использовался Академией и для проведения внешней политики. С первых дней своего существования образовательное учреждение должно было осуществлять подготовку кадров для стран социалистического лагеря, позже — и для развивающихся стран. Отношения с этими партнерами строились непросто, приходилось учитывать разницу во взглядах лидеров государств, и работа Академии сводилась к помощи в организации за рубежом родственных ей учебных заведений (академий), а также в приеме на обучение в Москве представителей братских партий. Интересны данные о составе аспирантов-иностранцев в АОН с 1950 по 1977 гг. Братские партии старались присылать на учебу по преимуществу представителей основной своей национальности. Но в некоторых случаях, видимо, либо под давлением СССР, либо в стремлении понравиться СССР, социалистические и развивающиеся страны присылали в Москву представителей, у которых имелись родственные народы в Советском Союзе:

аспиранты из Ирака — 4 человека; из них 2 курда, 1 русская;
аспиранты из Ирана — 12 человек; из них 4 азербайджанца;
аспиранты из Монголии — 93 человека; из них 1 бурят-монгол, 3 казаха;
аспиранты из ЧССР — 191 человек; из них 13 украинцев [86, л. 15—18, 23, 24, 27—29, 30—33, 34, 37—44].

В целом процессы, которые происходили в отдельно взятом коллективе, в нашем случае — коллективе Академии общественных наук при ЦК КПСС, были характерны для всей страны, руководство которой видело будущее в создании общности советского народа, для которого фактор национальности был бы вторичным, а на первом месте стояло бы государственное сплочение на основе государственного же языка и единой социалистической культуры, чего можно было добиться с помощью регулируемых миграций, «мягкой» политики принятия всеми общих образцов жизни.

Выводы

Политика дружбы народов на определенном этапе развития СССР достигала своей цели: переписи населения год от года фиксировали упрочение позиций русского языка, переход многих национальностей на него в бытовом общении. Многонациональные коллективы возникали не только в РСФСР, но и в союзных республиках. Эта идея пронизывала самые разные социальные сегменты, достигая «молекул» общества — трудовых коллективов, учебных заведений, смешанных семей. Контролируемый процесс формирования ассимилятивного общества был обусловлен настойчивым стремлением советского государства стать таким, как все, — национальным государством, т. е. гомогенным в этническом и ментальном отношении, когда общие ценности, вне зависимости от происхождения человека, определяют его жизнь, будущее, создают условия для самореализации. Советский народ был эвфемизмом, за которым скрывался продуманный курс властей на сплочение разнородных элементов общества в социальное целое, что дало бы нужный эффект для бесконфликтного внутреннего развития и успешного соревнования с моноэтническими нациями. Однако концепция дружбы народов потерпела в исторической перспективе неудачу, видимо, именно из-за этого: усилия по ее внедрению не перекрывали естественной тяги национальностей (и особенно национальной элиты) к своей собственной организации жизни.

Список источников

1. Дюжакова М. В. Поликультурное образование в контексте миграционных процессов. Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2022. 172 с.
2. Горшунова Е. Ю., Горшунов Ю. В. Межкультурная коммуникация и этнические стереотипы и ярлыки англоговорящего сообщества : учеб. пособие. М. : Проспект, 2015. 151 с.
3. Чертина З. С. Плавильный котел?: Парадигмы этнического развития США = Melting Pot?. М. : ИВИ РАН, 2000. 163 с.
4. Hamm C. Berlin Irving: Songs from the Melting Pot: The Formative Years, 1907—1914. N. Y. : Oxford University Press, 1997. 292 p.
5. Gordon Milton M. Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origins. N. Y. : Oxford University Press, 1964. 288 p.
6. Joppke C. Immigration and the Nation-State: The United States, Germany, and Great Britain. Oxford ; N. Y. : Oxford University Press, 1999. 368 p.
7. Masuoka N. Multiracial Identity and Racial Politics in the United States. N. Y. : Oxford University Press, 2017. 280 p.

8. Ramírez Catherine S. Assimilation. An Alternative History. Oakland : University of California Press, 2020. 256 p.
9. Bielefeldt H. Menschenrechte in der Einwanderungsgesellschaft: Plädoyer für einen aufgeklärten Multikulturalismus. Bielefeld : Transcript Verlag, 2015.
10. Duller M. Multikulturalismus // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2018. Vol. 70 (1). P. 145—147.
11. Merkel: eine kritische Bilanz / Philip Plickert (Hrsg.) ; mit Beiträgen von Thilo Sarrazin [et al.]. München : FBV, 2018. 254 p.
12. Multikulturalismus / hrsg. von Manuela Reinartz. Trier, 1993.
13. Ohlert M. Zwischen «Multikulturalismus» und «Leitkultur» : Integrationsleitbild und-politik der im 17. Deutschen Bundestag vertretenen Parteien. Wiesbaden : Springer VS, 2015. 720 p.
14. Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab wie wir unser Land aufs Spiel setzen. München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2010. 461 p.
15. Сибирский пламенный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века : сб. науч. ст. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории Объед. ин-та истории, филологии и философии ; [отв. ред. — Д. Я. Резун]. Новосибирск, 2004. 233 с.
16. Биче-оол В. К. Многоаспектность понятия «мультикультурализм» // Молодежь в науке и культуре XXI века = Youth in science and culture of the XXIst century : материалы Междунар. науч.-творч. Форума (6—8 нояб. 2014 г.). Ч. 1. Челябинск : Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2014. С. 11—12.
17. Гасанова Н. К. Глобальный мультикультурализм vs «русский мультикультурализм». М. : МГИК, 2015. 107 с.
18. Дмитриева Л. М., Пригода Н. С. Мультикультурализм как фактор формирования современного общества. Омск : Омский гос. техн. ун-т, 2010. 97 с.
19. Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения : [сб.]. М. : Независимый ин-т коммуникативистики, 2002. 491 с.
20. Диалог цивилизаций: Восток-Запад. Глобализация и мультикультурализм: Россия в современном мире : материалы X науч. конф. молодых ученых. М. : Российский ун-т дружбы народов, 2010. 408 с.
21. Диалог цивилизаций: Восток-Запад. Глобализация и мультикультурализм: Россия в современном мире : материалы XI науч. конф. молодых ученых. М. : РУДН, 2011. 408 с.
22. Диалог цивилизаций: Восток-Запад. Глобализация и мультикультурализм: Россия в современном мире : материалы XII науч. конф. молодых ученых. М. : РУДН, 2012. 523 с.
23. Екадумов А. И. Диалог культур и парадоксы мультикультурализма в многополярном мире. Минск : БГУ, 2015. 157 с.
24. Касымов А. А., Евсеев В. О. Политическое регулирование проблем мультикультурализма в Республике Таджикистан : моногр. М. : Русайнс, 2018. 152 с.
25. Саррацин Т. Германия: самоликвидация: [смертельный приговор Германии уже вынесен] / [пер. с нем. Т. А. Набатникова]. М. : АСТ, 2016. 558 с.
26. Гармонизация межэтнических отношений населения регионов Юга России в зеркале социальной справедливости : моногр. / Ю. Г. Волков, А. В. Бедрик, Н. К. Бинева [и др.] ; под ред. Ю. Г. Волкова. М. : КноРус, 2022. 249 с.
27. Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Абакан, 21 окт. 2021 г.). Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2021. 308 с.
28. Роль общественных организаций в гармонизации межнациональных отношений и межкультурного диалога в Дагестане. Менеджмент социальных проектов : семинар-вебинар (2013; Махачкала). М. : Парнас, 2013.

29. Роль общественных организаций в гармонизации межнациональных отношений и межкультурного диалога в Дагестане. Менеджмент социальных проектов : материалы семинара-вебинара (Махачкала, 31 мая 2013 г.) / М-во по национальной политике Республики Дагестан, Дагестанский гос. педагогический ун-т. М. : Парнас, 2013. 71 с.
30. Шадже А. Ю. Гармонизация межнациональных отношений: некоторые аспекты духовной жизни. Майкоп : Краснодар. кн. изд-во : Адыг. отд-ние, 1990. 77 с.
31. О национальной политике партии в современных условиях : доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева 19 сентября 1989 г. // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 19—20 сентября 1989 г. М. : Политиздат, 1989. С. 14—43.
32. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : изд-во полит. лит., 1973. Т. 24. С. 113—150.
33. Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР : доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // Сочинения. Т. 14. М. : Писатель, 1997. С. 126.
34. Токарежский Е., Казиев М. Сталинская дружба народов СССР. Баку : Азернешр, 1940. 24 с.
35. Хрущев Н. С. Сталин и великая дружба народов. Минск : ГИЗБел, 1940. 12 с.
36. Георгиади Я. Г. Дружба народов СССР. М. : Соцэкгиз, 1936. 48 с.
37. Равин С. М. Дружба народов СССР. Ленинград : изд. и 1 тип. изд-ва Лениблисполкома и Ленсовета, 1937. 46 с.
38. Вишневский А. Я. Школа дружбы народов: (Красная Армия — школа интернационализма и дружбы народов). Душанбе : Ирфон, 1976. 223 с.
39. Аликберов Г. А. Дружба народов — основа свободы и процветания народов Дагестана. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1956. 94 с.
40. Гадоев Х. Ленинская дружба народов. Душанбе : [б. и.], 1974. 21 с.
41. Клычдурдыев А. Октябрь и дружба народов. Ашхабад : Туркменистан, 1988. 141 с.
42. Украинские революционные демократы о дружбе украинского народа с русскими : [сб. ст.]. Киев : Изд-во Акад. наук Укр. ССР, 1955. 164 с.
43. Повесть о дружбе: коллективная повесть (о крымском колхозе «Дружба народов») / В. Фролова, А. Домбровский, О. Соболев [и др.]. Симферополь : Таврия, 1986. 174 с.
44. Дружба народов — характерная черта социалистического образа жизни / [Р. Х. Аминова, З. Х. Арифханова, К. А. Акилов и др.]. Ташкент : Фан, 1980. 203 с.
45. Исмагулова К. Б. Великая сила дружбы народов СССР: дружба народов — один из главных источников Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Алма-Ата : О-во «Знание» КазССР, 1985. 27 с.
46. Пашаев В. М. Дружба народов и интернациональность в поэзии. Баку : О-во «Знание» АзССР, 1986. 69 с.
47. Сужиков М. М. Дружба народов многонационального Казахстана. Алма-Ата : О-во «Знание» КазССР, 1983. 40 с.
48. Усубалиев Т. У. Дружба народов — наше бесценное завоевание. Фрунзе : Кыргызстан, 1980. 403 с.
49. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Гарант. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 25.04.2025).
50. Белов К., Бородовский Я. Огни дружбы: очерк о строительстве межреспубликанской колхозной гидроэлектростанции «Дружба народов». Рига : Латгосиздат, 1953. 56 с.
51. Зорин И. А. Кайраккумская ГЭС «Дружба народов» / [лит. запись Т. Зброжек]. Душанбе : Ирфон, 1967. 60 с.
52. О плане обеспечения новых заводов квалифицированной рабочей силой : постановление Совета народных комиссаров Союза ССР от 11 янв. 1930 г. // О культурном строительстве. М. : Работник просвещения, 1930. С. 324.

53. Кучер В. Магнитка — это навсегда : в 2 ч. Ч. 1. Дела и судьбы сталинских директоров. М., 2003. 283 с.
54. Алешкин П. Ф. Лимитчики. М. : Голос, 1994. 331 с.
55. Москва инородцев и лимитчиков. М. : Анаграмма, 2009. 219 с.
56. Поль М. «Планета ста языков»: этнические отношения и советская идентичность на целине // *Eurasica*. 2004. № 1. С. 5—33.
57. Трудовые резервы: орган Госкомитета Совета Министров КазССР по профтехобразованию (оргнабору рабочих и переселению). Алма-Ата, 1958.
58. Байтанов Н. Р. Тебя ждет орденоносная Акмолинщина / отд. переселения и оргнабора при исполкоме Акмолинской обл. Совета депутатов трудящихся. Акмолинск : [б. и.], 1960. 31 с.
59. Боярский П. Д., Сорокин В. Т. Добро пожаловать в павлодарское Прииртышье / отд. переселения и оргнабора рабочих при Павлодарском облисполкоме. Павлодар : [б. и.], 1960. 31 с.
60. Идет набор рабочих на стройках Казахстана. Приглашаем на стройки пятилетки! : плакат / худож. Поляков ; Гл. упр. переселения и оргнабора рабочих при Совете Министров КазССР. [Алма-Ата] : Кайнар, 1966. 1 л. : офсет; 60 x 42 см.
61. Товарищи колхозники и колхозницы Орловской области! Переселяйтесь на богатые и плодородные земли Багратионовского, Краснознаменского и Нестеровского районов Калининградской области / отдел переселения и оргнабора рабочих Орловского облисполкома. Орел : [б. и.], 1961. 15 с.
62. Товарищи колхозники, рабочие и механизаторы Орловской области! Переселяйтесь на богатые и плодородные земли совхозов Еврейской автономной области Хабаровского края! / отд. переселения и оргнабора рабочих Орловского облисполкома. Орел : [б. и.], 1961. 6 с.
63. Иларионова Т. С. Институт прописки в СССР: его предшественники и преемники // *Сибирь гуманитарная*. 2024. № 2 (6). С. 9—22.
64. Секретарю ЦК КПСС тов. Михайлову // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 8.
65. Зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 17.
66. Список профессорско-преподавательского состава Академии общественных наук при ЦК КПСС на I.X-1954/1955 учебный год // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 73.
67. Список основного профессорско-преподавательского состава Академии общественных наук при ЦК КПСС на 15 февраля 1958 года // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 73.
68. Список профессорско-преподавательского состава и старших научных сотрудников Академии общественных наук при ЦК КПСС на 1 января 1961 г. // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 73.
69. Список профессорско-преподавательского состава и старших научных сотрудников Академии общественных наук при ЦК КПСС на 1 ноября 1974 г. // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 184.
70. Товарищу Берия Л. П. // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 8.
71. Темы лекций и семинаров для аспирантов кафедры истории КПСС на 1953/1954 учебный год // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 9.
72. Стенограмма заседания кафедр истории СССР, международных отношений и всеобщей истории Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), посвященного вопросам борьбы с космополитизмом // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 783.
73. Постановление объединенного заседания кафедр истории СССР, международных отношений и всеобщей истории Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) от 11, 14 и 16 марта 1949 г. // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 783.
74. Ректору Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) А. Ковалевскому // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 3.
75. Секретарю ЦК КПСС тов. Сулову М. А. // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 7.
76. Ректору Академии общественных наук при ЦК КПСС // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 8.

77. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 169.
78. ЦК КПСС // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 144.
79. Автобиография // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 35.
80. Сведения об авторе // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 35.
81. Кандидатские диссертации, защищенные в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) за 1947—1950 гг. М. : АОН при ЦК ВКП(б), 1951. С. 3—32.
82. О ходе выполнения мероприятий по усилению атеистического воспитания среди немецкого населения // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 134.
83. Иларионова Т. С. Травмы прошлого в сознании немецкого населения СССР в 1960—1980-е гг.: проявления и последствия // Травмы прошлого в России и Германии: психологические последствия и возможности психотерапии : материалы российско-немецкой конференции (27—29 мая 2010 г.). М., 2010. С. 182—187.
84. Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Суслову М. А. // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 5.
85. Иск. № 25 20/I-56 г. // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 13.
86. Список иностранных аспирантов, закончивших АОН, защитивших кандидатские диссертации с 1950 по 1977 гг. // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 194.

References

1. Dyuzhakova M.V. Polikul'turnoe obrazovanie v kontekste migratsionnykh protsessov [Multicultural Education in the Context of Migration Processes]. Voronezh, Voronezh. gos. ped. un-t, 2022, 172 p.
2. Gorshunova E.Yu., Gorshunov Yu.V. Mezhekul'turnaya kommunikatsiya i etnicheskie stereotipy i yarlyki anglogovoryashchego soobshchestva [Intercultural Communication and Ethnic Stereotypes and Labels of English Speaking Society], ucheb. posobie. Moscow, Prospekt, 2015, 151 p.
3. Chertina Z.S. Paviil'nyy kotel?: Paradigmy etnicheskogo razvitiya SShA [Melting Pot? Paradigms of Ethnic Development of the USA]. Moscow, IVI RAN, 2000, 163 p.
4. Hamm C. Berlin Irving: Songs from the Melting Pot: The Formative Years, 1907-1914. New York, Oxford University Press, 1997, 292 p.
5. Gordon Milton M. Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origins. New York, Oxford University Press, 1964, 288 p.
6. Joppke C. Immigration and the Nation-State: The United States, Germany, and Great Britain. Oxford, New York, Oxford University Press, 1999, 368 p.
7. Masuoka N. Multiracial Identity and Racial Politics in the United States. New York, Oxford University Press, 2017, 280 p.
8. Ramírez Catherine S. Assimilation. An Alternative History. Oakland, University of California Press, 2020, 256 p.
9. Bielefeldt H. Menschenrechte in der Einwanderungsgesellschaft: Plädoyer für einen aufgeklärten Multikulturalismus. Bielefeld, Transcript Verlag, 2015.
10. Duller M. Multikulturalismus, *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 2018, vol. 70 (1), pp. 145-147.
11. Plickert Philip (Hrsg.), Sarrazin Thilo [et al.] (eds.) Merkel: eine kritische Bilanz. München, FBV, 2018, 254 p.
12. Reinartz von Manuela (ed.) Multikulturalismus. Trier, 1993.
13. Ohlert M. Zwischen "Multikulturalismus" und "Leitkultur", Integrationsleitbild und politik der im 17. Deutschen Bundestag vertretenen Parteien. Wiesbaden, Springer VS, 2015, 720 p.
14. Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab wie wir unser Land aufs Spiel setzen. München, Deutsche Verlags-Anstalt, 2010, 461 p.
15. Rezun D.Ya. (ed.) Sibirskiy paviil'nyy kotel: sotsial'no-demograficheskie protsessy v Severnoy Azii XVI - nachala XX veka [Siberian Melting Pot: Socio-Demographic Processes in Northern Asia of the 16th – the beginning of the 20th century], sb. nauch. st. Novosibirsk, 2004, 233 p.
16. Biche-ool V.K. Mnogoaspektnost' ponyatiya "mul'tikul'turalizm" [Multidimensionality of the Conception "Multiculturalism"], *Molodezh' v nauke i kul'ture XXI veka = Youth in*

- science and culture of the XXIst century [Youth in Science and Culture of the 21st Century]*, materialy Mezhdunar. nauch.-tvorch. Forum (6-8 November 2014), part 1. Chelyabinsk, Chelyabinskaya gos. akad. kul'tury i iskusstv, 2014, pp. 11-12.
17. Gasanova N.K. Global'nyy mul'tikul'turalizm vs "russkiy mul'tikul'turalizm" [Global Multiculturalism versus "Russian Multiculturalism"]. Moscow, MGIK, 2015, 107 p.
 18. Dmitrieva L.M., Prigoda N.S. Mul'tikul'turalizm kak faktor formirovaniya sovremennogo obshchestva [Multiculturalism as a Factor of the Formation of Modern Society]. Omsk, Omskiy gos. tekhn. un-t, 2010, 97 p.
 19. Rossiyskaya pressa v polikul'turnom obshchestve: tolerantnost' i mul'tikul'turalizm kak orientiry professional'nogo povedeniya [Russian Press in Multicultural Society: Tolerance and Multiculturalism as Points of Orientation in Professional Behavior], [sb.]. Moscow, Nezavisimyy in-t kommunikativistiki, 2002, 491 p.
 20. Dialog tsivilizatsiy: Vostok-Zapad. Globalizatsiya i mul'tikul'turalizm: Rossiya v sovremennom mire [The Dialogue of Civilizations: East-West. Globalization and Multiculturalism: Russia in Modern World], materialy X nauch. konf. molodykh uchenykh. Moscow, Rossiyskiy un-t druzhby narodov, 2010, 408 p.
 21. Dialog tsivilizatsiy: Vostok-Zapad. Globalizatsiya i mul'tikul'turalizm: Rossiya v sovremennom mire [The Dialogue of Civilizations: East-West. Globalization and Multiculturalism: Russia in Modern World], materialy XI nauch. konf. molodykh uchenykh. Moscow, RUDN, 2011, 408 p.
 22. Dialog tsivilizatsiy: Vostok-Zapad. Globalizatsiya i mul'tikul'turalizm: Rossiya v sovremennom mire [The Dialogue of Civilizations: East-West. Globalization and Multiculturalism: Russia in Modern World], materialy XII nauch. konf. molodykh uchenykh. Moscow, RUDN, 2012, 523 p.
 23. Ekadumov A.I. Dialog kul'tur i paradoksy mul'tikul'turalizma v mnogopolyarnom mire [The Dialogue of Cultures and Paradoxes of Multiculturalism in Multipolar World]. Minsk, BGU, 2015, 157 p.
 24. Kasymov A.A., Evseev V.O. Politicheskoe regulirovanie problem mul'tikul'turalizma v Respublike Tadjikistan [Political Regulation of Multiculturalism Problems in the Republic of Tajikistan], monogr. Moscow, Rusayns, 2018, 152 p.
 25. Sarratsin T. Germaniya: samolikvidatsiya: [smertel'nyy prigovor Germanii uzhe vynesen] [Germany: Self-destruction: Death sentence to Germany has already been passed]. Moscow, AST, 2016, 558 p. (in Russ.)
 26. Volkov Yu.G., Bedrik A.V., Binceva N.K. [et al.] Garmonizatsiya mezhetnicheskikh otnosheniy naseleniya regionov Yuga Rossii v zerkale sotsial'noy spravedlivosti [Harmonization of Interethnic Relations of the Population in Southern Regions of Russia as a Reflection of Social Justice], monogr. Moscow, KnoRus, 2022, 249 p.
 27. Profilaktika i protivodeystvie ekstremizmu i terrorizmu v informatsionnoy srede kak uslovie obespecheniya garmonizatsii mezhnatsional'nykh i etnokontsional'nykh otnosheniy [Prevention and Counteractions against Extremism and Terrorism in Information Environment as a Condition of Securing Harmonization of Interethnic and Ethnic-Confessional Relations], sb. materialov III Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Abakan, 21 October 2021). Abakan, Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta, 2021, 308 p.
 28. Rol' obshchestvennykh organizatsiy v garmonizatsii mezhnatsional'nykh otnosheniy I mezhkul'turnogo dialoga v Dagestane. Menedzhment sotsial'nykh proektov, seminar-vebinar (2013; Makhachkala) [The Role of Public Organizations in Harmonizing Interethnic Relations and Intercultural Dialogue in Dagestan. Management of Social Projects, Seminar-Webinar (2013; Makhachkala)]. Moscow, Parnas, 2013.
 29. Rol' obshchestvennykh organizatsiy v garmonizatsii mezhnatsional'nykh otnosheniy I mezhkul'turnogo dialoga v Dagestane. Menedzhment sotsial'nykh proektov [The Role of Public Organizations in Harmonizing Interethnic Relations and Intercultural Dialogue in Dagestan. Management of Social Projects], materialy seminar-vebinara (Makhachkala, 31 May 2013). Moscow, Parnas, 2013, 71 p.

30. Shadzhe A.Yu. *Garmonizatsiya mezhnatsional'nykh otnosheniy: nekotorye aspekty dukhovnoy zhizni* [Harmonization of Interethnic Relations: Some Aspects of Spiritual Life]. Maykop, Krasnodar. kn. izd-vo, Adyg. otd-nie, 1990, 77 p.
31. O natsional'noy politike partii v sovremennykh usloviyakh, доклад General'nogo sekretarya TsK KPSS M.S. Gorbacheva 19 sentyabrya 1989 g. [On National Policy of the Party in Modern Conditions: the Report of the General Secretary of CC of CPSU M.S. Gorbachev dated September 19, 1989], *Materialy Plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS 19-20 September 1989* [Materials of the Central Committee Plenum KPSS 19-20 September 1989]. Moscow, Politizdat, 1989, pp. 14-43.
32. Lenin V.I. Kriticheskie zametki po natsional'nomu voprosu [Critical Notes on Ethnic Issues], *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works], ed. 5. Moscow, Publ. Polit. lit., 1973, vol. 24, pp. 113-150.
33. Stalin I.V. O proekte Konstitutsii Soyuza SSR, доклад na Chrezvychaynom VIII Vsesoyuznom s"ezde Sovetov 25 noyabrya 1936 goda [On the Draft Constitution of the Union of SSR: the Report at the Extraordinary VIII Congress of Soviets on November 25, 1936], *Sochineniya*, vol. 14. Moscow, Pisatel', 1997, p. 126.
34. Tokarzhevskiy E., Kaziev M. *Stalinskaya druzhba narodov SSSR* [Stalin's Friendship of the Peoples of the USSR]. Baku, Azerneshr, 1940, 24 p.
35. Khrushchev N.S. Stalin i velikaya druzhba narodov [Stalin and Great Friendship of the Peoples]. Minsk, GIZBel, 1940, 12 p.
36. Georgiadi Ya.G. *Druzhiba narodov SSSR* [Friendship of the Peoples of the USSR]. Moscow, Sotsekgiz, 1936, 48 p.
37. Ravin S.M. *Druzhiba narodov SSSR* [Friendship of the Peoples of the USSR]. Leningrad, izd. i 1 tip. izd-va Lenoblispolkoma i Lensoвета, 1937, 46 p.
38. Vishnevskiy A.Ya. *Shkola druzhby narodov: (Krasnaya Armiya - shkola internatsionalizma i druzhby narodov)* [The School of Friendship of the Peoples: (the Red Army – the School of Internationalism and Friendship of Peoples)]. Dushanbe, Irfon, 1976, 223 p.
39. Alikberov G.A. *Druzhiba narodov - osnova svobody i protsvetaniya narodov Dagestana* [Friendship of Peoples – the Basis of Freedom and Well-being of the Peoples of Dagestan]. Makhachkala, Dagknigoizdat, 1956, 94 p.
40. Gadoev Kh. *Leninskaya druzhiba narodov* [Lenin's Friendship of the Peoples]. Dushanbe, 1974, 21 p.
41. Klychdurdyev A. *Oktyabr' i druzhiba narodov* [October and Friendship of the Peoples]. Ashkhabad, Turkmenistan, 1988, 141 p.
42. *Ukrainskie revolyutsionnye demokraty o druzhbe ukrainskogo naroda s russkimi* [Ukrainian Revolutionary Democrats on Friendship of Ukrainian People and the Russians], [sb. st.]. Kiev, Publ. Akad. nauk Ukr. SSR, 1955, 164 p.
43. Frolova V., Dombrovskiy A., Sobolev O. (et al.) *Povest' o druzhbe: kollektivnaya povest' (o krymskom kolkhoze "Druzhiba narodov")* [A Tale of Friendship: a Collective Tale (of a Crimean Kolkhoz "Friendship of Peoples")]. Simferopol', Tavriya, 1986, 174 p.
44. Aminova R.Kh., Arifkhanova Z.Kh., Akilov K.A. (et al.) *Druzhiba narodov - kharakternaya cherta sotsialisticheskogo obraza zhizni* [Friendship of Peoples - an Attribute of a Socialist Way of Life]. Tashkent, Fan, 1980, 203 p.
45. Ismagulova K.B. *Velikaya sila druzhby narodov SSSR: druzhiba narodov - odin iz glavnykh istochnikov Pobedy Sovetskogo Soyuz v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941-1945 gg.* [Great Power of Friendship of Peoples of the USSR: Friendship of Peoples – One of the Main Sources of the Victory of the Soviet Union in the Great Patriotic War of 1941-1945]. Alma-Ata, O-vo "Znanie" KazSSR, 1985, 27 p.
46. Pashaev V.M. *Druzhiba narodov i internatsional'nost' v poezii* [Friendship of Peoples and Internationality in Poetry]. Baku, O-vo "Znanie" AzSSR, 1986, 69 p.
47. Suzhikov M.M. *Druzhiba narodov mnogonatsional'nogo Kazakhstana* [Friendship of Peoples of Multinational Kazakhstan]. Alma-Ata, O-vo "Znanie" KazSSR, 1983, 40 p.
48. Usabaliev T.U. *Druzhiba narodov - nashe bestsennoe zavoevanie* [Friendship of Peoples – Our Priceless Achievement]. Frunze, Kyrgyzstan, 1980, 403 p.
49. *Konstitutsiya (Osnovnoy zakon) Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik*, prinyata na vneocherednoy sed'moy sessii Verkhovnogo Soveta SSSR devyatogo sozyva

- 7 October 1977 [The Constitution (the Main Law) of the Union of the Soviet Socialist Republics], *Garant*. Available at: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (accessed: 25.04.2025).
50. Belov K., Borodovskiy Ya. Ogni družby: ocherk o stroitel'stve mezhrespublikanskoy kolkhoznoy gidroelektrostantsii "Družba narodov" [Lights of Friendship: a Story of Constructing Interrepublican Kolkhoz Hydroelectric Power Station "Friendship of Peoples"]. Riga, Latgosizdat, 1953, 56 p.
 51. Zorin I.A. Kayrakkumskaya GES "Družba narodov" [Qairokkum HPP "Friendship of Peoples"]. Dushanbe, Irfon, 1967, 60 p.
 52. O plane obespecheniya novykh zavodov kvalifitsirovannoy rabochey siloy, postanovlenie Soveta narodnykh komissarov Soyuza SSR ot 11 January 1930 [On the Plan of Providing New Plants with Qualified Workforce], *O kul'turnom stroitel'stve [On Measures in the Sphere of Culture]*. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya, 1930, p. 324.
 53. Kucher V. Magnitka - eto navsegda [Magnitka is Forever], in 2 p., part 1. Dela i sud'by stalinskikh direktorov [Affairs and Fates of Stalin's Directors]. Moscow, 2003, 283 p.
 54. Aleshkin P.F. Limitchiki [Limitchiks (Temporary Resident Workers)]. Moscow, Golos, 1994, 331 p.
 55. Moskva inorodtsev i limitchikov [Moscow of Temporary Workers and Outlanders]. Moscow, Anagramma, 2009, 219 p.
 56. Pol' M. "Planeta sta yazykov": etnicheskie otnosheniya i sovetskaya identichnost' na tse-line ["The Planet of One Hundred Languages: Ethnic Relations and Soviet Identity on Virgin Lands"], *Eurasica*, 2004, no. 1, pp. 5-33.
 57. Trudovye rezervy: organ Goskomiteta Soveta Ministrov KazSSR po proftekhobrazovaniyu (orgnaboru rabochikh i pereseleniyu) [Labor Reserves: the Body of State Committee of the Council of Ministers of KazSSR on Professional Technical Education (Organizational Recruitment and Resettlement)]. Alma-Ata, 1958.
 58. Baytanov N.R. Tebya zhdet ordenonosnaya Akmolinshchina [Akmola Region, Decorated with the Order, is Waiting for you]. Akmolinsk, 1960, 31 p.
 59. Boyarskiy P.D., Sorokin V.T. Dobro pozhalovat' v pavlodarskoe Priirtysh'e [Welcome to Pavlodar's Irtysh Land]. Pavlodar, 1960, 31 p.
 60. Polyakov. Idet nabor rabochikh na stroykakh Kazakhstana. Priglashaem na stroyki pyatiletki! [Labor Recruitment to the Constructions of Kazakhstan is Going On. You are Invited to the Constructions of Five Year Plan!], plakat. Kaynar, 1966, 1 l, offset, 60x42 sm.
 61. Tovarishchi kolkhozniki i kolkhoznitsy Orlovskoy oblasti! Pereselyaytes' na bogatye i plodorodnye zemli Bagrationovskogo, Krasnoznamenskogo i Nesterovskogo rayonov Kaliningradskoy oblasti [Comrades! Collective Farmers of Orlov Region! Resettle to Rich and Fertile Lands of Bagrationovsky, Krasnoznamyonny and Nesterovsky Districts of Kaliningrad Region!]. Orel, 1961, 15 p.
 62. Tovarishchi kolkhozniki, rabochie i mekhanizatory Orlovskoy oblasti! Pereselyaytes' na bogatye i plodorodnye zemli sovkhovov Evreyskoy avtonomnoy oblasti Khabarovskogo kraja! [Comrades! Collective Farmers, Workers and Mechanics of Orlov Region! Resettle to Rich and Fertile Lands of States Farms of Jewish Autonomous Region of Khabarovsk krai!]. Orel, 1961, 6 p.
 63. Ilarionova T.S. Institut propiski v SSSR: ego predshestvenniki i preemniki [The Institution of Propiska (Residence Permit) in the USSR: its Forerunners and Successors], *Sibir' gumanitarnaya [Humanitarian Siberia]*, 2024, no. 2 (6), pp. 9-22.
 64. Sekretaryu TsK KPSS tov. Mikhaylovu [To the Secretary of CC of CPSU Comrade Mikhailov], *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH)]*, coll. 606, aids. 2/s, fol. 8.
 65. Zav. otdelom propagandy i agitatsii TsK KPSS po soyuznym respublikam [Head of the Department of Propaganda and Agitation of CC of CPSU in Union Republics], *RSASPH*, coll. 606, aids. 2/s, fol. 17.
 66. Spisok professorsko-prepodavatel'skogo sostava Akademii obshchestvennykh nauk pri TsK KPSS na I.IX-1954/1955 uchebnyy god [The List of Professors and Teaching Staff of the Academy of Social Sciences under CC of CPSU dated 1.09 of the Academic Year 1954/1955], *RSASPH*, coll. 606, aids. 2/s, fol. 73.

67. Spisok osnovnogo professorsko-prepodavatel'skogo sostava Akademii obshchestvennykh nauk pri TsK KPSS na 15 fevralya 1958 goda [The List of the Main Staff of Professors and Teachers of the Academy of Social Sciences under CC of CPSU dated February 15, 1958], *RSASPH*, coll. 606, aids. 2/s, fol. 73.
68. Spisok professorsko-prepodavatel'skogo sostava i starshikh nauchnykh sotrudnikov Akademii obshchestvennykh nauk pri TsK KPSS na 1 yanvarya 1961 g. [The List of Professors and Teaching Staff and Senior Research Associates of the Academy of Social Sciences under CC of CPSU dated January 1, 1961], *RSASPH*, coll. 606, aids. 2/c, fol. 73.
69. Spisok professorsko-prepodavatel'skogo sostava i starshikh nauchnykh sotrudnikov Akademii obshchestvennykh nauk pri TsK KPSS na 1 noyabrya 1974 g. [The List of Professors and Teaching Staff and Senior Research Associates of the Academy of Social Sciences under CC of CPSU dated November 1, 1974], *RSASPH*, coll. 606, aids. 2, fol. 184.
70. Tovarishchu Beriya L.P. [To Comrade Beria L.P.], *RSASPH*, coll. 606, aids. 2/s, fol. 8.
71. Temy lektsiy i seminarov dlya aspirantov kafedry istorii KPSS na 1953/1954 uchebnyy god [Themes of Lectures and Seminars for Postgraduate Students of the Department of the History of CPSU for the Academic Year of 1953/1954], *RSASPH*, coll. 606, aids. 2/s, fol. 9.
72. Stenogramma zasedaniya kafedr istorii SSSR, mezhdunarodnykh otnosheniy i vseobshchey istorii Akademii obshchestvennykh nauk pri TsK VKP(b), posvyashchennogo voprosam bor'by s kosmopolitizmom [Shorthand Notes of the Sitzings of Departments of the History of CPSU, International Relations and World History of the Academy of Social Sciences under CC of AUCP(b) (All-Union Communist Party of the Bolsheviks) Devoted to Struggle against Cosmopolitanism], *RSASPH*, coll. 606, aids. 1, fol. 783.
73. Postanovlenie ob"edinennogo zasedaniya kafedr istorii SSSR, mezhdunarodnykh otnosheniy i vseobshchey istorii Akademii obshchestvennykh nauk pri TsK VKP(b) ot 11, 14 i 16 marta 1949 g. [Decision of the United Sitting of Departments of the History of CPSU, International Relations and World History of the Academy of Social Sciences under CC of AUCP(b) (All-Union Communist Party of the Bolsheviks) dated March 11, 14 and 16, 1949], *RSASPH*, coll. 606, aids. 1, fol. 783.
74. Rektor Akademii obshchestvennykh nauk pri TsK VKP(b) A. Kovalevskomu [To Rector of the Academy of Social Sciences under CC of AUCP(b) Kovalevsky A.], *RSASPH*, coll. 606, aids. 2/s, fol. 3.
75. Sekretaryu TsK KPSS tov. Suslovu M.A. [To Secretary of CC of CPSU Comrade Suslov M. A.], *RSASPH*, coll. 606, aids. 2/s, fol. 7.
76. Rektor Akademii obshchestvennykh nauk pri TsK KPSS [To Rector of the Academy of Social Sciences under CC of CPSU], *RSASPH*, coll. 606, aids. 2/s, fol. 8.
77. *RSASPH*, coll. 606, aids. 2, fol. 169.
78. TsK KPSS [CC of CPSU], *RSASPH*, coll. 606, aids. 2, fol. 144.
79. Avtobiografiya [Autobiography], *RSASPH*, coll. 606, aids. 2/s, fol. 35.
80. Svedeniya ob avtore [Information of the Author], *RSASPH*, coll. 606, aids. 2/s, fol. 35.
81. Kandidatskie dissertatsii, zashchishchennyye v Akademii obshchestvennykh nauk pri TsK VKP(b) za 1947-1950 gg. [Dissertations for the Candidate Degree Defended in the Academy of Social Sciences under CC of AUCP(b) in the Period of 1947-1950]. Moscow, AON pri TsK VKP(b), 1951, pp. 3-32.
82. O khode vypolneniya meropriyatiy po usileniyu ateisticheskogo vospitaniya sredi nemetskogo naseleniya [On the Course of Carrying Out Measures for Strengthening Atheist Upbringing among German Population], *RSASPH*, coll. 606, aids. 2, fol. 134.
83. Ilarionova T.S. Travmy proshlogo v soznanii nemetskogo naseleniya SSSR v 1960-1980-e gg.: proyavleniya i posledstviya [Traumas of the Past in the Consciousness of the German Population of the USSR in the 1960-s-1980-s], *Travmy proshlogo v Rossii i Germanii: psikhologicheskie posledstviya i vozmozhnosti psikhoterapii [Traumas of the Past in Russia and Germany: Psychological Consequences and Possibilities of Psychotherapy]*, materialy rossiysko-nemetskoj konferentsii (27-29 May 2010). Moscow, 2010, pp. 182-187.
84. Sekretaryu TsK VKP(b) tov. Suslovu M.A. [To Secretary of CC of CPSU Comrade Suslov M. A.], *RSASPH*, coll. 606, aids. 2/s, fol. 5.

85. Iskh. № 25 20/I-56 g., *RSASPH*, coll. 606, aids. 2/s, fol. 13.

86. Spisok inostrannykh aspirantov, zakonchivshikh AON, zashchitivshikh kandidatskie disertatsii s 1950 po 1977 gg. [The list of Foreign Postgraduates, who Graduated from the ASS and Defended Dissertations from 1950 to 1977.], *RSASPH*, coll. 606, aids. 2, fol. 194.

Информация об авторе

Иларионова Татьяна Семеновна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Information about the author

Tatiana S. Ilarionova — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of State and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.05.2025; одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 22.05.2025; approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Образование и воспитание

Информационная статья
УДК 378.046.4(571.14)
DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-55-62
EDN JGVBSK

Развитие системы дополнительного профессионального образования специалистов по работе с молодежью в Новосибирской области

Денис Владимирович Чернов^{1✉}, Роман Максимович Четкасов²

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация

² Агентство поддержки молодежных инициатив Новосибирской области, Новосибирск, Российская Федерация

¹ chernov.de@mail.ru ✉

² rchetkasov@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ развития системы дополнительного профессионального образования в сфере молодежной политики Новосибирской области. На основе теоретических исследований, программ и проектов профессионального развития специалистов и руководителей молодежных учреждений выявлены успешные формы и методы повышения их профессионального мастерства. Изучен опыт других регионов Российской Федерации по развитию профессионализма в молодежной сфере. Обобщены теоретические подходы, позволяющие структурировать и систематизировать образовательную деятельность в сфере повышения квалификации выпускников образовательных организаций высшего образования по направлению подготовки «Организация работы с молодежью». Представлены ключевые компоненты системы дополнительного профессионального образования, отвечающие потребностям региона и обеспечивающие формирование и развитие кадрового потенциала молодежных структур в рамках проекта «Корпоративный университет» Агентства поддержки молодежных инициатив Новосибирской области. В качестве элементов, образующих систему дополнительного профессионального образования, определены: курсы повышения квалификации, тренинг-курсы для отдельных категорий специалистов, постоянные онлайн-курсы для работников молодежных учреждений, ежегодный конкурс профессионального мастерства, программы стажировок. В выводах обоснована перспективность дальнейшего развития корпоративной модели дополнительного профессионального образования специалистов и управленцев в сфере молодежной политики в Новосибирской области.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, специалист по работе с молодежью, молодежная политика, корпоративный университет, профессиональное развитие

Для цитирования: Чернов Д. В., Четкасов Р. М. Развитие системы дополнительного профессионального образования специалистов по работе с молодежью в Новосибирской области // Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 55—62. DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-55-62. EDN JGVBSK.

Education and upbringing

Information article

The Development of a System of Additional Professional Education for Specialists Working with the Youth in Novosibirsk region

Denis V. Chernov^{1✉}, Roman M. Chetkasov²

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

² Youth Initiatives Support Agency of Novosibirsk Region, Novosibirsk, Russian Federation

¹ chernov.de@mail.ru✉

² rchetkasov@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the development of the system of additional professional education in the field of youth policy in Novosibirsk region. On the basis of theoretical research, programs and projects of professional development of specialists and heads of youth institutions, successful forms and methods of improving their professional skills are identified. The experience of other regions of the Russian Federation in developing professionalism in the youth sphere is analyzed. The theoretical approaches are summarized that make it possible to structure and systematize educational activities in the field of advanced training of graduates of educational institutions of higher education in the field of training “Organization of work with the youth”. The key components of the system of additional professional education are presented that meet the needs of the region and ensure the formation and development of the human resources potential of youth structures within the framework of the Corporate University project of the Agency for Support of Youth Initiatives in Novosibirsk Region. The following elements are defined as those forming the system of additional professional education: advanced training courses, training courses for certain categories of specialists, permanent online courses for specialists of youth organizations, an annual professional skills competition, internship programs. The conclusions substantiate the prospects for further development of the corporate model of additional professional education for specialists and managers in the field of youth policy in Novosibirsk region.

Keywords: Additional professional education, specialist in youth work, youth policy, corporate university, professional development

For citation: Chernov D.V., Chetkasov R.M. The Development of a System of Additional Professional Education for Specialists Working with the Youth in Novosibirsk region. *Siberia Humanitarian*. 2025;(3):55—62. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-3-55-62>. <https://elibrary.ru/jgvbsk>.

Реализация молодежной политики на территории Новосибирской области — актуальная задача социальной политики по формированию управленческого и кадрового потенциала региона. На повестке остро стоит вопрос о подготовке и сопровождении специалистов молодежных учреждений, от которых зависит степень вовлеченности молодежи в социальную сферу, экономику, политику. Профес-

сионализм кадров в сфере молодежной политики, отвечающий современным реалиям, возможен только в условиях эффективно работающей системы дополнительного профессионального образования специалистов по работе с молодежью, учитывающей особенности и использующей потенциал Новосибирской области.

Дополнительное профессиональное образование в молодежной политике — достаточно молодое направление развития образовательных практик последних двух десятилетий. Оно включает обучение специалистов, имеющих среднее профессиональное или высшее образование, для приобретения, совершенствования знаний, умений и навыков, необходимых для специалиста по работе с молодежью.

Рассматривая вопрос повышения квалификации сотрудников в широком смысле, стоит отметить, что через обучение организация получает возможность повысить общую эффективность использования трудовых ресурсов, внедрить инновационные методы организации труда и улучшить качество оказываемых услуг, соответственно, стать конкурентоспособной организацией с позитивным имиджем [1, с. 29]. Сложилось несколько подходов к пониманию процесса повышения квалификации. Так, К. А. Гололобов, Т. В. Коваленко повышение квалификации рассматривают как «взаимообусловленный процесс, оказывающий влияние как на эффективность труда, так и на качество кадрового потенциала компании» [2]. Исследователи А. Э. Галина, Е. В. Малютина, Т. А. Уколова считают, что «повышение квалификации персонала — это обучение кадров в целях совершенствования знаний, умений, навыков и способов общения в связи с ростом требований к профессии или повышением в должности» [3].

Под корпоративным университетом понимается система внутреннего обучения компании, построенная на основе единой с кадровой политикой концепции, охватывающая все уровни руководителей и специалистов. «Реализация корпоративного университета предполагает осуществление деятельности инновационной формы подготовки и повышения квалификации, которая строится на следующих принципах: непрерывности образования; индивидуализации образовательных целей и программ; коллективной природы образовательных процессов» [4, с. 29]. Роль корпоративного обучения как формы повышения квалификации специалистов выражается в поддержке стратегического развития организации, обучении специализированным профессиональным и гибким навыкам, обучении не только сотрудников организации, но и сотрудников партнеров, потенциальных и реальных клиентов (трансляция знаний и опыта во внешнюю среду).

Сам корпоративный университет как форма работы в сфере молодежной политики впервые начал реализовываться на территории Республики Татарстан. Главной целью данного направления работы является «создание образовательной системы для эффективного достижения поставленных стратегических задач и непрерывного развития кадрового потенциала сферы молодежной политики в долгосрочной перспективе, методическое обеспечение и сопровождение деятельности специалистов молодежной политики, а также оценка качества их работы» [5].

За более чем два десятилетия развития современной модели молодежной политики в Новосибирской области сложилось несколько востребованных и эффективных образовательных практик, определяющих содержание деятельности корпоративного университета.

1. Тренинг-курс для специалистов по работе с молодежью реализуется с целью совершенствования проектного подхода в управлении изменениями в молодежной среде и включает в себя работу в таких форматах, как: тренинг-семинар в онлайн-формате, онлайн-обучение и менторское сопровождение (в формате мастермайнд-групп) внедрения полученного опыта, завершающий онлайн(офлайн)-тренинг-семинар. В рамках курса специалисты сферы молодежной политики получают знания по таким темам, как: проектная работа, общие вопросы реализации молодежной политики (стратегии молодежной работы, постановка целей проекта, функции и компетенции молодежного лидера), исследование потребностей целевой аудитории и определение проблематики, команда проекта и измерение результатов.

2. Тренинг-курс для специалистов, работающих с подростками и молодежью, находящимися в трудной жизненной ситуации, направлен на повышение качества проводимой в органах и учреждениях по делам молодежи работы по данной проблеме. К используемым формам работы относятся: стартовый тренинг-семинар в офлайн-формате, онлайн-обучение на платформе *stepik*, менторское сопровождение, завершающий офлайн-тренинг-семинар. В рамках курса разработано и издано методическое пособие для молодежных работников, в котором представлены различные инструменты для работы специалистов с рассматриваемой целевой аудиторией.

3. Тренинг-курс для организаторов и тренеров образовательных мероприятий для молодежи. Цель курса — «повышение качества комплексных образовательных продуктов для молодежи в Новосибирской области, создаваемых и реализуемых в рамках молодежной работы». Программа курса состоит из тренинг-семинаров и дистанционного обучения между ними (с менторским сопровождением участников), а также итоговой онлайн-встречи. В рамках курса участники реализовывали собственные образовательные продукты, созданные при поддержке тренерского состава курса. Данный курс, на наш взгляд, имеет особую значимость, поскольку, во-первых, в молодежной среде наблюдается тенденция к освоению такой специальности, как «тренер образовательных программ» или «тренер неформального образования», где специалист может выступать в роли наставника или тренера на других образовательных площадках и проектах; во-вторых, у специалиста формируются профессиональные компетенции, присущие тренерам неформального образования: методическая, социально-психологическая, дифференциально-психологическая, общепедагогическая и прочие; в-третьих, развиваются личностные качества, такие как: коммуникативность, критическое мышление, умение управлять собой, работать в команде, креативность [6].

В рамках корпоративного университета молодежной политики Новосибирской области осуществляется обучение не только специалистов, но и руководителей молодежных центров, органов по делам

молодежи. Так, в 2024 г. состоялся тренинг-курс для руководителей молодежных центров Новосибирской области, целью которого являлась выработка и реализация стратегических решений, направленных на развитие молодежных центров как команды и платформы для поддержки молодых людей в качестве активных участников общественной жизни. В ходе работы обучающимися были освоены новые управленческие подходы, а также систематизированы лучшие практики и методические разработки. Данные материалы были представлены на межрегиональном уровне в рамках вебинаров методического клуба, что способствовало обмену опытом с коллегами из других регионов и расширению профессиональных навыков наших специалистов.

Современные социальные вызовы, в том числе пандемия коронавируса, способствовали развитию в Новосибирской области онлайн-курсов повышения профессионального мастерства сотрудников молодежных центров. Среди них наиболее востребованы: постоянный онлайн-курс вводной адаптации молодежных работников Новосибирской области, постоянный онлайн-курс для организаторов форумов Новосибирской области.

Постоянный онлайн-курс вводной адаптации молодежных работников Новосибирской области способствует эффективному включению начинающих специалистов в работу молодежных центров Новосибирской области. Курс строится на практических заданиях, включает три основных блока: молодежная политика, молодежная работа и молодежные исследования.

Целью постоянного онлайн-курса для организаторов форумов Новосибирской области является обеспечение специалистов сферы молодежной политики актуальной методической информацией о специфике организации и проведения молодежных форумов. Курс строится на практических заданиях и включает четыре основных блока: введение в программу курса, подходы к организации форума, направления организации форума, завершающие действия.

Отдельным направлением развития системы дополнительного профессионального образования специалистов по работе с молодежью в нашем регионе является методический клуб, представляющий собой площадку для профессионального роста и регулярного обмена опытом, объединяющий руководителей и специалистов в сфере молодежной политики Новосибирской области. Методический клуб предоставляет возможность специалистам при поддержке корпоративного университета систематизировать свои практики в методические разработки и делиться опытом на онлайн-площадке. Методический клуб имеет два формата работы: телеграм-чат и регулярные онлайн-встречи. Эти формы позволяют специалистам сферы молодежной политики Новосибирской области обсуждать актуальные проблемы и темы, интересные кейсы.

В настоящее время вебинары методического клуба проводятся в сотрудничестве с Федеральным подростковым центром, а также со специалистами из Челябинской, Архангельской, Омской и других областей.

Центром системы дополнительного профессионального образования специалистов по работе с молодежью является ежегодный кон-

курс профессионального мастерства. Он проводится в целях повышения качества и эффективности работы специалистов сферы молодежной политики Новосибирской области, а также формирования мотивации к профессиональному развитию и совершенствования компетенций. Конкурс включает в себя индивидуальные и командные испытания. При выполнении практического задания на конкурсе участники не только используют имеющиеся знания, но и приобретают новый опыт. Конкурс также позволяет проанализировать собственный опыт, познакомиться с новыми техниками, методиками, что способствует приобретению новых компетенций.

Усиливает систему и придает ей практико-ориентированный характер разработанная корпоративным университетом программа стажировок для молодежных работников, направленная на повышение уровня профессиональных компетенций через обмен опытом и демонстрацию успешных практик организации мероприятий и деятельности молодежных центров. Повышение квалификации специалистов в форме стажировок рассматривается как «основная часть деятельностного блока образовательной программы дополнительного профессионального образования, которая реализуется на базе... площадок на основе системно-деятельностного подхода» [7].

В качестве наставников в процессе стажировок выступают специалисты молодежных центров, которым предоставляется доступ к информации о кадровом резерве молодежных работников для совместной реализации мероприятий. Лучшие наставники программы направляются на стажировку в другие регионы для изучения инфраструктуры молодежной политики, обмена опытом и знаниями.

Таким образом, в Новосибирской области на современном этапе фактически сложилась система дополнительного профессионального образования специалистов, работающих в сфере молодежной политики, включающая следующие основные компоненты: курсы повышения квалификации; тренинг-курсы для отдельных категорий специалистов; постоянные онлайн-курсы для работников молодежных учреждений; ежегодный конкурс профессионального мастерства; программу стажировок. Совершенствование профессионального мастерства специалистов по работе с молодежью в нашем регионе зависит от комплексной реализации каждого из представленных компонентов. Практика Корпоративного университета сферы молодежной политики в Новосибирской области, показывающая высокие результаты в вопросах подготовки кадров и совершенствования профессионализма, подтверждает успешность системы и определяет перспективы развития дополнительного профессионального образования специалистов по работе с молодежью в нашем регионе.

Список источников

1. Григорьева И. В. Формы и способы повышения квалификации в контексте реализации профессиональных стандартов // Вестник Российского университета кооперации. 2019. № 1 (35). С. 29—34.
2. Гололобов К. А., Коваленко Т. В. Повышение квалификации как форма обучения персонала // Материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых, приуроченной к 50-летию экономического факультета Донецкого

- национального университета (г. Донецк, 8—9 декабря 2016 г.). Донецк, 2016. С. 588—591.
3. Галина А. Э., Малютин Е. В., Уколова Т. А. Современные подходы к профессиональному развитию и обучению персонала в организации // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 1 (169). С. 89.
 4. Глабчастый А. И. Корпоративное обучение как форма профессионального образования // Среднее профессиональное образование. 2009. № 1. С. 29—31.
 5. Синеглазова А. Г., Галеева М. З. Корпоративный университет для специалистов сферы молодежной политики // Наука, образование: предпринимательская деятельность в поведенческой экономике, формы реализации и механизмы обеспечения : материалы Нац. науч.-практ. конф. (Казань, 4 декабря 2020 г.). Казань : ТИСБИ, 2020. С. 239—243.
 6. Романенко Е. В. Особенности востребованных профессиональных компетенций тренеров-преподавателей // Молодой ученый. 2020. № 52 (342). С. 433—435.
 7. Петухова Г. В., Петухов С. Ю. Стажировка как форма повышения квалификации педагогов на базе общеобразовательной организации // Педагогическое мастерство : материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2015 г.). М. : Буки-Веди, 2015. С. 190—193. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/151/7907/> (дата обращения: 28.07.2025).

References

1. Grigor'eva I.V. Formy i sposoby povysheniya kvalifikatsii v kontekste realizatsii professional'nykh standartov [Forms and Ways of Upgrade Qualification in the Context of Realizing Professional Standards], *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii [Bulletin of the Russian Cooperation University]*, 2019, no. 1 (35), pp. 29-34.
2. Gololobov K.A., Kovalenko T.V. Povyshenie kvalifikatsii kak forma obucheniya personala [Upgrade Qualification as a Form of Personnel's Training], *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh, priurochennoy k 50-letiyu ekonomicheskogo fakul'teta Donetskogo natsional'nogo universiteta (g. Donetsk, 8-9 December 2016) [Proceedings of the international scientific conference of students and young scientists dedicated to the 50th anniversary of the Faculty of Economics of Donetsk National University (Donetsk, 8-9 December 2016)]*. Donetsk, 2016, pp. 588-591.
3. Galina A.E., Malyutina E.V., Ukolova T.A. Sovremennye podkhody k professional'nomu razvitiyu i obucheniyu personala v organizatsii [Modern Approaches to Professional Development and Personnel's Training in an Organization], *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskiy zhurnal [Economics and Management: Journal of Research and Practice]*, 2023, no. 1(169), p. 89.
4. Glabchastyy A.I. Korporativnoe obuchenie kak forma professional'nogo obrazovaniya [Corporative Training as a Form of Professional Education], *Srednee professional'noe obrazovanie [Secondary Professional Education]*, 2009, no. 1, pp. 29-31.
5. Sinoglazova A.G., Galeeva M.Z. Korporativnyy universitet dlya spetsialistov sfery molodezhnoy politiki [Corporative University for Specialists in the Sphere of Youth Policy], *Nauka, obrazovanie: predprinimatel'skaya deyatel'nost' v povedencheskoy ekonomike, formy realizatsii i mekhanizmy obespecheniya [Science, Education: Entrepreneurship Activity in Behavioral Economics, Forms of Realization and Provision Mechanisms]*, *materialy Nats. nauch.-prakt. konf. (Kazan', 4 December 2020)*. Kazan', TISBI, 2020, pp. 239-243.
6. Romanenko E.V. Osobennost' vostrebovannykh professional'nykh kompetentsiy trenerov-prepodavateley [Peculiarities of Highly-Demanded Professional Competences of Coaches-Instructors], *Molodoy uchenyy [Young Scientist]*, 2020, no. 52 (342), pp. 433-435.
7. Petukhova G.V., Petukhov S.Yu. Stazhirovka kak forma povysheniya kvalifikatsii pedagogov na baze obshcheobrazovatel'noy organizatsii [Internship as a Form of Upgrade Qualification of Teachers on the Basis of an Organization of General Education], *Pedagogicheskoe masterstvo [Pedagogical Proficiency]*, *materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, iyun' 2015)*. Moscow, Buki-Vedi, 2015, pp. 190-193. Available at: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/151/7907/> (accessed: 28.07.2025).

Информация об авторах

Чернов Денис Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики воспитательных систем, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: chernov.de@mail.ru

Четкасов Роман Максимович — специалист, Агентство поддержки молодежных инициатив Новосибирской области, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: rchetkasov@mail.ru

Information about the authors

Denis V. Chernov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Educational Systems, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: chernov.de@mail.ru

Roman M. Chetkasov — Consultant, Youth Initiatives Support Agency of Novosibirsk Region, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: rchetkasov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication 20.06.2025.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО STATE AND LAW

Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 63—76.
Siberia Humanitarian. 2025;(3):63—76.

Государство и право

Научная статья
УДК 340.158
DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-63-76
EDN JHFERB

Историко-правовое исследование института товарищеских судов в СССР

Климентий Олегович Ходкевич

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация, khodkevich-ko@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос подсудности дел товарищеским судам. Анализируется законодательство, в соответствии с которым действовали товарищеские суды. Проводится правовое сравнение Указа Президиума ВС РСФСР от 3 июля 1961 г. «Об утверждении положения о товарищеских судах» и Указа Президиума ВС РСФСР от 11 марта 1977 г. «Об утверждении Положения о товарищеских судах и Положения об общественных советах по работе товарищеских судов». Анализируется правовое явление товарищеских судов. Автор делает вывод, что деятельность товарищеских судов преследовала цель снижения нагрузки на суды общей юрисдикции, смещения акцента с наказания на воспитание и предупреждение, вовлечения широкой общественности в процесс воспитательного воздействия на лиц, совершивших преступление, правонарушение и аморальные деяния.

Ключевые слова: государство и право, товарищеский суд, общественный суд, суды, судебная власть, квазисудебные органы, органы общественного контроля, общественное воздействие, общественное порицание, антиобщественные и аморальные проступки, дисциплинарные взыскания

Для цитирования: Ходкевич К. О. Историко-правовое исследование института товарищеских судов в СССР // Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 63—76. DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-63-76. EDN JHFERB.

Historical and Legal Research of the Institution of Comrades' Courts in the USSR

Klimenty O. Khodkevich

Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation, khodkevich-ko@ranepa.ru

Abstract. The article deals with the issue of jurisdiction of cases in Comrades' courts. The article analyzes the legislation in accordance with which the Comrades' courts operated. A legal comparison of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated July 3, 1961, "On approval of the Provision on Comrades' courts" and the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated March 11, 1977, "On the approval of the Provision on Comrades' courts and the Provision on social councils on the work of Comrades' courts" was made. The legal phenomenon of Comrades' courts is analyzed. The author concludes that the activities of the Comrades' courts aimed to reduce the burden on courts of general jurisdiction, shift the focus from punishment to education and prevention, and involve the general public in the process of educating those who committed crimes, offenses, and immoral acts.

Keywords: state and law, Comrades' court, social court, courts, judicial power, quasi-judicial bodies, public control bodies, public impact, public censure, anti-social and immoral misconduct, disciplinary actions

For citation: Khodkevich K.O. Historical and Legal Research of the Institution of Comrades' Courts in the USSR. *Siberia Humanitarian*. 2025;(3):63—76. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-3-63-76>. <https://elibrary.ru/jhferb>.

Товарищеские суды возникли задолго до установления в России советской власти. Можно говорить об образовании квазисудебных товарищеских судов, судов чести в учебных заведениях с середины XIX в., когда Николай Пирогов, будучи попечителем Киевского учебного округа, ввел их на всей подведомственной ему территории в высших и средних учебных заведениях [1, с. 47—78]. В среде рабочих первые товарищеские суды начали возникать в период первой русской революции 1905 г. В это время рабочие предприятий и фабрик создают альтернативные формы дисциплинарных органов [2].

Целью данной статьи является историко-правовое исследование товарищеских судов как квазисудебного института в СССР. Актуальность этой темы обусловлена недостаточной изученностью советского низового судопроизводства. Исследователь А. Я. Козинцев отмечает, что историки, зачастую концентрируясь на уголовном судопроизводстве, а именно чрезвычайных органах ВЧК-ОГПУ-НКВД, мало обращают внимания на суды и другие органы юстиции [3, с. 16]. Особое внимание к уголовному законодательству исходит из политической конъюнктуры того периода. Изучение советского уголовного законодательства, безусловно, важно, при этом к подсудности товарищеских судов относились не только уголовные, но и административные и гражданские дела.

Рассматривать проблематику товарищеских судов возможно с различных сторон. Тема товарищеских судов с позиции законности была предметом исследования таких ученых, как М. И. Старун [4]. Вопрос товарищеских судов с позиции воспитания человека будущего, нового человека рассматривал В. Т. Калашников [5]. Исследователь А. Г. Факурдинова рассматривала товарищеские суды в системе советских квазисудебных институтов 1920-х годов [6].

Важнейшей частью построения коммунистического общества в СССР являлось формирование человека будущего, воспитанного в духе марксистско-ленинской идеологии, согласно которой человек человеку — друг, товарищ и брат. Искоренение преступности, воспитание нетерпимости к разного рода антиобщественным поступкам, нарушениям правил советского общежития и законности являлось задачей всего советского общества. Советское и партийное руководство страны придавало большее значение роли общественности в борьбе с правонарушениями, что являлось прямым продолжением ленинской идеи о сочетании методов убеждения и принуждения. Стоит отметить, что целью советского правосудия было не наказание, а раскрытие каждого преступления. Поэтому в случае, когда виновное лицо не представляло большой общественной опасности, применение мер уголовного наказания не являлось необходимостью, их заменяли мерами общественного воздействия. Учитывая возрастающую роль общественности в борьбе с правонарушениями, советское правительство в 1919 г. издает Декрет о рабочих дисциплинарных товарищеских судах в целях поднятия производственной и трудовой дисциплины [7]. Так, В. И. Ленин подвергал суровой критике недооценку товарищеских судов: «Дисциплинарные суды мы все забыли, а „производственная демократия“ без премий натурой, без дисциплинарных судов — одна болтовня» [8]. Таким образом, товарищеские суды являются общественными выборными органами, играющими важную роль в борьбе с правонарушениями и предупреждении преступлений, а также нарушений общественного порядка.

Развитие товарищеских судов в СССР можно условно разделить на несколько этапов. Началом первого этапа можно считать 1931 г. с изданием декрета СНК РСФСР «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах» [7]. Окончание периода можно связать с изданием в 1931 г. постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об организации товарищеских судов при жилищных и жилищно-арендных кооперативных товариществах и при домовых трестах и о ликвидации примирительно-конфликтных комиссий по жилищным делам» [9]. Последующие тридцать лет развитие товарищеских судов было поставлено на паузу, товарищеские суды продолжали существовать, однако существенного развития не получили.

После смерти Сталина в 1953 г. товарищеские суды необходимо было реформировать. На основе решений XX и XXI съездов КПСС были осуществлены важные меры по укреплению социалистической законности и привлечению широких масс к охране общественного порядка и борьбе с преступностью. В 1961 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издает указ «Об утверждении Положения о товарищеских судах». Подобные положения были изданы в каждой союз-

ной республике. Они устанавливали единый порядок их деятельности, цели и задачи, а также меры воздействия, которые могли применять товарищеские суды. Товарищеские суды были призваны активно содействовать воспитанию граждан в духе коммунистического отношения к труду, социалистической собственности, соблюдения правил социалистического общежития, коллективизма и товарищеской взаимопомощи, уважения достоинства и чести граждан. Главное в их работе — предупреждение правонарушений и проступков, наносящих вред обществу, воспитание людей путем убеждения и общественного воздействия, создания обстановки нетерпимости к любым антиобщественным поступкам [10]. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 октября 1963 г. была расширена компетенция товарищеских судов [11].

Высокая степень вовлеченности товарищеских судов в процесс воспитания лиц, совершивших антиобщественные поступки или правонарушения, обуславливал спецификой рассмотрения дела. Например, товарищеские суды, созданные на производстве, могли справедливо решить дело по существу с учетом знания специфики работы, а также характеристик личности коллеги, дать справедливую оценку проступка и принять соответствующие меры. Деятельность товарищеских судов была направлена в первую очередь на исправление под контролем общественности, воспитание сознательной дисциплины и нетерпимости к разного рода противоправным поступкам. Коллективное осуждение антиобщественного поведения, противоправного поведения — главное средство борьбы с ними [12, с. 40—56].

Товарищеские суды могли быть созданы в коллективах численностью не менее 50 человек. Данная норма содержится в ст. 2 Положения 1961 г. В отдельных случаях с согласия вышестоящего профсоюзного органа или исполнительного комитета соответствующего местного совета депутатов трудящихся товарищеские суды могли быть созданы в коллективах численностью менее 50 человек. Исходя из толкования нормы, товарищеские суды могли создаваться и в структурных подразделениях крупных организаций, а также по территориальному и отраслевому признаку. Товарищеские суды, обладая достаточными знаниями об обстоятельствах жизни и работы, могли своевременно и оперативно решать поставленные перед ними задачи. Именно поэтому положение допускало создание товарищеских судов в коллективах с численностью менее 50 человек, что особенно актуально было в отдаленных или малонаселенных местностях, а также в ситуации работы вахтовым методом или по сменному. Однако излишнее дробление судов не являлось положительной практикой. Деление судов по территориальному и отраслевому признаку не являлось взаимоисключающим, что было связано с тем, например, что не все жители поселка (врачи, учителя) работали в колхозе или совхозе.

Товарищеские суды на предприятиях, в учреждениях, организациях или учебных заведениях создавались по решению коллектива. Для создания товарищеских судов по территориальному принципу, в колхозах, ЖЭК, в сельских населенных пунктах, домах и т. д., необходимо было согласие исполкома совета депутатов трудящихся,

что было обусловлено территориальной разобщенностью и отсутствием организационного единства.

Сила общественного воздействия товарищеского суда главным образом заключалась в том, что общественное осуждение неправильного поведения шло не от должностных лиц, не от лица государства, а от своих же товарищей. Эффективность мер воздействия достигалась многими факторами: осуждением человека тем коллективом, где он работает, порядком проведения заседания товарищеского суда, где, в отличие от судов общей юрисдикции, выступить могут все присутствующие, а не только процессуальные лица. Товарищеские суды состояли из лиц, заслуживших доверие коллектива, их избравшего, обладающих моральным правом судить оступившихся. Товарищеские суды, избравшиеся из членов коллектива и подотчетные только общественным собраниям, были облечены доверием коллектива.

Общее руководство товарищескими судами и контроль за их деятельностью осуществлял председатель суда. Он отчитывался за деятельность суда перед общим собранием коллектива не реже одного раза в год. Члены товарищеского суда, не оправдавшие оказанного доверия, могли быть досрочно отозваны общим собранием. Также председатель отчитывался о работе суда перед исполкомом районного совета депутатов трудящихся и партийной организацией.

Дела, рассматриваемые товарищескими судами, могут быть разделены на три группы:

- о поступках, носящих аморальный характер;
- правонарушения, не являющихся преступными с точки зрения уголовного законодательства;
- малозначительных преступлениях.

Положение о товарищеских судах не устанавливало исчерпывающего перечня дел о нарушениях, которые суд вправе рассматривать. Более того, в ч. 9 ст. 5 Положения прямо говорилось, что суд вправе рассматривать дела о других антиобщественных поступках, не влекущих уголовной ответственности. В ст. 51 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. были предусмотрены возможность освобождения от уголовной ответственности с передачей дел на рассмотрение товарищеского суда, если лицо совершило впервые преступление, малозначительное по характеру и степени общественной опасности, а также, возможно, исправление виновного с помощью мер общественного воздействия [13]. В части первой ст. 51 УК РСФСР указаны преступления так называемого частного обвинения, которые в соответствии со ст. 27 УПК РСФСР могли быть возбуждены только по жалобе потерпевшего и подлежали прекращению в связи с примирением с обвиняемым [14]. Статья 21 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях также регулировала передачу дела на рассмотрение в товарищеский суд [15]. Лицо, совершившее административное правонарушение, освобождалось от административной ответственности с передачей материалов на рассмотрение товарищеского суда, общественной организации или трудового коллектива, если с учетом характера совершенного правонарушения и личности правонарушителя к нему целесообразно применить меру общественного воздействия.

При решении вопроса о передаче дела на рассмотрении товарищеского суда всесторонне оценивались характер, степень общественной опасности и личность правонарушителя, возможность его исправления с использованием мер, применяемых товарищескими судами. Совершение преступления впервые являлось необходимым и обязательным критерием для передачи дела в товарищеский суд. Преступление признается совершенным впервые, если лицо фактически совершило преступление впервые, а также если лицо совершило преступление не в первый раз, но за ранее совершенное преступление истек срок давности привлечения к уголовной ответственности; прежняя судимость была снята или погашена в установленном порядке; наличествует акт помилования или амнистии.

Совершение преступления, хотя и малозначительного, повторно, тем более неоднократно, существенно повышало степень общественной опасности виновного. Лишь в одном случае закон допускал повторное рассмотрение товарищеским судом дела в отношении лица, которое ранее уже рассматривал товарищеский суд, — в случае мелких хищений государственного или общественного имущества. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении материальной ответственности за хищение государственного или общественного имущества» предусматривал возможность направлять в товарищеские суды дела о мелких хищениях в отношении лиц, которые ранее однажды уже привлекались к товарищескому суду за мелкое хищение [16].

Другим обязательным условием рассмотрения дела товарищеским судом являлась малозначительность преступления. Малозначительным считалось преступление, не представляющее большой общественной опасности. Уголовные кодексы разных республик по-разному определяли малозначительность преступления. Так, Уголовный кодекс РСФСР определял малозначительность как возможность назначить меры общественного воздействия в качестве альтернативы уголовному наказанию за преступления, предусмотренные ст. 92, ч. 1 ст. 96, ст. 97, ст. 123, ч. 1 ст. 127, ч. 1 ст. 128, ст. 192, ст. 200, ст. 207, ч. 1 ст. 208, ст. 221, ст. 227 и др. Малозначительным могло быть признано и преступление, за совершение которого не предусмотрена мера общественного воздействия в качестве альтернативы наказания. Каждый отдельный случай требовал детального изучения степени общественной опасности и личности преступника. В Уголовном кодексе Грузинской ССР малозначительным считалось любое преступление, наказание за которое не превышает одного года лишения свободы. Уголовный кодекс Азербайджанской, Узбекской и Украинской ССР вообще не определял круг малозначительных преступлений, а лишь указывал, что дела по малозначительным преступлениям могут быть переданы на рассмотрение товарищеских судов [17].

По малозначительным преступлениям дела возбуждали органы следствия, дознания и прокуратуры. Согласно п. 10. ст. 5 Положения о товарищеском суде 1961 г., органы милиции, прокуратуры или суд принимают решение о передаче в товарищеский суд дела о преступных деяниях, не представляющих большой общественной опасности. Таким образом, у товарищеского суда не было права самостоя-

тельного решения о принятии к производству дел о малозначительных преступлениях.

В марте 1977 г. указом Верховного Совета РСФСР утверждено новое положение о товарищеских судах [18]. Сравнивая положения о товарищеских судах 1961 г. и 1977 г. необходимо отметить значительные изменения [19, с. 78—85]. Создание общественных советов по работе товарищеских судов при исполнительных комитетах советов депутатов трудящихся, согласно указу 1977 г., является одним из таких изменений. Основной функцией общественных советов было содействие исполнительным комитетам соответствующих советов депутатов трудящихся, профсоюзным комитетам в организации работы товарищеских судов, осуществлении руководства ими, осуществлении контроля за их деятельностью [18]. Декларировались и другие задачи, такие как координация работы судов и обеспечения ими соблюдения законности, оказание помощи в проведении выборов, предоставлении отчетности, организации обучения членов суда, организации взаимодействия с другими общественными организациями, изучение и обобщение практики и распространение положительного опыта. Общественный совет осуществлял контроль за деятельностью суда посредством проверок жалоб на его деятельность по поручению депутатов, заслушивания отчета председателя суда и внесения предложений по устранению недостатков. Также общественный совет освещал деятельность товарищеского суда и ставил вопрос о поощрении членов суда.

Срок полномочий общественного совета составлял два года при ежегодном отчете перед соответствующим советом депутатов. Состав общественного совета напрямую зависел от объема работы, однако всегда включал председателя, заместителя председателя и секретаря.

Задачи товарищеских судов в Положении 1977 г. остались неизменными по сравнению с задачами, предусмотренными Положением 1961 г.: предупреждение правонарушений, воспитание граждан путем убеждения и общественного воздействия, создание обстановки нетерпимости к антиобщественным поступкам. Порядок же организации деятельности претерпел изменение. В Положении 1977 г. появляются требования к кандидатам, которые могут быть избраны в состав товарищеского суда: обладание деловыми и моральными качествами, необходимыми для выполнения ими задач, поставленных перед судом. Появилась процедура отзыва члена товарищеского суда. Член товарищеского суда, не оправдавший оказанного доверия, освобождался от должности. Освобождение от обязанностей члена товарищеского суда в случае его увольнения или невозможности выполнять обязанности по состоянию здоровья либо по иным уважительным причинам производилось профсоюзным комитетом или исполкомом соответствующего местного совета народных депутатов. Процедура отчетности о деятельности суда проходила не реже одного раза в год перед общим собранием трудового коллектива предприятий, учреждений, организаций.

Также претерпел изменения перечень дел, рассматриваемых товарищескими судами. Положение 1961 г. содержало исчерпывающий перечень таких дел: о нарушении трудовой дисциплины, нарушении

правил охраны труда, самовольном использовании в личных целях принадлежащих государственному предприятию техники, станков, инструментов, сырья и другого имущества, а также об административных правонарушениях и уголовных преступлениях о мелком хищении государственного имущества, мелком хулиганстве, мелкой спекуляции и краже малоценных предметов.

Положение 1977 г. оставляет открытым перечень нарушений трудовой дисциплины, перечисляя наиболее значимые. Из перечня исключены дела о несоблюдении требований по охране труда, утрате или повреждении оборудования, о самовольном использовании в личных целях принадлежащих государственному предприятию техники, станков, инструментов, сырья и другого имущества, о мелком хулиганстве, мелком хищении государственного или общественного имущества, мелкой спекуляции. Данные деяния были вынесены в отдельный раздел, во многом дублирующий ч. 2 Положения 1961 г. В обоих положениях есть указание на то, какие государственные органы могут передать в товарищеские суды дела на рассмотрение.

Делам о появлении в пьяном виде и недостойном поведении в общественных местах и на работе, об изготовлении самогона и других крепких спиртных напитков уделено большое внимание в Положении 1977 г. Товарищеские суды рассматривают дела:

- о распитии спиртных напитков на улицах, на стадионах, в скверах, парках, во всех видах общественного транспорта и в других общественных местах, кроме предприятий торговли и общественного питания, в которых продажа спиртных напитков в розлив разрешена исполнительным комитетом местного совета народных депутатов;

- появлении в общественных местах в пьяном виде, оскорбляющим человеческое достоинство и общественную нравственность;

- распитии спиртных напитков на производстве (на рабочих местах, в помещениях и на территории предприятий, учреждений, организаций) или о пребывании на работе в нетрезвом состоянии;

- участии мастеров, начальников участков, смен, цехов и других руководителей в распитии с подчиненными им работниками спиртных напитков на производстве или о непринятии ими мер к отстранению от работы лиц, находящихся в нетрезвом состоянии, либо о сокрытии случаев распития спиртных напитков или появления на работе в нетрезвом состоянии подчиненных им работников;

- приобретении самогона, чачи, араки, тутовой водки, браги и других крепких спиртных напитков домашней выработки.

В Положении 1977 г. не претерпело изменений указание на рассмотрение дел, касающихся мелкой кражи личного имущества членов одного коллектива. Однако появляется новая категория дел, рассматриваемых товарищескими судами: о невыполнении или ненадлежащем выполнении родителями, опекунами или попечителями обязанностей по воспитанию детей. Более детально регламентируется категория дел о порче деревьев и других зеленых насаждений, если ущерб не превышает тридцати рублей по действующим таксам для исчисления размера взысканий за ущерб. Появляется указание на величину ущерба.

По Положению 1961 г. товарищеские суды рассматривали дела:

— об административных правонарушениях, если органы и должностные лица, которым предоставлено право наложения штрафа в административном порядке, сочтут необходимым передать такое дело на рассмотрение товарищеского суда;

— о самоуправстве, неоказании помощи больному, незаконном врачевании, приобретении имущества, заведомо добытого преступным путем, и о других преступных деяниях, если они не представляют большой общественной опасности и органы милиции, прокуратуры или суд сочтут необходимым передать такое дело на рассмотрение товарищеского суда.

Положение 1977 г. иначе регламентирует пределы полномочий товарищеских судов по рассмотрению административных и уголовных дел. Так, товарищеский суд рассматривает дела об административных правонарушениях, если органы (должностные лица), уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях, сочтут необходимым передать материалы на рассмотрение товарищеского суда для применения к правонарушителю мер общественного воздействия. Можно заметить, что указание на право наложения штрафа как меры наказания исключена из положения.

Товарищеский суд был вправе рассматривать также дела о впервые совершенных преступных деяниях, если они не представляют большой общественной опасности и органы внутренних дел, прокуратура или суд в соответствии с действующим законодательством передадут такое дело на рассмотрение товарищеского суда. Перечень уголовных дел, передаваемых в товарищеский суд, оставался открытым.

Серьезным изменением следует считать возможность повторного рассмотрения дела после вынесенного дисциплинарного взыскания. Так, Положение 1961 г. декларировало, что товарищеские суды не вправе рассматривать дела о правонарушениях и гражданско-правовых спорах, по которым уже были вынесены приговоры или судебные решения. Дисциплинарное взыскание, наложенное администрацией, не исключает возможности рассмотрения того же проступка в товарищеском суде по инициативе общественной организации или самого товарищеского суда. В свою очередь, в Положении 1977 г. указано, что товарищеский суд не вправе рассматривать дела, по которым уже были вынесены приговоры, судебные решения, наложены дисциплинарные или административные взыскания или состоялось решение товарищеского суда.

Таким образом, подсудность дел товарищеских судов значительно возросла. При этом решения товарищеских судов, как думается, для исключения двойной юридической ответственности, стало невозможно выносить в случае наложения дисциплинарного или административного взыскания по указанному делу. В Положении 1977 г. изменен порядок рассмотрения дел товарищескими судами. Если ранее товарищеские суды рассматривали дела по месту работы и жительства, то теперь — по месту работы, учебы или жительства нарушителя. Данное изменение кажется логичным и вполне обоснованным. Были конкретизированы условия передачи дел в товарищеский суд на рассмотрение. Увеличен срок рассмотрения дел о мелком хулиганстве и мелкой спекуляции после поступления в товари-

щеский суд с 7 до 10 дней. Более детально регламентирована процедура и основания отвода, процессуальное оформление решения товарищеского суда.

Изменения также затронули меры общественного воздействия, применяемые товарищескими судами. Например, из Положения о товарищеских судах 1977 г. были исключены такие меры, как возможность поставить перед руководителем предприятия, учреждения, организации вопрос о направлении на неквалифицированные физические работы на том же предприятии, в учреждении, организации на срок до 15 дней и возможность возбудить вопрос о выселении виновного из занимаемой квартиры при невозможности совместного с ним проживания или хищническом его отношении к жилому фонду.

Вместе с тем в Положении 1977 г. появилась возможность одновременно с применением к виновному мер общественного принуждения ставить вопрос перед администрацией предприятия, учреждения, организации и профсоюзным комитетом о лишении виновного полностью или частично премий, вознаграждений, дополнительного отпуска, льготной путевки, а также лишении звания. Если лицо, к которому применяют меры общественного принуждения, имело алкогольную или наркотическую зависимость, товарищеский суд ставил вопрос о его принудительном лечении в установленном законом порядке.

Более детальную регламентацию получило руководство товарищескими судами. Так, в Положении 1977 г. более подробно освещен вопрос содействия работе товарищеских судов со стороны советов депутатов и профсоюзных комитетов. Например, законодательными материалами, справочной и научно-популярной юридической литературой товарищеские суды должны были обеспечивать советы депутатов и профсоюзы. Обязанность оказания товарищеским судам методической помощи, координации их деятельности, организации учебы и обмена опытом работы возлагалась на общественные советы при советах депутатов. Правовую помощь товарищеским судам следовало оказывать органам юстиции, прокуратуры и судам.

В Положении 1977 г. были предусмотрены меры поощрения председателей, заместителей председателей, секретарей и членов товарищеских судов: объявление благодарности, награждение почетной грамотой, награждение ценным подарком или денежной премией, предоставление дополнительного оплачиваемого отпуска сроком до трех дней, предоставление льготной путевки в санаторий или дом отдыха.

Резюмируя, отметим, что товарищеские суды являлись выборными органами, целью которых была борьба с правонарушениями, а также предупреждение преступлений и нарушений общественного порядка. При этом фактически товарищеские суды снимали нагрузку с судов общей юрисдикции, о чем свидетельствует анализ положений о товарищеских судах 1961 и 1977 гг. Значительное расширение подсудности дел товарищеских судов, более детальная регламентация говорят о двух целях: снижении нагрузки на суды общей юрисдикции и смещении акцента с наказания на воспитание и предупреждение, вовлечение широкой общественности с целью воздействия на лиц, совершивших преступления, правонарушения и аморальные деяния.

Список источников

1. Красновский А. А. Педагогические идеи Н. И. Пирогова. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1949. 194 с.
2. Икорский П. И. Товарищеские суды в период революции 1905—1907 гг. // Вестник Московского университета. Право. 1964. № 4. С. 54—61.
3. Козинцев А. Я. Роль органов юстиции в осуществлении уголовного судопроизводства по политическим преступлениям в сталинский период: современная историография // Правоприменение. 2019. Т. 3, № 3. С. 5—20.
4. Старун М. И. Товарищеские суды и социалистическая законность в советской России и СССР в 1917—1939 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024. 319 с.
5. Калашников В. Т. Партийное руководство деятельностью добровольных народных дружин и товарищеских судов по воспитанию нового человека (на материалах Казахстана, 1966—1975 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 185 с.
6. Факурдинова А. Г. Система квазисудебных институтов в советском обществе в 1920-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2021. 224 с.
7. О рабочих дисциплинарных товарищеских судах : декрет СНК РСФСР от 14 нояб. 1919 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских социалистических Республик : сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_489.htm (дата обращения: 25.05.2025).
8. Ленин В. И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого: речь на соединенном заседании делегатов VIII съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСПС — членов РКП(б) // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1974. Т. 42. Ноябрь 1920—март 1921. С. 202—226. URL: <https://www.litres.ru/book/vladimir-lenin/polnoe-sobranie-sochineniy-tom-42-noyabr-1920-mart-1921-17083773/chitat-onlayn/?page=32> (дата обращения: 25.05.2025).
9. Об организации товарищеских судов при жилищных и жилищно-арендных кооперативных товариществах и при домовых трестах и о ликвидации примирительно-конфликтных комиссий по жилищным делам : постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 июня 1931 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371179-ob-organizatsii-tovarisheskih-sudov-pri-zhilischnyh-i-zhilischno-arendnyh-kooperativnyh-tovarishchestvah-i-pri-domovyh-trestah-i-o-likvidatsii-primiritelno-konfliktnyh-komissiy-po-zhilischnym-delam-post-vtsik-i-snk-ot-30-iyunya-1931-g> (дата обращения: 25.05.2025).
10. Об утверждении Положения о товарищеских судах : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1961 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик : сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5707.htm (дата обращения: 25.05.2025).
11. О внесении дополнений и изменений в Положение о товарищеских судах : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 окт. 1963 г. // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9720#94HVC0U4o91JJ4sQ> (дата обращения: 25.05.2025).
12. Михайловская И. Б. Организация и деятельность товарищеского суда: практический комментарий к Положению о товарищеских судах РСФСР. М. : Юрид лит., 1964. 178 с.
13. Уголовный кодекс РСФСР : утв. Верховным Советом РСФСР 27 окт. 1960 г. : ред. от 30 июля 1996 г. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 25.05.2025).
14. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. Верховным Советом РСФСР 27 окт. 1960 г. : ред. от 29 дек. 2001 г., с изм. от 26 нояб. 2002 г. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 25.05.2025).
15. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : утв. Верховным Советом РСФСР 20 июня 1984 г.) (ред. от 20 марта 2001 г.) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2318/ (дата обращения: 25.05.2025).

16. Об усилении материальной ответственности за хищения государственного или общественного имущества : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 янв. 1965 г. // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/5181303/> (дата обращения: 25.05.2025).
17. Якубович М. И., Блинков А. М. Роль товарищеских судов в охране общественного порядка. М. : Знание. 1969. 60 с.
18. Об утверждении Положения о товарищеских судах и Положения об общественных советах по работе товарищеских судов : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=x07q8+zl7fIg7vLu4fDg5uDl8vH/Ю3IIOIg7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&nd=102010141&page=1&rdk=0&link_id=6#10 (дата обращения: 25.07.2025).
19. Михайловская И. Б. Комментарий к положению о товарищеских судах РСФСР. М. : Юрид. лит. 1968. 168 с.

References

1. Krasnovskiy A.A. Pedagogicheskie idei N.I. Pirogova [Pedagogical Ideas of N.I. Pirogov]. Moscow, Gos. ucheb.-ped. izd-vo, 1949, 194 p.
2. Ikorskiy P.I. Tovarishcheskie sudy v period revolyutsii 1905-1907 gg. [Burlaw Courts in the Period of the Revolution of 1905-1907], *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University. Law]*, Pravo, 1964, no. 4, pp. 54-61.
3. Kodintsev A.Ya. Rol' organov yustitsii v osushchestvlenii ugolovnogo sudoproizvodstva po politicheskim prestupleniyam v stalinskiy period: sovremennaya istoriografiya [The Role of Judicial Bodies in Conducting Criminal Proceedings on Political Crimes in Stalin's Period: Contemporary Historiography], *Pravoprimenenie [Law Enforcement]*, 2019, vol. 3, no. 3, pp. 5-20.
4. Starun M.I. Tovarishcheskie sudy i sotsialisticheskaya zakonnost' v sovetskoy Rossii I SSSR v 1917-1939 gg. [Comrades' Courts and Socialist Justness in Soviet Russia and the USSR in 1917-1939], Cand. law sci. diss. Saint Petersburg, 2024, 319 p.
5. Kalashnikov V.T. Partiynoe rukovodstvo deyatelnost'yu dobrovol'nykh narodnykh дружин i tovarishcheskikh sudov po vospitaniyu novogo cheloveka (na materialakh Kazakhstana, 1966—1975 gg.) [Party Leadership of the Activity of Voluntary People's Guards and Comrades' Courts in Upbringing a New Personality (on Materials of Kazakhstan, 1966-1975)], Cand. hist. sci. diss. Moscow, 1984, 185 p.
6. Fakurdinova A.G. Sistema kvazisudebnykh institutov v sovetskom obshchestve v 1920-kh gg. [The System of Quasi-judicial Institutions of the Soviet Society of the 1920-s], Cand. hist. sci. diss. Tambov, 2021, 224 p.
7. O rabochikh distsiplinarnykh tovarishcheskikh sudakh, dekret SNK RSFSR ot 14 noyab. 1919 g. [On Workers' Disciplinary Comrades' Courts: Decree of CPC of RSFSR dated November 14, 1919], *Biblioteka normativno-pravovykh aktov Soyuza Sovetskikh sotsialisticheskikh Respublik [Library of Normative Legal Acts of the Union of Soviet Socialist Republics]*, site. Available at: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_489.htm (accessed: 25.05.2025).
8. Lenin V.I. O professional'nykh soyuzakh, o tekushchem momente i ob oshibkakh t. Trotskogo: rech' na soedinennom zasedanii delegatov VIII s"ezda Sovetov, chlenov VTsSPS i MGSPS - chlenov RKP(b) [On Trade Unions, the Current Moment and Comrade Trotsky's Mistakes: the Speech at the United Sitting of the Delegates of VIII Congress of Soviets, Members of All-Union Central Soviet of Trade Unions and Moscow City Soviet of Trade Unions – members of RCP(b)], *Polnoe sobranie sochineniy [Complete works]*. ed. 5. Moscow, Politizdat, 1974, vol. 42. November 1920—March 1921, pp. 202-226. Available at: <https://www.litres.ru/book/vladimir-lenin/polnoe-sobranie-sochineniy-tom-42-noyabr-1920-mart-1921-17083773/chitat-onlayn/?page=32> (accessed: 25.05.2025).
9. Ob organizatsii tovarishcheskikh sudov pri zhilishchnykh i zhilishchno-arendnykh kooperativnykh tovarishchestvakh i pri domovykh trestakh i o likvidatsii primiritel'no-konfliktnykh komissiy po zhilishchnym delam, postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 30 June 1931 [On Organizing Comrades' Courts at Residential and Residential-Rental

- Cooperative Associations and at Housing Trusts, and on Liquidation of Arbitration Disputes Commissions' on Housing Affairs], *Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov* [Electronic Library of Historical Documents]. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371179-ob-organizatsii-tovarishcheskikh-sudov-pri-zhilishchnykh-i-zhilishchno-arendnykh-kooperativnykh-tovarishchestvakh-i-pri-domovykh-trestakh-i-o-likvidatsii-primiritelno-konfliktnykh-komissiy-po-zhilishchnym-delam-post-vtsik-i-snk-ot-30-iyunya-1931-g> (accessed: 25.05.2025).
10. Ob utverzhdenii Polozheniya o tovarishcheskikh sudakh [On Approval of Provision about Comrades' Courts], ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 3 July 1961, *Biblioteka normativno-pravovykh aktov Soyuzu Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [Library of Normative Legal Acts of the Union of Soviet Socialist Republics], site. Available at: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5707.htm (accessed: 25.05.2025).
 11. O vnesenii dopolneniy i izmeneniy v Polozhenie o tovarishcheskikh sudakh [On the Introduction of Amendments and Addition into Regulation on Comrades' Courts], ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 23 October 1963, *Konsul'tantPlyus*. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9720#94HVCou4o91JJ4sQ> (accessed: 25.05.2025).
 12. Mikhaylovskaya I.B. Organizatsiya i deyatelnost' tovarishcheskogo suda: prakticheskiy kommentariy k Polozheniyu o tovarishcheskikh sudakh RSFSR [Organization and Activity of Comrades' Courts: Practical Commentaries to Regulation on Comrades' Courts of the RSFSR]. Moscow, Yurid lit., 1964, 178 p.
 13. Uголовный кодекс RSFSR [Criminal Code of the RSFSR], utv. Verkhovnym Sovetom RSFSR 27 October 1960, red. ot 30 July 1996, *Konsul'tantPlyus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (accessed: 25.05.2025).
 14. Uголовно-процессуальный кодекс RSFSR [Criminal Procedure Code of the RSFSR dated October 27, 1960], utv. Verkhovnym Sovetom RSFSR 27 October 1960, red. ot 29 December 2001, s izm. ot 26 November 2002, *Konsul'tantPlyus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (accessed: 25.05.2025).
 15. Kodeks RSFSR ob administrativnykh pravonarusheniyakh, utv. Verkhovnym Sovetom RSFSR 20 June 1984, red. ot 20 March 2001 [Administrative Offences Code of the RSFSR: Approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on June 20, 1984], *Konsul'tantPlyus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2318/ (accessed: 25.05.2025).
 16. Ob usilenii material'noy otvetstvennosti za khishchenii gosudarstvennogo ili obshchestvennogo imushchestva [On Enhancing Material Responsibility for Stealing State or Public property: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of January 16, 1965], ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 16 January 1965, *Garant*. Available at: <https://base.garant.ru/5181303/> (accessed: 25.05.2025).
 17. Yakubovich M.I., Blinkov A.M. Rol' tovarishcheskikh sudov v okhrane obshchestvennogo poriyadka [The Role of Comrades' Courts in the Maintenance of Public Order]. Moscow, Znanie. 1969, 60 p.
 18. Ob utverzhdenii Polozheniya o tovarishcheskikh sudakh i Polozheniya ob obshchestvennykh sovetakh po rabote tovarishcheskikh sudov [On Approval of the Provision on Comrades' Courts and Provision about Public Boards on the Work of Comrades' Courts], ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 11 March 1977, *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii* [Official Internet-Portal of Legal Information]. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8+zl7flg7vLu4fDg5uDl8vH/IO3lIOIg7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&nd=102010141&page=1&rdk=0&link_id=6#10 (accessed: 25.07.2025).
 19. Mikhaylovskaya I.B. Kommentariy k polozheniyu o tovarishcheskikh sudakh RSFSR [Commentaries to the Provision on Comrades' Courts of the RSFSR]. Moscow, Yurid. lit. 1968, 168 p.

Информация об авторе

Ходкевич Климентий Олегович — аспирант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: khodkevich-ko@ranepa.ru

Information about the author

Klimenty O. Khodkevich — Postgraduate Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: khodkevich-ko@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 04.07.2025.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 04.07.2025.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ HISTORY OF PUBLIC ADMINISTRATION

Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 77—94.

Siberia Humanitarian. 2025;(3):77—94.

История государственного управления

Научная статья

УДК 930.2:351/354(47+57)

DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-77-94

EDN LNJTKP

История государственной службы в научных публикациях 2011—2015 гг. (по материалам РИНЦ): ведомственный аспект и ведомственная политика государства

Владимир Евгеньевич Зубов

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация, zubov-ve@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9402-4414>, AuthorID: 328442

Аннотация. В статье продолжается публикация результатов изучения историографии государственной службы: дается анализ публикаций, посвященных ведомственному аспекту гражданской службы и ведомственной политике государства. В первой части исследования, опубликованной в Вестнике гуманитарного образования (2024. № 4), рассмотрены базовые моменты исследования (актуальность темы, методология и методика, обоснование хронологических рамок и др.). Выявленные в ходе поиска работы разделены на несколько тематических групп. В первую группу включены публикации, затрагивающие общеисторические и теоретические аспекты государственной (гражданской) службы в прошлом и настоящем, они рассмотрены в опубликованной части исследования. Вторая часть в настоящее время находится на издании. В настоящей статье рассмотрено 18 работ (из 147 проанализированных в ходе исследования). Сделаны выводы об отсутствии в рассматриваемый период доминирующего направления изучения истории государственной службы в отдельных ведомствах. В некоторых работах прослеживается стремление к выходу за рамки заявленной темы или расширительная трактовка рассматриваемых проблем. При рассмотрении особенностей службы в отдельных ведомствах несколько чаще встречаются статьи, связанные с историей таможенных органов, что может быть отражением специфики момента и не является устойчивой тенденцией. В сферу научных интересов авторов также попали организационно-

правовые начала деятельности отдельных ведомств, особенности формирования кадрового корпуса государственных служащих в конкретных ведомствах, в том числе история развития системы подготовки кадров в дореволюционный, советский и постсоветский периоды, предприняты попытки обращения к связанным с государственной службой гуманитарным проблемам: изменение общественного сознания, формирование корпоративной культуры, внутренней этики служебных отношений и другим проблемам.

Ключевые слова: история государственной службы, гражданская служба, история, историография, ведомства в системе гражданской службы, таможенная служба, придворная служба, подготовка кадров

Для цитирования: Zubov V. E. История государственной службы в научных публикациях 2011—2015 гг. (по материалам РИНЦ): ведомственный аспект и ведомственная политика государства // Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 77—94. DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-77-94. EDN LNJTKP.

History of public administration

Original article

The history of Public Service in Scientific Publications in 2011-2015 (based on the materials of the RSCI): Departmental Aspect and Departmental Policy of the State

Vladimir E. Zubov

Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation, zubov-ve@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9402-4414>, AuthorID: 328442

Abstract. The article continues to publish the results of studying the historiography of civil service: an analysis of publications devoted to the departmental aspect of the civil service and the departmental policy of the state is given. The first part of the study, published in the Bulletin of Humanitarian Education (2024. No. 4), examines the basic points of the study (relevance of the topic, methodology and methods, justification of the chronological framework, etc.). The works identified during the search are divided into several thematic groups. The first group includes publications concerning the general historical and theoretical aspects of the state (civil) service in the past and present, they are considered in the published part of the study. The second part is currently in publication. This article reviews 18 papers (out of 147 analyzed in the course of research). Conclusions are drawn about the absence of a dominant trend in the study of the history of public service in individual departments during the period under review. In some works, there is a desire to go beyond the stated topic or to give an extended interpretation of the problems under consideration. When considering the specifics of the service in individual departments, it became clear that articles related to the history of customs authorities are more common, which may be a reflection of the specifics of the moment and is not a stable trend. The authors' research interests also include the organizational and legal basics of the activities of individual departments, the specifics of the formation of cadres of civil servants in specific departments, including the history of the development of the personnel training system in the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods. Attempts were made to address humanitarian problems related to public service: changes in public consciousness, the formation of corporate culture, internal ethics of official relations and other issues.

Keywords: history of civil service, civil service, history, historiography, departments in the civil service system

For citation: Zubov V.E. The history of Public Service in Scientific Publications in 2011-2015 (based on the materials of the RSCI): Departmental Aspect and Departmental Policy of the State. *Siberia Humanitarian*. 2025;(3):77—94. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-3-77-94>. <https://elibrary.ru/lmjtkp>.

В данной статье продолжается публикация результатов анализа исследований истории государственной службы и их отражения в работах авторов в 2011—2015 гг. Подходы и принципы проведения исследования изложены ранее [1]. В статье анализируются работы, освещающие различные аспекты организации и функционирования государственной службы в отдельных ведомствах или деятельности государства по решению проблем того или иного ведомства.

Оговоримся, что авторы работ этой группы, заявляя сравнительно узкую тему исследования, выходят на рассмотрение более крупных проблем, относящихся к другим тематическим группам. Так, В. Г. Балковая, рассматривая таможенную службу, обращается к теоретико-методологическим основаниям изучения истории органов государства в целом [2]. Это давало основание рассмотреть ее публикацию вместе другими работами, связанными с выработкой методологии исследования в рамках соответствующей тематической группы. Включение данной статьи в рассматриваемую группу обусловлено, во-первых, наличием еще одной публикации автора, также посвященной таможенным органам, а во-вторых, тем, что автор акцентирует внимание на уже известных принципах научного исследования «историзма, объективности, комплексности и системности» [2]. Во второй статье В. Г. Балковая также на примере начального этапа развития таможенной службы рассматривает такую характерную для дореформенной России черту государственной службы, как принудительность и обязательность [3]. Для некоторых категорий населения несение государственной службы являлось не привилегией, а обязательной повинностью, уклонение от которой было чревато серьезными последствиями.

Встречается и иная ситуация, когда в названии статьи обозначается более широкий предмет исследования, чем рассматриваемый в тексте. Так, В. В. Козлов, заявляя в качестве темы правовые основы службы иностранцев в России, ограничивается рассмотрением периода даже не русского централизованного государства, а феодальной раздробленности [4]. Проводить анализ данной работы невозможно в силу спорной трактовки ключевого понятия, используемого в статье, — «Россия». Автор справедливо утверждает, что для изучения «исторического вопроса»¹ о развитии законодательства, регулирующего правовое положение иностранцев, служивших на территории Российского государства до правления Ивана III, нужно определить время его образования как государства с определенными границами. По распространенному мнению, образование Российского государства относят к IX в.» [4, с. 343]. Ссылка на «распространенное мнение» нам представляется некорректной, поскольку не

¹ Содержательное наполнение словосочетания «исторический вопрос» нам не совсем понятно. Возможно, что автор статьи имел в виду «историю вопроса» — В. З.

оговаривается, в какой среде это мнение распространено¹. Если речь идет о научных концепциях и теориях, то необходимо указывать их сторонников, тем более что в фундаментальных работах даже справочного характера указывается, что «в русских письменных памятниках название „Россия” как обозначение страны появляется в конце XV в., но до конца XVII в. она чаще именовалась Русью, Русской землей или Московским государством. С сер. XVI в. „Россией” или „Российским царством” начали называть всю совокупность земель, вошедших к тому времени в состав централизованного государства во главе с Москвой» [5, с. 309—310]. Несостоятельность выбранной автором в качестве основания «точки зрения» проявляется и в том, что она не соответствует им же установленному критерию — наличию «определенных границ». В государстве IX в. не могло быть оформленной территории, так же, как и не могло быть Российского государства с оформленными границами, поскольку существовало несколько центров государственности, происходило их объединение. Неверное определение ключевого понятия позволяет оспорить многие положения работы: «славяне, кривичи и другие народы должны были платить дань варягам, служившим в *России*» [4, с. 344]; «иностранные учителя, находясь на службе в *Российском государстве*, обладали характерными правами» (курсив наш. — В. З.). В последнем случае спорно утверждение не о наличии «характерных прав», а о нахождении на службе «в Российском государстве». Служба конкретному князю не являлась службой Российскому государству. Размежевание княжеской (позднее — государевой) и государственной службы в России происходит довольно поздно. В некотором смысле можно сказать, что оно не произошло вплоть до свержения монархии в феврале 1917 г. [6]. Наконец, на наш взгляд, говорить о правовых основах службы иностранцев в условиях отсутствия общегосударственного законодательства можно только в пределах отдельных княжеств в рамках двусторонних соглашений между приехавшим иностранцем и князем. Но отдельное княжество не может характеризоваться термином «Российское государство».

Высказанные нами возражения против подхода В. В. Козлова разделяют и другие исследователи, например уже упомянутая В. Г. Балковая. В работе о раннем этапе формирования таможенной службы она затрагивает вопрос, связанный как раз с атрибутом, выделенным В. В. Козловым в качестве необходимого критерия существования государства (наличие определенных границ [3]). Следствием оформления государственной территории становится создание таможенной службы. При этом начальный (ранний) этап ее формирования В. Г. Балковая, на наш взгляд, справедливо относит к XV в., т. е. именно в это время устанавливаются *определенные* границы и можно начинать говорить о Российском государстве (русском национальном государстве, Московском царстве, Московском государстве и т. д.).

¹ Проведенный нами анализ современных публикаций позволяет утверждать, что формулировки: «распространенное мнение», «существует мнение», «по мнению большинства исследователей» часто используются в качестве аргумента при выдвижении, как минимум, спорных и ошибочных тезисов. Такую практику, видимо, следует считать характерной чертой современного этапа историографии.

Тема таможенной службы в публикациях рассматриваемого нами периода достаточно популярна. Возможно, что всплеск интереса обусловлен созданием Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана и принятием связанных с ним документов или утверждением Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации [7]. Возможны и иные причины. Наряду с ранним, рассматриваются и более поздние этапы ее развития. Так, С. Б. Аванесов обращается к рассмотрению таможенного дела в России XVIII—XIX вв. [8]. Исходные тезисы автора выглядят не бесспорными и не соответствующими реалиям как современной жизни, так и прошлого: «Нельзя забывать, что торговли без налогов не существует...» [8, с. 235]. Практика показывает, что торговля без налогов не просто существует, а даже процветает. Без налогов и других источников средств не может существовать, скорее, государство, почему и создается таможенная служба. Несмотря на ряд интересных для неспециалиста сведений об организации таможенной службы, ценность данной публикации существенно снижается отсутствием ссылок на законодательные акты (автор называет законы, но не приводит ссылок на Полное собрание законов Российской империи). Использование в качестве источников учебников позволяет вообще поставить под сомнение научную ценность работы, поскольку элементы научной новизны, по нашему мнению, в представляемой информации отсутствуют.

В исследованиях службы по другим ведомствам также приходится сталкиваться с недостаточным вниманием авторов к общеисторической проблематике. Так, А. И. Сафонова, говоря об истории правового регулирования службы в органах внутренних дел, использует избыточно широкую периодизацию развития государственной службы, выделяя досоветский, советский и постсоветский периоды [9]. При этом утверждает, что такая периодизация является общепринятой [9, с. 189]. С данным тезисом трудно согласиться, поскольку государственная служба является специфической частью государственного механизма, который нельзя продуктивно изучать в рамках таких крупных временных блоков. Достаточно сказать, что предлагаемая периодизация не позволяет увидеть различий между государственной службой XVI в. и гражданской службой начала XX в., ведь обе они относятся к досоветскому периоду. Изучение государственной службы требует особой периодизации, позволяющей учесть специфику и внутреннюю логику предмета исследования. В свое время при решении вопроса об этапах реформирования государственной службы нами предпринималась попытка разработки периодизации, основанной на внутренней логике развития гражданской службы [6]. Автор, видимо, и сама понимает необходимость более тонких градаций, поскольку в дальнейшем связывает начало государственной службы с эпохой Петра I и выделяет ряд последующих более мелких этапов. Вызывают обоснованные возражения и некоторые другие тезисы, сформулированные в статье: утверждение, что до 1873 г. на службу в полицию направлялись солдаты, признанные негодными к военной службе [9, с. 189]. Спорность данного тезиса связана не с самим фактом — так называемые инвалидные команды существовали во многих городах, а с тем, что не

оговорено содержание термина «полиция», который на разных этапах развития системы управления имел различный смысл. Непонятно также, почему в перечень документов, регламентирующих деятельность полиции, не включен Устав благочиния, или Полицейский, подписанный Екатериной II, — заметное явление в истории полицейского управления. Вместе с тем совершенно оправданным выглядит выделение советского периода как качественно отличного от других и сопоставимого по своему значению со всеми предшествовавшими этапами длиной в несколько столетий.

Специфическому аспекту службы по ведомству внутренних дел посвящена статья Е. Г. Комиссаровой [10]. Не рассматривая в деталях ее основное содержание, коснемся только той ее части, которая относится к истории государственной службы. Несмотря на актуальность и важность поставленной проблемы, следует признать, что статья имеет крайне низкую научную ценность. Буквально на первой странице встречается странное утверждение: «Дополнение государственной службы службой придворной — в нынешнем понимании *правоохранительной* (здесь и далее курсив наш. — В. З.) — произошло с принятием небезызвестного Указа Петра I от 4 февраля 1722 г. „Табель о рангах”» [10, с. 147]. Можно было попытаться счесть такое заявление досадной опечаткой, оговоркой или результатом практикуемой в последние десятилетия подмены понятий, если бы на следующей странице не было вполне четкого утверждения: «*карательно-правоохранительное назначение придворной службы, ее работа „по своим правилам” соответствовали самодержавной форме правления*» [10, с. 148]. Далее картина становится еще более интересной: автор относит к придворным служащим объезжих голов и утверждает, что социокультурный облик этой службы «сильно уступал другим видам службы». Противопоставляя придворную службу военной и характеризуя качества дворянства, «за счет которого формировалась военная служба», автор, ссылаясь на работу И. И. Фельбигер «О должностях человека и гражданина», вышедшую в 1783 г., называет такие черты дворян, как «цивилизованный патриотизм, жертвенность, чувство собственного достоинства, долг, честь» с декламацией того, что «дворянское происхождение дает право занимать высокие должности в государстве, быть приближенным к монарху» и добавляет: «Совсем иные качества сопутствовали представителям службы придворной. Об этом весьма красноречиво сообщают и многовариантные исторические названия исполнявших ее лиц — „объезжие головы”, уличные сторожа, решеточные приказчики как представители населения, позднее — регулярные войска стрельцов и пушкарей, рабоче-крестьянской народной милиции» [10, с. 148]. То есть все эти категории служащих (особенно представители рабоче-крестьянской милиции) относились к придворной службе! Следовательно, такие фигуры, имеющие придворные чины и находившиеся на придворной службе, как граф Г. А. Строганов, ставший обер-камергером в 1846 г. [11, с. 438] или графиня В. И. Суворова-Рымникская — княгиня Итальянская, статс-дама с 1801 г. [11, с. 441], или, скажем, граф С. А. Толь, обер-егермейстер, происходивший из немецкого рода, ведущего отсчет с XI в., награжденный орденами Станислава I степени, Анны I степени, Владимира

П степени и другими орденами [11, с. 463—464], не могли быть «приближены к монарху», «занимать высокие должности» и т. д. Ограничимся приведенными цитатами, хотя их могло быть значительно больше. Скажем только, что исследователь, безусловно, вправе приходить к выводам, не совпадающим с теми, которые были сделаны до него другими специалистами, опровергать известные факты, делать заключения, противоречащие даже элементарному здравому смыслу, но, выдвигая такие неординарные тезисы, должен заботиться о безупречности аргументации значительно больше, чем в том случае, когда он повторяет классические положения той или иной науки. В рассматриваемой работе такая аргументация отсутствует. Отказываясь как-то комментировать указанные исторические новеллы (употребим этот юридический термин, хотя он и не совсем точен), отметим, что придворная служба связана с обслуживанием монарха, его ближайшего окружения (члены императорской фамилии) и обеспечением их представительских функций как главы государства и официальных лиц. Даже само название придворных должностей (обер-маршал, обер-шталмейстер, обер-егермейстер, обер-шенк, обер-церимониймейстер, лейб-медик, обер-кухенмейстер, надворный аптекарь, статс-дама, кафер-фрейлина и т. д.) достаточно свидетельствуют о том, что никакого отношения к полиции (или правоохранительной службе) в силу своих служебных обязанностей они не имели. Добавим также, что в XIX в. первые чины двора соответствовали гражданским служащим II класса Табели о рангах, а пожалование чина камергера и камер-юнкера зависело только от усмотрения монарха и не подчинялось никаким законодательным правилам (в других видах службы такая практика применялась для лиц, занимающих высшие должности в системе управления). Никаких объезжих голов и других «придворных» чинов (по терминологии автора) нам не удалось обнаружить в составе придворной службы ни в одной редакции Табели о рангах, ни в других источниках о придворной службе. Завершая рассмотрение данной публикации, заметим, что самое печальное, на наш взгляд, то, что эта статья находится в открытом доступе и может быть процитирована другими авторами, а указанные «новеллы» при дальнейшем тиражировании могут войти и в учебные пособия для школьников и студентов. Автору ее, возможно, имеет смысл обратиться к статье Е. Мурова [12], в которой перечисляются структуры, выполнявшие функции охраны монархов: конвой его величества, сводный пехотный полк, гараж, специальная дворцовая полиция, секретная часть, дворцовая агентура и др. Не занимаясь специально изучением придворной службы, рискнем выдвинуть предположение, что только отдельные лица из этих структур, и то относящиеся к высшим руководителям, могли иметь какие-то придворные чины, являвшиеся, скорее, почетными званиями, не имевшими прямого отношения к их служебным обязанностям. Можно также порекомендовать и статью А. А. Холмогорова, который, не являясь профессионалом-историком, знает службу охраны «изнутри» [13]. По его словам, охраной Московского кремля в рассматриваемый период занимались Московская дворцовая контора (с 1831 г.), Московское дворцовое управление (1866—1917 гг.) [13, с. 40—41], но относились эти учреждения не к мини-

стерству внутренних дел, в ведении которого находилась полицейская, в том числе правоохранительная, служба (с 1880 г. — и корпус жандармов), а к министерству императорского двора. Приведем только одну цитату из статьи А. А. Холмогорова: «С 1886 года на ключевые руководящие должности Московской дворцовой части назначались армейские офицеры (генералы). Такая традиция сохранилась вплоть до ликвидации Временным правительством в 1917 году Министерства императорского двора и структур, входящих в него, коими являлась Московская дворцовая часть и подчиненное ей Московское дворцовое управление. <...> Если же вернуться к Московской дворцовой конторе и Московскому дворцовому управлению, то *обе эти структуры действовали в рамках созданного в 1826 году Министерства императорского двора*. Создавалось это министерство (как и вошедшие в его состав дворцовые конторы и управления) для обеспечения потребностей императорской фамилии и осуществления придворно-хозяйственной деятельности в императорских дворцах» [13, с. 41]. Оснований сомневаться в заключении А. Холмогорова у нас нет, так как оно подкреплено ссылкой на источники. В частности, в приводимой выписке из временного штата 1886 г. числятся три гоф-курьера, лакеи 1-го разряда, лакеи 2-го разряда, швейцары, помощники швейцаров и другие, но не полицейские служащие.

Среди работ, характеризующих другие ведомства, хотелось бы отметить публикацию В. И. Белькова и Л. Е. Косарева, посвященную истории архивной службы Кузбасса [14]. Данная публикация привлекает прежде всего качественным оформлением материала, соблюдением необходимых требований, которым должна соответствовать научная статья. Отметим и взвешенный подход, который не всегда присутствует в современных публикациях, посвященных советскому периоду истории (формирование архивной службы в Кемеровской области как элемента общегосударственной системы происходило при Советской власти), а также источниковую базу исследования, охватывающую и период распада СССР. Авторы обращают внимание на возникающие при этом проблемы, связанные с сохранением архивов учреждений в ходе приватизации.

К данной публикации близка работа В. М. Осина, посвященная изменениям в деятельности архивной службы Московской области в предвоенный и военный период [15]. Автор приходит к выводу о неоднозначных последствиях вхождения архивов в структуру органов НКВД (1939—1946). Наряду с ограничением доступности архивных материалов для исследователей в связи с их засекречиванием, «улучшились обеспечение сохранности архивных документов, социальное обеспечение их работников» [15, с. 81]. Положительную роль сыграло создание Государственного архивного фонда. Проведенная централизация позволила в короткие сроки провести громадную работу по обеспечению эвакуации архивных фондов в тыловые районы страны. Публикуемая информация подтверждена большим количеством ссылок на ранее не использованные архивные документы, что повышает ее научную ценность.

Статью Л. Ф. Пертли мы первоначально сочли возможным не рассматривать как узкоспециализированную, однако в ней имеются не-

которые положения, заслуживающие упоминания [16]. Так, автор затрагивает серьезную проблему отсутствия системной работы в современных исследованиях государственного управления, «несмотря на обилие публикаций на исторические темы» [16, с. 89]. Исследователи «крайне редко вводят в научный оборот новые архивные документально-исторические материалы» [16, с. 89]. Думается, что подобное сожаление можно высказать не только в отношении вопросов уголовно-исполнительной системы России, но и других исследований, связанных с государственной службой. Представляет интерес и рассмотрение мер, используемых в борьбе с преступностью, но оно выходит за рамки заявленной нами темы.

Несколько слов необходимо сказать и о статье Н. Н. Коротеевой «История российской аптечной службы второй половины XIX — начала XX вв.» [17]. Термин «служба» здесь употреблен в специфическом смысле, что порождает ряд вопросов, и в частности — в какой мере аптечная служба может быть отнесена к разновидностям государственной службы? В российском государстве существовали как казенные, создаваемые, например, приказами общественного призрения, так и частные, так называемые вольные аптеки. Если первые могут быть с некоторыми оговорками отнесены к государственной службе (по медицинскому ведомству после его оформления в системе гражданской службы), то вольные аптеки, существовавшие и в более поздний период, вряд ли следует включать в понятие «служба», тем более что контроль их деятельности со стороны государства начал осуществляться только в 1797 г., после учреждения медицинских управ [18, с. 287—296]. Может быть, целесообразней было использовать другой термин (например — аптечная сеть). Во всяком случае нам ни разу, ни в литературе, ни в документальных источниках, не встречалось свидетельств существования такой разновидности государственной службы, как аптекарская служба. Для снятия возникающих вопросов автору следовало, видимо, оговорить, в каком контексте употребляется в статье термин «служба», под которым может пониматься то или иное ведомственное подразделение или самостоятельное ведомство, организация [19, с. 12—13].

Интересные данные о развитии рынка труда и формировании службы занятости в современной России содержатся в статье Е. Е. Гориной [20]. Автор рассматривает несколько вариантов периодизации процесса формирования и развития службы занятости и предлагает новую. Однако нам представляется, что ставить вопрос о периодизации развития какой-либо структуры уместно тогда, когда процесс формирования завершен. Здесь же, как видно из текста статьи, происходят постоянные изменения, что дает основания говорить о незавершенности процесса. Выделяемые этапы (4—5 лет), на наш взгляд, слишком короткие. Вполне возможно, что в дальнейшем они будут объединены в рамках одного, начального, этапа развития этой службы.

Такому актуальному вопросу, как подготовка кадров государственных служащих, посвятили свою совместную публикацию В. А. Шамахов и В. И. Морозов [21]. Значимость проблемы (нарушение преемственности в последние десятилетия, в том числе и в сфере подготовки кадров, является, на наш взгляд, одной из се-

рьезных проблем современной России), широкие хронологические рамки и значительный объем содержащейся информации вызывают интерес, но оформление статьи не соответствует требованиям к научной публикации. Материал подается без ссылок на источники даже в тех случаях, когда для этого не нужно обращаться к архивам, ряд важных моментов, касающихся подготовки кадров, не затронут. Возникающие при знакомстве с работой вопросы невозможно снять в связи с нечеткостью формулировок. Так, например, весьма сомнительным выглядит вывод авторов по так называемому делу лицейстов: «Это трагическое событие должно было продемонстрировать советскому обществу неприятие новой властью существовавших принципов подготовки кадров государственных служащих» [21, с. 10]. Невозможность (в связи с отсутствием ссылок) проверить указанный вывод заставила нас провести поиск в Интернете. Ни в одном из найденных материалов не было сказано, что участники «монархической организации» были арестованы за учебу в лицее. И обвинения им предъявлялись совсем иные. Если советскому обществу и хотели что-то продемонстрировать, то никак не то, что нельзя учиться в лицее или училище правоведения (коль скоро авторы говорят о принципах подготовки кадров). Скорее, речь шла о том, что нельзя выступать против существующей власти и заниматься антигосударственной деятельностью. Недостаточно обоснованными выглядят и другие тезисы авторов: «В отечественной историографии в большинстве случаев принято отождествлять этап развития государственной системы с присущим ему обликом государственного служащего» [21, с. 10]. О каком «большинстве случаев» может идти речь, если на той же странице, но несколько выше, авторы говорят, что «государственный служащий как объект историко-политологических исследований представляет собой понятие малоизученное». Если малоизученное, то как «в большинстве случаев» с ним (или с его обликом) отождествлять этап развития государственной системы? Называемый авторами критерий вообще неприемлем для характеристики этапа развития государственной системы, так как при его использовании нельзя, например, увидеть различия между имперской Россией до февраля 1917 г. и Российской республикой (формально — сентябрь, а фактически — февраль-октябрь 1917 г.). Ведь после появления Временного правительства и провозглашения России республикой возникла иная государственная система, но облик чиновника не изменился. В учреждениях продолжали служить те же самые лица, структура и состав учреждений изменились мало (не считая губернаторского корпуса, но и здесь изменения касались персонального состава, а не облика государственного служащего). Что касается сформулированных авторами черт советских государственных служащих, то они могут характеризовать кадры и досоветской, и постсоветской государственной службы. Достаточно ознакомиться с текстом присяги на верность, чтобы увидеть, что до 1917 г. чиновник должен служить не народу, и даже не государству, а «его императорскому величеству» («обещаюсь и клянусь <...> что хочу и должен его императорскому величеству, своему истинному и природному всемилостивейшему великому государю императору <...> верно и не лицемерно служить, и во всем пови-

новаться, не щадя живота своего, до последней капли крови...» [22, с. 458]. Большого «принятия крайнего центризма власти» [21, с. 13], характеризующего, по мнению авторов, облик советских служащих, трудно представить. С тем, что «России слишком мало было отведено времени для формирования облика государственного служащего в рамках демократических принципов государственного управления» [21, с. 13] можно согласиться безусловно. Действительно, развязанная контрреволюционными силами гражданская война потребовала резкой централизации управления и ускоренной национализации не только крупных, как планировалось, но и средних, и даже мелких предприятий. В этих условиях в аппарат управления широко привлекались бывшие чиновники и служащие, воспроизводившие порочные стереотипы прежней системы. В итоге В. И. Ленин в последние годы вполне справедливо констатировал: «Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительно нового аппарата, действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. п.» [23, с. 390]. «Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой <...> чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом» [23, с. 391]. Однако, сделав бесспорный вывод, авторы выдвигают слабо аргументированные утверждения: «Долгие годы среди исследователей бытовало мнение, что в советское время управлению нигде не учили» [21, с. 13]. Авторы допускают, что такая точка зрения не соответствует реальному положению вещей и показывают реальную картину, но этого недостаточно. Более вероятно, что такого мнения вообще быть не могло, хотя бы потому, что ни о каких «долгих годах» речи идти не может. В период социализма советская система подготовки кадров была у всех перед глазами и подробно описана авторами [21, с. 14—15]. Таким образом, сказать, что советские исследователи ничего не знали о подготовке кадров, нельзя. Значит, речь идет о современных исследователях? Но здесь тем более нельзя говорить о «долгих годах». Ведь новая российская государственность существует менее 30 лет. Несмотря на все попытки стереть память о советском периоде истории, сегодня живы и те, кто готовил кадры в период социализма и те, кто такими кадрами являлся. Точно так же спорным выглядит утверждение, что «проследить происхождение всей массы советского чиновничества (кого следует понимать под советским чиновничеством авторы не уточняют — В. З.) невозможно <...> нежелательное происхождение от властей тщательно скрывалось» [21, с. 16]. Здесь хотелось бы видеть указание на то, о каком этапе развития советского государства идет речь. Если о первых годах советской власти, то с этим можно согласиться, хотя в этот период происхождение проверялось особенно тщательно, что вполне естественно в условиях войны и диктатуры пролетариата. А если речь идет о 1970—1980-х гг., то, во-первых, при желании эту характеристику легко проследить хотя бы по документам кадрового

делопроизводства, а, во-вторых, фактор происхождения стал несущественным, поскольку к управлению страной начало приходить уже, как минимум, второе поколение людей, родившихся и выросших при социализме. Некоторый интерес для неспециалиста может представлять попытка раскрытия истории формирования современной системы подготовки кадров, но в целом статья выглядит несколько противоречивой, что, в частности, связано с отсутствием ссылок на документы и источники.

Сравнительно редко освещаемую исторической наукой тему — эволюцию общественного сознания лиц, поступающих на государственную службу рассматривает А. Ю. Рошупкин [24]. Сложность ее изучения усугубляется тем, что автор обращается к довольно отдаленному периоду — XVI — началу XVII в. Это время характеризуется сравнительной скудостью источников, особенно относящихся к рядовым членам общества — крестьянам, стрельцам, гулящим людям и т. д. Тем более сложно исследовать изменения в общественном сознании, поскольку эти изменения слабо отражаются в дошедших до нас документах. Сложность темы, возможно, повлияла на выбор территориальных рамок исследования, которые ограничены одним городом — Ельцом. Такое ограничение не позволяет распространить выводы на всю социальную группу в масштабах страны или хотя бы региона, но может послужить базой для дальнейших исследований. На наш взгляд, в статье раскрывается процесс не столько формирования социального сознания, сколько изменения социального статуса при переходе на государственную службу или формирования служилого сословия на окраинах страны.

Вопросы формирования кадрового корпуса привлекают внимание и других исследователей. Так, П. П. Щербинин исследует социально-правовой и повседневно-бытовой статус солдатских детей — социальной группы, вносившей заметный вклад в формирование слоя государственных служащих, особенно на окраинах страны в XVIII—XIX вв. [25] Рассматривая демографическую ситуацию в солдатских семьях, автор делает вывод об увеличении числа незаконных браков и «преобладающем рождении солдатскими женами незаконных детей» [25]. Для исследования используется достаточно широкий круг источников, отечественных и зарубежных, современных и дореволюционных. Однако при рассмотрении проблемы автор показывает недостаточно полную картину, поскольку военная служба являлась не единственно возможным вариантом жизненного пути для солдатских детей. Согласно Своду уставов о службе гражданской, они по праву происхождения могли поступать и на гражданскую службу, причем на окраинах страны эта социальная группа была одним из главных поставщиков кадров для гражданских учреждений. Так, в первой четверти XIX в. в Томской губернии лица, происходившие «из солдатских детей», составляли одну из наиболее многочисленных групп в составе государственных служащих, уступая по численности детям приказнослужителей, дворян и обер-офицеров [26, с. 183]. У нас также создалось впечатление, возможно ошибочное, что автор слишком расширительно трактует термин «кантонист», отождествляя его с термином «солдатские дети». Кантонисты появились в России с 1805 г., а особый статус солдатских детей про-

слеживается со времени военных реформ Петра I, когда для них была введена подготовка к службе в специальных школах [27, с. 339]. Поэтому данные термины не равнозначны.

Исследователь А. С. Котельников рассматривает деятельность органов госбезопасности в условиях перехода к новой экономической политике (1920—1921) [28]. Здесь следует отметить не совсем верные, на наш взгляд, исходные посылки работы — суждение о военном коммунизме, как о непродуманной попытке «„лобовой атаки” на незрелый уклад экономической жизни граждан России и, прежде всего, крестьянство» [28, с. 36]. Слабое знакомство с работами историков периода социализма вполне объяснимо, но не оправдывает автора, поскольку вынужденный характер этой меры, обусловленной условиями военного времени и введенной в практику до начала социалистической революции, показан и в современных публикациях [29]. Из них следует, что один из основных так называемых антикрестьянских элементов — продразверстка — вводился еще до 1917 г., когда военные операции шли на фронтах Первой мировой войны, а Сибирь, Дальний Восток, юг, север и регионы Средней Азии не были затронуты военными действиями. Вынужденный характер политики военного коммунизма, вызванной хозяйственным кризисом в годы мировой, а затем гражданской войн, военными действиями на всей территории страны, интервенцией и потерей ряда источников сырья и топлива, достаточно очевиден и подтверждается ходом исторического процесса. Как минимум спорным представляется и утверждение, что эта политика была направлена против крестьянства, поскольку советская власть победила в Гражданской войне, чего невозможно было бы добиться без поддержки крестьянства, составляющего большую часть населения. Другими словами, даже используя продразверстку, советская власть имела более прочную и широкую социальную базу, чем объединенные силы контрреволюции, противостоящие ей. Есть вопросы и к определению хронологических рамок исследования в связи с тем, что существуют различные периодизации нэпа. Желательно было бы видеть, на каких источниках основано определение времени завершения нэпа. Вместе с тем публикация содержит отсылки к ценным архивным материалам, характеризующим материальный уровень работников ВЧК, их взаимоотношения с партийным руководством и местными властями. Ряд выводов других авторов, о которых говорится в статье, могут быть оспорены, например, вывод А. С. Павлюченкова о том, что «именно органы ВЧК стали той силой, которая сдержала центробежные силы и не дала распасться стране» [28, с. 38]. В то же время основной вывод статьи не вызывает возражений: «Несмотря на трудности и изменения, органы государственной безопасности по-прежнему стояли на страже политических и экономических интересов Советского государства и были его надежным щитом в борьбе с контрреволюцией и вражескими разведками» [28, с. 40].

Подводя итог, отметим, что нами использованы далеко не все работы указанных в статье авторов. Обращение к спискам публикаций конкретных лиц позволяло обнаружить множество других работ, связанных с историей государственной службы, однако использованная методика исследования (отбор по ключевым словам) заста-

вила нас отказаться от их рассмотрения и ограничиться статьями, попавшими в выборку. Сделанные выводы не являются окончательными и относятся только к рассматриваемым публикациям.

Оценивая полученные в рамках анализа статей данной тематической группы результаты, отметим отсутствие в рассматриваемый период доминирующего направления исследований. Авторы обращаются к самым разным вопросам и проблемам деятельности конкретных ведомств. Относительно популярной можно считать тему деятельности таможенных органов. Рассматриваются организационно-правовые начала деятельности отдельных ведомств, процесс формирования кадрового корпуса, этические начала служебных отношений, подготовка кадров, отдельные аспекты истории современной государственной службы. Временные рамки исследований также охватывают практически все время существования отечественной государственности с IX по XXI в. Наблюдаются попытки постановки и решения новых проблем, требующих разработки специальных методик исследования. Недостатки в рассмотренных статьях в какой-то степени совпадают с выявленными в статьях других тематических групп и обусловлены, в первую очередь, нарушением преемственности в развитии исторической науки в последние десятилетия. Прежде всего не соблюдается утвердившаяся ранее в исторической науке периодизация развития страны. Редко используется специальная периодизация, адекватная проблематике исследований. Нарушается терминологическая четкость — авторы вводят в оборот новые понятия без достаточного теоретического и источникового обоснования их необходимости, в качестве источника используются не архивные материалы и специальные работы, а учебные пособия. Нарушаются формальные требования к научным публикациям, в частности, не приводятся ссылки на источники. В качестве аргументов для подкрепления спорных и не обоснованных тезисов используются обобщенные и неподтвержденные, в некоторых случаях некорректные формулировки: «общепринятый», «общеизвестный» и т. д. С особой отчетливостью просматривается недостаточная изученность управленческой проблематики советского периода. Заметна тенденция дискредитации советского прошлого. Наиболее качественными с формальной точки зрения выглядят публикации архивистов.

Список источников

1. Зубов В. Е. История государственной службы в научных публикациях 2011—2015 гг. (по материалам РИНЦ). Ч. I // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 4 (36). С. 9—17.
2. Балковая В. Г. Теоретико-методологические основания изучения истории государственных органов России (на примере таможенной службы) // Экономика, социология и право. 2014. № 1. С. 157—159.
3. Балковая В. Г. Таможенная служба в России как государственная повинность (XVI—XVII вв.) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3 (17). С. 8—15.
4. Козлов В. В. Правовые основы службы иностранцев в России: история вопроса // Гуманитарные исследования. 2011. № 4 (40). С. 343—349.

5. Большая советская энциклопедия : в 30 т. 3-е изд. Т. XXII: Ремень — Сафи. М. : Сов. энцикл., 1975. 627 с.
6. Зубов В. Е. Этапы реформирования государственной службы в России (XVI — начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 43—47.
7. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 дек. 2012 г. № 2575-р : [официально опубликовано 14 янв. 2013 г.] // Правительство России : [офиц. сайт.]. URL: <http://government.ru/docs/7160/> (дата обращения: 02.07.2025).
8. Аванесов С. Б. Исследование таможенной политики и таможенного дела в России в XVIII—XIX веках // Наука и современность. 2013. № 22. С. 235—242.
9. Сафонова А. И. История правового регулирования государственной службы в органах внутренних дел // Актуальные проблемы права, экономики и управления. 2015. № 11. С. 188—190.
10. Комиссарова Е. Г. Этический аспект в реформе органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Тюменского института повышения квалификации МВД России. 2015. № 1 (4). С. 147—153.
11. Федорченко В. И. Двор российских императоров. Красноярск : Издательские проекты ; М. : АСТ. 2004. 588 с.
12. Муров Е. 130 лет государственной охране // Родина. 2011. № 8. С. 2—3.
13. Холмогоров А. А. Московское дворцовое управление и охрана московских императорских дворцов в 1886—1917 гг. Охрана московского кремля 1881—1917 гг.: историческое исследование // Симбирский научный вестник. 2013. № 3 (13). С. 40—46.
14. Бельков В. И., Косарев Л. Е. Архивная служба Кузбасса: страницы истории // Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 8—23.
15. Осин В. М. Архивная служба Московской области накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 81—91.
16. Пертли Л. Ф. Возможные пути межведомственного взаимодействия по вопросам изучения зарубежного пенитенциарного опыта и истории уголовно-исполнительной системы России // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2015. Т. 14, № 3 (130). С. 88—97.
17. Коротеева Н. Н. История российской аптечной службы второй половины XIX — начала XX века в документах региональных архивов // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2014. № 3. С. 111—119.
18. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое: 1649—1825 гг. : в 45 т. Т. XXIV. С 6 ноября 1796 по 1798. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 287—296.
19. Балковая В. Г. Таможенная служба России в системе управления Российского государства (XVI—XVII вв.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 9. С. 12—13.
20. Горина Е. Е. Развитие государственной службы занятости // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. 2012. № 6. С. 2.
21. Шамахов В. А., Морозов В. И. Подготовка кадров государственных служащих в России: к вопросу о преемственности // Управленческое консультирование. 2012. № 1 (45). С. 5—17.
22. Свод законов Российской Империи. Т. III. Свод уставов о службе гражданской. Кн. 1. Устав о службе по определению от правительства. СПб., 1832. 458 с.
23. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1970. Т. 45: март 1922 — март 1923. 730 с.
24. Рошупкин А. Ю. Социальное сознание служилого человека южного пограничья Московского государства в конце XVI — начале XVII вв. (по материалам Елецкого уезда) // История: факты и символы. 2015. № 2 (3). С. 42—50.
25. Щербинин П. П. Социально-правовой и повседневно бытовой статус солдатских детей в XVIII—XIX вв. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 7 (135). С. 161—167.
26. Зубов В. Е. Государственный аппарат и управление Сибири (конец XVI — начало XX в.) : моногр. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2009. 244 с.

27. Большая советская энциклопедия : в 30 т. 3-е изд. Т. XI: Италия-Кваркуш. М. : Сов. энцикл., 1970. 607 с.
28. Котельников А. С. О некоторых проблемах в работе органов безопасности в условиях перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2 (43). С. 36—42.
29. Заяц Н. Царская продразверстка. Как изымали хлеб у крестьян Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // Родина. 2016. 1 апр. URL: <https://rg.ru/2016/04/24/rodina-hleb.html> (дата обращения: 10.11.2021).

References

1. Zubov V.E. Istoriya gosudarstvennoy sluzhby v nauchnykh publikatsiyakh 2011-2015 (po materialam RINTs) [The History of Civil Service in Scientific Publications of 2011-2015 (on RSCI Materials)], part. I, *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* [Bulletin of Humanitarian Education], 2024, no. 4 (36), pp. 9-17.
2. Balkovaya V.G. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya izucheniya istorii gosudarstvennykh organov Rossii (na primere tamozhennoy sluzhby) [Theoretical and Methodical Foundations of Studying the History of State Bodies of Russia (on the Example of Customs Service)], *Ekonomika, sotsiologiya i pravo* [Economics, Sociology and Law], 2014, no. 1, pp. 157-159.
3. Balkovaya V.G. Tamozhennaya sluzhba v Rossii kak gosudarstvennaya povinnost' (XVI-XVII vv.) [Customs Service in Russia as State Duty (the 16th-17th centuries)], *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm university. Legal Sciences], 2012, no. 3 (17), pp. 8-15.
4. Kozlov V.V. Pravovye osnovy sluzhby inostrantsev v Rossii: istoriya voprosa [Legal Foundations of Foreigners' Service in Russia: the History of the Issue], *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanities Research], 2011, no. 4 (40), pp. 343-349.
5. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia], in 30 vol., ed. 3, vol. XXII: Remen' – Safi [Remen - Safi]. Moscow, Sov. entsikl., 1975, 627 p.
6. Zubov V.E. Etapy reformirovaniya gosudarstvennoy sluzhby v Rossii (XVI - nachalo XX v.) [Stages of Reforming Civil Service in Russia (the 16th- the beginning of the 20th centuries)], *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2013, no. 2, pp. 43-47.
7. Strategiya razvitiya tamozhennoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda [The Strategy of Developing the Customs Service in the Russian Federation before 2020], utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 28 December 2012 № 2575-r, [ofitsial'no opublikovano 14 January 2013], *Pravitel'stvo Rossii* [The Government of Russia], [ofits. site.]. Available at: <http://government.ru/docs/7160/> (accessed: 02.07.2025).
8. Avanesov S.B. Issledovanie tamozhennoy politiki i tamozhennogo dela v Rossii v XVIII-XIX vekakh [Research of Customs Policy and Customs Procedures in Russia in the 18th-19th centuries], *Nauka i sovremennost'* [Science and Contemporaneity], 2013, no. 22, pp. 235-242.
9. Safonova A.I. Istoriya pravovogo regulirovaniya gosudarstvennoy sluzhby v organakh vnutrennikh del [The History of Legal Regulation of Civil Service in the Bodies of Internal Affairs], *Aktual'nye problemy prava, ekonomiki i upravleniya* [Topical Problems of Law, Economics and Management], 2015, no. 11, pp. 188-190.
10. Komissarova E.G. Eticheskiy aspekt v reforme organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii [An Ethic Aspect in the Reform of Bodies of Internal Affairs of the Russian Federation], *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii MVD Rossii* [Bulletin of Tyumen Institute of Advanced Training of MIA of Russia], 2015, no. 1 (4), pp. 147-153.
11. Fedorchenko V.I. Dvor rossiyskikh imperatorov [The Court of Russian Emperors]. Krasnoyarsk, Izdatel'skie proekty, Moscow, AST, 2004, 588 p.
12. Murov E. 130 let gosudarstvennoy okhrane [130 Years of State Guard], *Rodina* [Motherland], 2011, no. 8, pp. 2-3.
13. Kholmogorov A.A. Moskovskoe dvortsovoe upravlenie i okhrana moskovskikh imperatorskikh dvortsov v 1886-1917. Okhrana moskovskogo kremlya 1881-1917: istoricheskoe issledovanie [Moscow Palace Administration and the Guard of Imperial Palaces in 1886–

1917. The Guard of Moscow Kremlin in 1881-1917: Historical Research], *Simbirskiy nauchnyy vestnik [Simbirsk Scientific Bulletin]*, 2013, no. 3 (13), pp. 40-46.
14. Bel'kov V.I., Kosarev L.E. Arkhivnaya sluzhba Kuzbassa: stranitsy istorii [Archive Service of Kuzbas], *Vestnik arkhivista [Archivist Bulletin]*, 2014, no. 1, pp. 8-23.
15. Osin V.M. Arkhivnaya sluzhba Moskovskoy oblasti nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945 [Archive Service of Moscow Region before and during the Great Patriotic War of 1941-1945], *Vestnik arkhivista [Archivist bulletin]*, 2014, no. 1, pp. 81-91.
16. Pertli L.F. Vozmozhnye puti mezhvedomstvennogo vzaimodeystviya po voprosam izucheniya zarubezhnogo penitentsiarnogo opyta i istorii ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii [Possible Ways of Interdepartmental Interaction on Issues of Studying Foreign Penitentiary Experience and the History of Penal System of Russia], *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta [Transactions of Russian State Social University]*, 2015, vol. 14, no. 3 (130), pp. 88-97.
17. Koroteeva N.N. Istoriya rossiyskoy aptechnoy sluzhby vtoroy poloviny XIX-nachala XX veka v dokumentakh regional'nykh arkhivov [The History of Russian Pharmacy Service in the Second Half of the 19th – the beginning of the 20th centuries], *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya i pravo [Proceedings of South-West State University. Ser.: History and Law]*, 2014, no. 3, pp. 111-119.
18. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda. Sobranie pervoe: 1649-1825, in 45 vol., vol. XXIV. S 6 noyabrya 1796 po 1798 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649. The First Collection: 1649-1825; in 45 V. V. XXIV. From November 6, 1796 to 1798]. Saint Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830, pp. 287-296.
19. Balkovaya V.G. Tamozhennaya sluzhba Rossii v sisteme upravleniya Rossiyskogo gosudarstva (XVI-XVII vv.) [Customs Service of Russia in the System of Governance of the Russian State (the 16th - 17th centuries) (monograph)], *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy [International Journal of Applied and Fundamental Research]*, 2012, no. 9, pp. 12-13.
20. Gorina E.E. Razvitie gosudarstvennoy sluzhby zanyatosti [The Development of State Employment Service], *Sovremennaya ekonomika: problemy, tendentsii, perspektivy [Modern Economics: Problems, Trends, Perspectives]*, 2012, no. 6, p. 2.
21. Shamakhov V.A., Morozov V.I. Podgotovka kadrov gosudarstvennykh sluzhashchikh v Rossii: k voprosu o preemstvennosti [Staff Training of Civil Servants in Russia: on the Issue of Succession], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management Consulting]*, 2012, no. 1 (45), pp. 5-17.
22. Svod zakonov Rossiyskoy Imperii. T. III. Svod ustavov o sluzhbe grazhdanskoy. Kn. 1. Ustav o sluzhbe po opredeleniyu ot pravitel'stva [Code of Laws of the Russian Empire. V. III. The Code of Regulations of Civil Service. Book 1. Regulation of the Service as Determined by the Government]. Saint Petersburg, 1832, 458 p.
23. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. [Complete works], in 55 vol. ed. 5. Moscow, Publ. polit. lit., 1970, vol. 45: March 1922-March 1923, 730 p.
24. Roshchupkin A.Yu. Sotsial'noe soznanie sluzhilogo cheloveka yuzhnogo pogranich'ya Moskovskogo gosudarstva v kontse XVI - nachale XVII vv. (po materialam Eletskego uezda) [Social Consciousness of a Service-man in the Southern Borderland of Moscow State at the end of the 15th -the beginning of the 17th century], *Istoriya: fakty i simvoly [History: Facts and Symbols]*, 2015, no. 2 (3), pp. 42-50.
25. Shcherbinin P.P. Sotsial'no-pravovoy i povsednevno bytovoy status soldatskikh detey v XVIII-XIX vv. [Social-Legal and Everyday Household Status of Soldiers' Children in the 18th – 19th centuries], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki [Bulletin of Tambov University. Ser.: The Humanities.]*, 2014, no. 7 (135), pp. 161-167.
26. Zubov V.E. Gosudarstvennyy apparat i upravlenie Sibiri (konets XVI - nachalo XX v.) [State Apparatus and Governance of Siberia (the end of 16th – the beginning of the 20th century)], monogr. Novosibirsk, Publ. SibAGS, 2009, 244 p.
27. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia], in 30 vol., ed. 3, vol. XI: Italiya-Kvarkush [Italy - Kvarkush]. Moscow, Sov. entsikl., 1970, 607 p.

28. Kotel'nikov A.S. O nekotorykh problemakh v rabote organov bezopasnosti v usloviyakh perekhoda ot "voennogo kommunizma" k novoy ekonomicheskoy politike [On Some Problems in the Work of Security Bodies in the Conditions of Transfer from "War Communism" to New Economic Policy], *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2015, no. 2 (43), pp. 36-42.
29. Zayats N. Tsarskaya prodrazverstka. Kak izymali khleb u krest'yan Voronezhskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny [Tsar's prodrazvyorstka. How Bread was Requisitioned from the Peasants of Voronezh Guberniya], *Rodina* [Motherland], 2016, 1 April. Available at: <https://rg.ru/2016/04/24/rodina-hleb.html> (accessed: 10.11.2021).

Информация об авторе

Зубов Владимир Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: zubov-ve@ranepa.ru

Information about the author

Vladimir E. Zubov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: zubov-ve@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 95—104.
Siberia Humanitarian. 2025;(3):95—104.

История государственного управления

Научная статья
УДК 351.746.1(571.1)(091)
DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-95-104
EDN MHVYEP

Реорганизация органов НКВД Западно-Сибирского края в 1930-е гг.

Никита Игоревич Зайцев

Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище, Новосибирск, Российская Федерация, z_nikita@internet.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы организационной структуры, а также реорганизации управлений НКВД по Западно-Сибирскому краю в 1930-е гг. Дана краткая характеристика организационно-штатной структуры управлений, отделов, отделений в системе НКВД республик, краев, областей, процесса их изменения, преобразования. Уделено внимание решению вопроса подготовки оперативного состава на базе вновь созданных образовательных учреждений в системе НКВД. Дана краткая биографическая справка о руководителях управлений НКВД по Западно-Сибирскому краю. Автор констатирует, что в 1930-е годы в Советском Союзе продолжается процесс реформирования органов государственной безопасности, обусловленный необходимостью решать поставленные перед ними задачи в сложных, быстро меняющихся внутренних и внешних условиях, делает вывод о целесообразности изучения опыта деятельности органов безопасности в обстановке частой их реорганизации.

Ключевые слова: НКВД СССР, Западно-Сибирский край, государственная служба, руководящий состав, структура управлений, отделов, отделений, подготовка кадров

Для цитирования: Зайцев Н. И. Реорганизация органов НКВД Западно-Сибирского края в 1930-е гг. // Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 95—104. DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-95-104. EDN MHVYEP.

History of public administration

Original article

The Reorganization of the NKVD of the West Siberian Territory in the 1930s.

Nikita I. Zaitsev

Novosibirsk Higher Military Command Order of Zhukov School, Novosibirsk, Russian Federation, z_nikita@internet.ru

Abstract. The article considers the organizational structure and reorganization of the NKVD offices in the West Siberian Region in the 1930s. A brief description of the organizational and staff structure of administrations, departments, and offices in the NKVD system of republics, territories, and regions, as well as the process of their change and transformation, is given. Attention is paid to solving the issue of training operational personnel on the basis of newly created educational institutions in the NKVD system. A brief biographical information about the heads of the NKVD departments in the West Siberian Region is given. The author states that in the 1930s, the process of reforming state security agencies continued in the Soviet Union, driven by the need to solve their tasks in complex, rapidly changing internal and external conditions, and concludes that it is advisable to study the experience of security agencies in conditions of frequent reorganization.

Keywords: NKVD of the USSR, West Siberian Region, state service, senior staff, structure of directories, departments, divisions, personnel training

For citation: Zaitsev N.I. The Reorganization of the NKVD of the West Siberian Territory in the 1930s. *Siberia Humanitarian*. 2025;(3):95—104. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-3-95-104>. <https://elibrary.ru/mhvyep>.

Интерес к истории отечественных органов государственной безопасности объясняется их существенной ролью в формировании внутренней и внешней политики России в различные периоды. Эти структуры всегда были важнейшими элементами государственного аппарата, отвечающими за безопасность политической системы, граждан, в том числе представителей власти, национальный суверенитет и целостность границ. Актуальность детального исследования истории российских спецслужб продиктована потребностью в анализе их практического опыта. Определение как их успехов, так и просчетов в работе дает возможность для создания прогрессивных стратегий модернизации системы правопорядка, способствует предотвращению повторения печальных ошибок, совершенных в прошлом. Понимание истории спецслужб крайне важно для поддержания безопасности государства в настоящем.

Исследование советского периода истории органов госбезопасности остается недостаточно изученной областью. Часть исследований по данной теме принадлежит бывшим сотрудникам этих структур. Исторические исследования деятельности органов Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) в Новосибирске крайне редки. В современной историографии можно отметить работы, затрагивающие отдельные аспекты проблемы. Деятельность органов безопасности Новосибирской, Кемеровской и Томской областей по защите глубокого тыла в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. исследовал В. А. Гашенко [1]. Трансформацию системы НКВД-МВД СССР (1934—1956) охарактеризовал А. Л. Кузьминых [2]. Структуру и кадры сибирских органов государственной безопасности изучали А. Г. Тепляков [3], И. В. Наумов [4]. В их работах преимущественно проанализирован процесс переформирования подразделений НКВД в Западной и Восточной Сибири. Роль управлений НКВД-МВД Западной Сибири в организации спецлагерей, проблемы кадрового обеспечения, охраны иностранных военнопленных были исследованы Н. М. Маркдорф [5]. Этим же автором была освещена роль Народного комиссариата внутренних дел —

Министерства внутренних дел СССР Западной Сибири в становлении лечебного дела в спецгоспиталях Западной Сибири [6]. Преимущественное внимание историков к анализу непосредственных функций тех или иных управлений и подразделений НКВД ограничило возможность исследования сложного, многоуровневого процесса реформ органов госбезопасности. Вместе с тем именно от периодичности и целесообразности изменений в структуре НКВД напрямую зависело выполнение либо невыполнение возложенных на органы обязанностей.

Народный комиссариат внутренних дел СССР был сформирован 10 июля 1934 г. по решению Центрального исполнительного комитета СССР, придя на смену Объединенному государственному политическому управлению (ОГПУ). Руководителем наркомата стал Г. Г. Ягода, а его заместителями были назначены Я. С. Агранов и Г. Е. Прокофьев [7, с. 12].

В структуру Народного комиссариата внутренних дел входили ключевые управления: Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ), Главное управление пограничной и внутренней охраны (ГУПВО), Главное управление пожарной охраны (ГУПО), печально известное Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений (ГУЛАГ), отдел актов гражданского состояния (ОАГС) и административно-хозяйственное управление (АХУ).

Приказ НКВД от 13 июля 1934 г. № 001 регламентировал создание республиканских НКВД в союзных республиках (за исключением РСФСР) и краевых/областных управлений Народного комиссариата внутренних дел (УНКВД) в автономных республиках, краях и областях [8]. В Новосибирске было создано Управление НКВД СССР по Западно-Сибирскому краю (УНКВД по Западно-Сибирскому краю) с типовым штатом.

В структуру управления НКВД республики, края, области входили следующие подразделения: 2-й отдел (оперативный), 3-й отдел (контрразведывательный), 4-й отдел (секретно-политический), 5-й отдел (особый), 8-й отдел (учетно-статистический), 9-й отдел (чаще не отдел, а отделение шифросвязи), 10-й отдел (тюремный), 11-й отдел (водного транспорта), 12-е отделение (оперативной техники, в крупных наркоматах и управлениях — отдел оперативной техники), управление рабоче-крестьянской милиции (УРКМ), отдел актов гражданского состояния (ОАГС), отдел пожарной охраны (ОПО), административно-хозяйственный отдел/управление (АХО/АХУ), а также аппарат по руководству пограничными и внутренними войсками, аппарат по руководству местами заключения и ссылки, финансовый отдел (ФО), секретариат. В отдельных НКВД-УНКВД также существовали: 1-й отдел с функцией охраны руководителей, 7-й отдел (иностранный), 6-й отдел (транспортный)¹. Аппарат по руководству пограничными и внутренними войсками включал управление (или отдел) пограничной и внутренней охраны (УПВО или ОПВО) в пограничных НКВД-УНКВД, управление (или отдел) внутренней охраны (УВО или ОВО) — в остальных. Аппарат по ру-

¹ Были повсеместно упразднены в августе 1937 г. в связи с перестройкой транспортных органов НКВД.

ководству местами заключения и ссылки в зависимости от видов исправительно-трудовых учреждений, расположенных на территории области или республики, мог именоваться по-разному: отдел мест заключения (ОМЗ), отдел лагерей, трудовых поселений и мест заключения (ОЛТП и МЗ), отдел трудовых поселений и мест заключения (ОТП и МЗ), отдел трудовых колоний (ОТК) [9, с. 32].

Согласно приказу НКВД СССР от 21 августа 1934 г. № 0044, районное отделение/отдел состояло: из аппарата управления государственной безопасности (формировался штатами бывшего районного отделения ОГПУ или аппарата районного уполномоченного и выполнял те же задачи), отделения милиции, аппарата инспекции резервов (где таковой предусмотрен), инспектора противопожарной охраны, инструктора актов гражданского состояния (АГС), аппарата связи и секретариата. Начальник районного отделения/отдела НКВД непосредственно руководил работой управления государственной безопасности (УГБ) районного отдела НКВД, в штат которого входили уполномоченные и помощники уполномоченных. По этому же принципу были организованы и городские отделения/отделы НКВД. Штат городских отделов был больше, и управление государственной безопасности могло подразделяться на отделения по линиям работы: секретно-политическое (СПО), экономическое (ЭКО) и т. д. Подчинялись органы НКВД районного и городского звена напрямую по территориальности НКВД республик или управлений НКВД краев и областей. Такое построение аппаратов районных и городских отделов НКВД в основном сохранилось до 1941 г., до образования Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) и его органов на местах.

Постепенно происходило разрастание штатов, укрепление местных органов, многие городские и районные отделения переводились в разряд отделов приказом народного комиссара внутренних дел СССР. Штаты районных и городских отделов НКВД объявлялись вместе с вновь утверждаемыми штатами тех НКВД республик и управлений НКВД краев и областей, куда они входили согласно административно-территориальному делению [10, л. 123—141].

Управлению НКВД по Западно-Сибирскому краю подчинялись оперативные секторы (Омский, Томский, Барнаульский, Минусинский), окружные отделы (Нарымский, Тарский), управления по Ойротской и Хакасской автономным областям, городские отделы (Анжеро-Судженский, Кемеровский, Прокопьевский, Сталинский) и районные отделения. В структуру районного отделения управления НКВД входили: аппарат управления государственной безопасности, отделение милиции, аппарат инспекции резервов, инспектора противопожарной охраны, инструкторы отделения актов гражданского состояния, аппарат связи и единый секретариат.

В результате административных изменений: разукрупнения Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев и упразднения Обско-Иртышской области (согласно постановлению Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета от 7 декабря 1934 г.) были сформированы Красноярский край и Омская область. Управления НКВД в новых образованиях были учреждены приказом народного комиссара внутренних дел от 13 декабря 1934 г. № 00168,

Управление НКВД по Красноярскому краю возглавил К. А. Павлов, по Омской области — Э. П. Салынь.

В декабре 1935 г. структура управления НКВД по Западно-Сибирскому краю вновь подверглась существенной реорганизации. Оперативные секторы в Омске, Барнауле, Томске и Минусинске прекратили свое существование, а на их месте были сформированы городские отделы НКВД. Районные подразделения, ранее находившиеся в подчинении этих секторов, теперь подчинялись напрямую Управлению НКВД по Западно-Сибирскому краю.

К январю 1937 г. в составе Управления НКВД по Западно-Сибирскому краю насчитывалось 139 отделений разных уровней: городских, районных и аймачных. Городские и районные аппараты были упразднены, а их полномочия переданы 11 межрайонным отделам, которые располагались в ключевых городах региона, включая Барнаул, Бийск, Камень-на-Оби, Кемерово и др.

Межрайонные отделы были преобразованы обратно в оперативные секторы. В дополнение к ним учредили новые оперативные секторы в Новосибирске, Сталинске и Черепанове. Городские отделы в крупных промышленных центрах, таких как Сталинск, Прокопьевск и Анжеро-Судженск, вместе с подчиненными им районными отделами, остались без изменений.

Руководство Управлением НКВД СССР по Западно-Сибирскому краю (Новосибирской области) в 1934—1937 гг. осуществляли следующие работники госбезопасности:

15 июля 1934 — 9 января 1935

Алексеев Николай Николаевич, старший майор госбезопасности. Русский, из семьи служащего. Образование: 2 курса юридического факультета Харьковского университета (сентябрь 1913 — январь 1915 г.). Награды: знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)» № 372, знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)».

9 января 1935 — 15 июля 1936 г.

Каруцкий Василий Абрамович, комиссар госбезопасности 3 ранга. Еврей, из семьи приказчика. Образование: начальная школа, Томская 1 мужская гимназия, 1 курс юридического факультета Томского университета. Награды: орден Красной Звезды, орден Красного Знамени, знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)», знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)», орден Ленина, медаль «XX лет РККА».

15 июля 1936 — 28 ноября 1936

Курский Владимир Михайлович, комиссар госбезопасности 3 ранга. Еврей, из семьи портного. Образование: церковно-приходская школа, 2-классное начальное училище. Награды: орден Красного Знамени, знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)», знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)», орден Ленина.

28 ноября 1936 — 15 августа 1937

Миронов (Король) Сергей (Мирон) Наумович (Иосифович), комиссар госбезопасности 3 ранга. Еврей, из семьи ремесленника. Образование: 3 класса городского училища, 4 класса гимназии экстерном, коммерческое училище. Награды: орден Красного Знамени, ор-

ден Красного Знамени, орден Ленина, медаль «XX лет РККА» знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)».

15 августа 1937 — 1 октября 1937

Горбач Григорий Федорович, старший майор госбезопасности. Украинец, из семьи крестьянина-бедняка. Образование: сельская школа. Награды: знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)», знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)», орден Ленина, медаль «XX лет РККА» [9, с. 86, 152, 228, 260, 302].

В целях подготовки кадров для вновь сформированных подразделений НКВД по приказу народного комиссара внутренних дел СССР от 10 августа 1935 г. № 00306 были созданы десять межкраевых школ в Москве, Киеве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Горьком, Тифлисе, Алма-Ате, Ташкенте, Свердловске и Новосибирске. В период с 1931 по 1941 г. ежегодный набор школ составлял порядка 2 000 курсантов [11, с. 91].

Официальное открытие Новосибирской межкраевой школы Главного управления государственной безопасности НКВД СССР состоялось 15 октября 1935 г. Новосибирская школа находилась в прямом подчинении начальника Управления НКВД по Западно-Сибирскому краю. В ней осуществлялась подготовка оперуполномоченных и их заместителей для работы в городских и районных отделах. Постоянный штат межкраевой школы состоял из 68 человек, включая административные, партийные, учебные, хозяйственные, финансовые и медицинские подразделения.

Учебный план для курсантов включал общеобразовательные, политические, специальные и военно-прикладные дисциплины. Новосибирская межкраевая школа выпустила 143 сотрудника в 1936 г., 382 сотрудника в 1937—1938 гг., а также 698 сотрудников в 1939—1941 гг. Помимо этого, в 1939—1940 гг. около 300 действующих оперативников Управления НКВД по Новосибирской области прошли трехмесячные курсы повышения квалификации при этой школе [12].

Приказом НКВД СССР от 1 октября 1937 г. № 00634 управления НКВД Западно-Сибирского края были реорганизованы в управления НКВД по Алтайскому краю и Новосибирской области (УНКВД по НСО) [13, л. 5—6]. Начальником УНКВД по Новосибирской области назначили старшего майора госбезопасности Г. Ф. Горбача.

Приказом НКВД от 9 июня 1938 г. № 00362 были организованы самостоятельные особые отделы (ОО) военных округов и флотов. При этом 5-е отделы управлений государственной безопасности территориальных органов НКВД были упразднены. Таким образом, периферийные органы военной контрразведки стали напрямую подчиняться (минуя местные НКВД—УНКВД) Управлению особых отделов НКВД, а с сентября 1938 г. — 4-му отделу Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. В августе 1938 г. приказом НКВД СССР были утверждены штаты особых отделов Сибирского военного округа. В сентябре 1938 г. вводится новая структура территориальных управлений НКВД, в которой ведущая роль по-прежнему оставалась за органами госбезопасности.

С 1938 г. в структуру УНКВД по Новосибирской области входили следующие подразделения: 2-й (секретно-политический); 3-й (контрразведывательный); 6-й (обслуживание военизированных организаций — упразднен в декабре 1938 г.); 7-й (шифровальный); экономический; 11-й (воднотранспортный) отделы; следственная часть; 1-й спецотдел (учетно-архивный); 2-й спецотдел (оперативной техники); 3-й спецотдел (оперативный) [9, с. 33].

В конце 1938 г. начинается очередная реорганизация: ликвидируются оперативные секторы, 25 ноября 1938 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Н. И. Ежов был освобожден от обязанностей народного комиссара внутренних дел СССР, на этот пост был назначен Л. П. Берия. Изменения коснулись и Сибири. Так, в 1939 г. начальником управления НКВД по Новосибирской области становится майор государственной безопасности Григорий Иванович Кудрявцев (28 января 1939 — 26 февраля 1941). В 1939—1941 гг. структура управления неоднократно изменялась.

С 1939 г. в Управлении НКВД по Новосибирской области существовало три экономических отдела (ЭКО): 1-й ЭКО, 2-й ЭКО и 3-й ЭКО, курировавшие соответственно оборонную промышленность, остальную промышленность и сельское хозяйство. К концу 1939 г. в аппарате Управления НКВД по Новосибирской области насчитывалось семь городских и 66 районных отделов [12].

Третьего февраля 1941 г. НКВД СССР был разделен на два самостоятельных наркомата органа: Наркомат внутренних дел (НКВД) СССР и Наркомат государственной безопасности (НКГБ) СССР. Наркомом внутренних дел остался Л. П. Берия, наркомом государственной безопасности назначен В. Н. Меркулов. Разделение единого НКВД СССР на два наркомата преследовало цель разграничить сферу деятельности этих ведомств. Главной задачей НКВД была борьба с преступностью и охрана общественного порядка, НКГБ — обеспечение государственной безопасности.

После проведенных реорганизаций Управление НКГБ СССР по Новосибирской области возглавил майор государственной безопасности Г. И. Кудрявцев (26 февраля 1941 — апрель 1941), затем капитан государственной безопасности М. Ф. Ковшук-Бекман (апрель — июль 1941) [14]. В 1941 г. в структуру областного управления НКГБ входили: секретариат; контрразведывательный отдел; секретно-политический отдел; следственная часть; 2-й отдел (учетно-статистический); 3-й отдел (наружное наблюдение, установки, аресты и обыски); 4-е отделение (оперативной техники); 5-е отделение (шифрование и охрана государственной тайны); отдел кадров; административно-хозяйственный отдел; контрольно-слежечная радиостанция [9, с. 34].

Начальником управления НКВД СССР по Новосибирской области назначен старший лейтенант государственной безопасности Федор Михайлович Медведев (26 февраля — 26 апреля 1941), затем майор государственной безопасности Георгий Петрович Кудинов (15 апреля — 26 июня 1941).

В 1941 г. структура управления НКВД области состояла из секретариата; правления милиции; 1-го специального отдела; 6-го отделения; отдела пожарной охраны; архивного отдела; отдела исправ-

тельно-трудовых колоний и трудовых поселений; тюремного отдела; отдела кадров; финансового отдела; мобинспекции; административно-хозяйственного отдела [9, с. 34].

Органы государственной безопасности постоянно находились в процессе реформирования. Менялась организационно-штатная структура как наркомата в целом, так и управлений, отделов, отделений на местах. Связано это было прежде всего с внутривластной обстановкой в Советском Союзе и с новыми вызовами, стоящими перед страной. Решение задач, обусловленных оперативной обстановкой, требовало от руководства непростых решений, материальных и людских ресурсов, постоянной работы по оптимизации структуры правоохранительного блока, пересмотру штатов: создавались новые подразделения, реорганизовывались неактуальные отделы, отделения. Активно велась кадровая работа, руководители смещались с должностей либо назначались на более высокие. Создавался кадровый резерв оперативного состава путем подготовки в ведомственных учебных заведениях.

Все эти мероприятия не исключали необходимости выполнять стоящие перед подразделениями НКВД задачи. Большое количество изменений в достаточно короткие сроки могло иметь дезориентирующий эффект, поэтому сложно переоценить опыт успешной работы органов безопасности в сложных условиях реформирования. Он, безусловно, требует изучения в наши дни.

Список источников

1. Гашенко В. А. Деятельность органов безопасности по защите глубокого тыла в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (на материалах Новосибирской, Кемеровской и Томской областей) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2008. 27 с.
2. Кузьминых А. Л. Эволюция системы НКВД-МВД СССР (1934—1956 гг.) // Пени-тенциарная наука. 2010. № 2. С. 71—78.
3. Тепляков А. Г. Органы ОГПУ—НКВД—НКГБ в Сибири: структура и кадры: 1929—1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 28 с.
4. Наумов И. В. Органы государственной безопасности Восточно-Сибирского края (1930—1936) // Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД» : [сайт]. URL: <https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/DOCUMENTS/Statyi/Naumov-I-V-Organy-gosudarstvennoj-bezopasnosti-Vostochno-Sibirskogo-kрая-1930-1936.pdf> (дата обращения: 18.04.2025).
5. Маркдорф Н. М. Лагерный персонал и охрана иностранных военнопленных в лагерях Западной Сибири (1945—1949 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 94—97.
6. Маркдорф Н. М. История становления лечебного дела в спецгоспиталях Народного комиссариата внутренних дел — Министерства внутренних дел СССР Западной Сибири: 1942—1950-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4—1 (68). С. 165—172.
7. Деятельность Главного Управления НКВД СССР по Молотовской области в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. : сб. док. / сост. С. В. Неганов, С. В. Дагелине, И. В. Папулов. Пермь, 2020. 544 с.
8. Кузьминых А. Л. Эволюция системы НКВД-МВД СССР (1934—1956 гг.) // Пени-тенциарная наука. 2010. № 2. С. 71—78.
9. Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД: 1934—1941 : справ. / под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М. : Звенья, 1999. 504 с.

10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 463.
11. Веригин С. Г. Кадровая служба органов безопасности: история и современность. М. : Граница, 2013. 260 с.
12. Сагадеев Б. А. НКВД СССР 1934—1941 гг.: структура, задачи и функции, деятельность. 3-е Управление НКО СССР (1941 г.) // Author.Today : [социальная сеть]. URL: <https://author.today/reader/208404> (дата обращения: 27.04.2025).
13. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 130.
14. Гашенко В. А. Руководящий состав управлений НКВД-НКГБ Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Мир культуры, науки, образования. 2011. № 6. С. 231—234.

References

1. Gashenko V.A. Deyatel'nost' organov bezopasnosti po zashchite glubokogo tyla v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945. (na materialakh Novosibirskoy, Kemerovskoy i Tomskoy oblastey) [The Activity of Security Bodies on Defense of Deep Rear in the Period of the Great Patriotic War of 1941-1945 (on the Materials of Novosibirsk, Kemerovo and Tomsk regions)], Cand. hist. sci. diss. abstr. Kemerovo, 2008, 27 p.
2. Kuz'minykh A.L. Evolyutsiya sistemy NKVD-MVD SSSR (1934-1956) .) [Evolution of the System of NKVD-MIA of the USSR (1934-1956)], *Penitentsiarnaya nauka [Penitentiary Science]*, 2010, no. 2, pp. 71-78.
3. Teplyakov A. G. Organy OGPU–NKVD–NKGB v Sibiri: struktura i kadry: 1929-1941 [The Bodies of OGPU-NKVD-NKGB in Siberia: Structure and Cadres], Cand. hist. sci. diss. abstr. Tomsk, 2011, 28 p.
4. Naumov I.V. Organy gosudarstvennoy bezopasnosti Vostochno-Sibirskogo kraya (1930-1936) [State Security Bodies of East-Siberian Territory (1930-1936)], *Memorial'nyy muzey "Sledstvennaya tyur'ma NKVD"* [Memorial Museum "NKVD Remand Prison"], site. Available at: <https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/DOCUMENTS/Statyi/Naumov-I-V-Organy-gosudarstvennoj-bezopasnosti-Vostochno-Sibirskogo-kraya-1930-1936.pdf> (accessed: 18.04.2025).
5. Markdorf N.M. Lagernyy personal i okhrana inostrannykh voennoplennykh v lageryakh Zapadnoy Sibiri (1945-1949) [Camp Personnel and the Guard of Foreign War Prisoners in the Camps of Western Siberia (1945-1949)], *Gumanitarnye nauki v Sibiri [The Humanities in Siberia]*, 2008, no. 2, pp. 94-97.
6. Markdorf N.M. Istoriya stanovleniya lechebnogo dela v spetsgospitalyakh Narodnogo komissariata vnutrennikh del - Ministerstva vnutrennikh del SSSR Zapadnoy Sibiri: 1942-1950 [The History of Developing Medical Care in Specialized Hospitals of the People's Commissariats of Internal Affairs of the USSR in Western Siberia: 1942 - the 1950s], *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [Transactions of Altai State University]*, 2010, no. 4-1 (68), pp. 165-172.
7. Neganov S.V., Dageline S.V., Papulov I.V. (eds.) Deyatel'nost' Glavnogo Upravleniya NKVD SSSR po Molotovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941-1945 [The activity of the Main Directorate of NKVD of the USSR for Molotovsk region in the period of the Great Patriotic War 1941-1945], sb. dok. Perm', 2020, 544 p.
8. Kuz'minykh A.L. Evolyutsiya sistemy NKVD-MVD SSSR (1934-1956) [The Evolution of the System of NKVD-MIA of the USSR (1934-1956)], *Penitentsiarnaya nauka [Penitentiary Science]*, 2010, no. 2, pp. 71-78.
9. Petrov N.V., Skorkin K.V. Kto rukovodil NKVD: 1934-1941 [Who was in Charge of NKVD: 1934-1941], sprav. Moscow, Zven'ya, 1999, 504 p.
10. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SA RF)], coll. R-9401, aids. 1, fol. 463.
11. Verigin S.G. Kadrovaya sluzhba organov bezopasnosti: istoriya i sovremennost' [Personnel Department of Security Bodies: History and Contemporaneity]. Moscow, Granitsa, 2013, 260 p.
12. Sagadeev B.A. NKVD SSSR 1934-1941: struktura, zadachi i funktsii, deyatel'nost'. 3-e Upravlenie NKO SSSR (1941) [NKVD of the USSR 1932-1941: Structure, Tasks and

- Functions, Activity. The 3-rd Directorate of People's Committee of Defense of the USSR (1941)], *Author.Today*. Available at: <https://author.today/reader/208404> (accessed: 27.04.2025).
13. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [State Archive of Novosibirsk Region (SANR)]*, coll. P-4, aids. 34, fol. 130.
14. Gashenko B.A. Rukovodyashchiy sostav upravleniy NKVD-NKGB Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Overhead Personnel of the Directorates of NKVD-NKGB of Western Siberia in the Period of the Great Patriotic War], *Mir kul'tury, nauki, obrazovaniya [World of Culture, Science, Education]*, 2011, no. 6, pp. 231-234.

Информация об авторе

Зайцев Никита Игоревич — заместитель командира батальона курсантов, Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: z_nikita@internet.ru

Information about the author

Nikita I. Zaitsev — Deputy Commander of the Cadet Battalion, Novosibirsk Higher Military Command Order of Zhukov School, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: z_nikita@internet.ru

Статья поступила в редакцию 05.06.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 04.07.2025.

The article was submitted 05.06.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 04.07.2025.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ETHNOCULTURAL HERITAGE

Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 105—111.
Siberia Humanitarian. 2025;(3):105—111.

Этнокультурное наследие

Научная статья
УДК 94(510).02
DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-105-111
EDN NAACIJ

Особенности этнокультурной ситуации на границе Хань и сюнну

Даниил Петрович Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация,
shulga-dp@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5820-1743>

Аннотация. В начале династии Западная Хань империя находилась в невыгодном положении в войнах с сюнну. Китайцы еще не получили абсолютного контроля над северным регионом, большая часть которого была заселена сюнну. Поэтому погребения, выполненные по ханьскому обряду, в первой половине II в. до н. э. немногочисленны. С середины II в. до н. э., благодаря гражданским и военным достижениям императора У-ди, армии империи одерживали победу за победой в войне с сюнну. Чтобы укрепить пограничную оборону и управляемость недавно захваченных территорий, был проведен ряд широкомасштабных иммиграционных кампаний в северном направлении, таким образом эти территории получили серьезный импульс к развитию. Приток жителей с Центральной равнины Китая в этот период стал основной причиной резкого увеличения ареала погребений с явными китайскими чертами. С конца I в. правители Восточной Хань, испытывая серьезные внутренние и внешние трудности, утратили контроль над некоторыми порубежными землями, особенно на северо-западе. Начался массовый отток земледельческого населения. Таким образом, деятельность династии Хань и связанные с этим этнополитические изменения оставили весьма заметный археологический след.

Ключевые слова: Западная Хань, сюнну, Центральная равнина Китая, северное приграничье, погребения китайцев

Благодарности: работа выполнена в рамках проекта 24-48-03017 «Междисциплинарное исследование коллекции текстиля из Ноин-улинских кур-

ганов 20, 22, 31 (раскопки российско-монгольской экспедиции 2006—2012 гг., Монголия)».

Для цитирования: Шульга Д. П. Особенности этнокультурной ситуации на границе Хань и сюнну // Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 105—111. DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-105-111. EDN NAACIJ.

Ethnocultural heritage

Original article

Features of the Ethnocultural Situation on the Han and Xiongnu border

Daniil P. Shulga

Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, shulga-dp@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5820-1743>

Abstract. At the beginning of the Western Han Dynasty, the Empire was at a disadvantage in the wars with the Xiongnu. The Chinese had not yet gained absolute control over the northern region, most of which was inhabited by the Xiongnu. Therefore, burials performed according to the Han rite in the first half of the second century BC are few in number. From the middle of the second century BC, thanks to the civil and military achievements of Emperor Wu, the armies of the empire won victory after victory in the war with the Xiongnu. In order to strengthen the border defense and manageability of the recently occupied territories, a number of large-scale immigration campaigns were conducted in the northern direction, thus these territories received a serious impetus for development. The influx of inhabitants from the Central Plain of China during this period was the main reason for sharp increase in the area of burials with obvious Chinese features. Since the end of the first century, the rulers of the Eastern Han, experiencing serious internal and external difficulties, lost control over some borderlands, especially in the northwest. A massive outflow of the agricultural population began. Thus, the activities of the Han Dynasty and the related ethno-political changes left a very noticeable archaeological trace.

Keywords: Western Han, Xiongnu, Central Plain of China, northern border region, Chinese burials

Acknowledgments: the work was carried out within the framework of the 24-48-03017 project “Interdisciplinary study of the textile collection from Noin-Ula mounds 20, 22, 31 (excavations of the Russian-Mongolian expedition 2006-2012, Mongolia)”.

For citation: Shulga D.P. Features of the Ethnocultural Situation on the Han and Xiongnu border. *Siberia Humanitarian*. 2025;(3):105—111. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-3-105-111>. <https://elibrary.ru/naacij>.

Интерес к северному фронтиру у царств Центральной равнины Китая проявлялся еще в доимперский период. В эпоху Сражающихся царств, чтобы противостоять растущему могуществу хунну¹, царства

¹ В статье названия «сюнну», «хунну» и «хунны» будут использоваться в качестве синонимов. При этом аутентичным автор считает первое (匈奴 [1]). Выходцев с Центральной равнины Китая мы будем именовать «китайцами», «ханьцами» или «хуася». Каждое из названий условно, так как этногенез земледельческого населения бассейнов Хуанхэ и Янцзы к началу нашей эры был еще далек от завершения,

Цинь, Янь и Чжао начали строительство длинных оборонительных линий. После объединения Поднебесной первый император восстановил и соединил «великие стены» трех северных царств, достроил целый ряд участков вдоль р. Хуанхэ и в регионе Хэтао (северная окраина плато Ордос). Однако, как и Великая стена, военно-инженерное сооружение нуждалось в людских и материальных ресурсах. Чуть больше десятилетия¹, пока династия Цинь была крепка, снабжение приграничных укреплений шло хорошо, что обеспечивало их эффективность. Однако с началом смуты, восстаний народа и групп аристократии, как сообщают «Исторические записки», все, кто был перемещен охранять границу, ушли, и сюнну получили больше пространств для освоения, постепенно оказавшись к югу от Хуанхэ, создав фактическую границу с Поднебесной у «старых укреплений» (故塞), т. е. у участков Великой стены, построенных, вероятно, во времена правления циньского Чжаосян-вана (秦昭襄王, царствовал в 305—251 гг. до н. э.). Таким образом, территории к северу и западу от данного рубежа были заняты хунну [2].

С воцарением новой династии Хань ситуация первоначально оставалась прежней. Новым властям удавалось лишь контролировать пограничные крепости династии Цинь и удерживать территории в пределах «старой» стены Чжаосян-вана, а также оборонительных линий прежде существовавших северных царств Чжао и Янь. Иные земли, такие как северо-запад плато Ордос, находились вне фактической юрисдикции династии Хань.

Могильники китайцев в северном приграничье, датируемые первыми десятилетиями правления Западной Хань, обнаружены в северной части провинций Шаньси и Хэбэй, а также в городском округе Циньян² провинции Ганьсу. Все эти районы расположены в пределах Великой стены. К северу от этого рубежа подобных погребений очень мало, что согласуется с записями в источниках. В то же время северное приграничье также подвергалось влиянию культуры Центральной равнины Китая³. В период Восточной Чжоу районы ныне составляющие северную часть Хэбэя, были включены в территорию государства Янь, что оставило свой культурный и хозяйственный след.

не говоря уже о временах Сражающихся царств (когда жители Цинь нередко воспринимались как «полуварвары»).

¹ Столь краткий период, в ходе которого китайцам удалось выдвинуться на север, не позволил сформироваться здесь устойчивым поселениям, а значит, и крупных могильников с явными чертами погребального обряда хуася создано не было.

² Циньян находился недалеко от столицы династии Хань. Здесь фактически пролегла последняя линия обороны Чанъань от вторжения сюнну. Поэтому данный район тщательно охранялся империей, следовательно, его освоению уделялось достойное внимание. Проживание постоянного населения влекло за собой и формирование ранних ханьских могильников.

³ Северный Китай был весьма сложен в культурном и антропологическом отношении. Приход сюнну к созданию кочевой державы довольно сильно повлиял на местное население. Во-первых, хозяйственный тип максимально приблизился к классическому кочевому. Отчасти это подтверждают естественнонаучные исследования питания: потребление животного белка во II в. до н. э. резко повышается в сравнении со скифским временем [3]. Во-вторых, усилилась монголоидная составляющая во внешнем облике [4], хотя европеоидные черты продолжали сохраняться, что говорит о гетерогенном происхождении подданных хуннских правителей [1].

Достаточно много ранних погребений ханьцев в уезде Шо на севере Шаньси (朔县). Здесь, кроме прочего, шло разведение лошадей, из-за чего другим названием было Ма И (马 — «лошадь», 邑 — «поселение»). Когда хунны вторглись в уезд Яньмэнь в начале правления династии Хань, они дважды атаковали укрепления Ма И. Во второй год правления императора У-ди (133 г. до н. э.) здесь китайцы попытались заманить сюнну в ловушку¹. Сохранение твердых позиций в Ма И было очень важно для китайцев, так как позволяло контролировать выходы в степь и прилегающие укрепления.

Хотя далеко не все начинания У-ди против сюнну имели успех, именно его правление «надломило хребет» хуннскому великодержавию. Для освоения новых владений вдоль северной границы требовалось поселить здесь большие массы земледельцев, что и было исполнено.

Во второй год девиза правления Юаньшо² (127 г. до н. э.) «100 000 человек были набраны для переселения в земли Шо»³. Во второй год под девизом правления Юаньшоу⁴ (121 г. до н. э.) Хо Цюйбин повел ханьскую армию на разгром сюнну. Хуннский владетель Хунье (иероглифы 浑邪 могут быть прочитаны также как «Хуньсе») решил стать вассалом Хань, когда другой вождь сюнну, Сюту (иероглифы 休屠 могут быть прочитаны также как «Сючу»), при этом не до конца ясно, перед нами имя собственное или один из аристократических титулов) отказался сделать то же самое, Хунье убил его и сдался Поднебесной. Постепенно все больше хуннов будут переходить в вассальную зависимость от Хань, становясь основой для так называемых южных сюнну [5]. Затем ханьские власти переселили бедняков из Гуаньдуна⁵ в Хэнань и Синьцзиньчжун, вытесняя сюнну. На четвертом году под девизом правления Юаньшоу (119 г. до н. э.) Хо Цюйбин повел ханьскую армию на сюнну. В итоге китайцы переправились через р. Хуанхэ, достигнув территорий, ныне составляющих уезд Юндэн провинции Ганьсу. Был сформирован управленческий аппарат с опорой на 50 000–60 000 чиновников и солдат. Меньше чем через десятилетие, на шестом году девиза правления Юаньдин (元鼎) (111 г. до н. э.) на севере (судя по топонимам «Сихэ», «Хэси» и «Шофан», имеется в виду прежде всего территория от современной провинций Ганьсу до уездов Сюньсянь и Хуасянь) для охраны полей и коммуникаций было размещено уже

¹ Столкновения в итоге оказались минимальными, так как хунну не решились вторгнуться, а китайцы побоялись их преследовать в степи.

² Примечательно, что в девизе правления, провозглашенного У-ди на 128—123 гг. до н. э. (元朔) используется тот же иероглиф «Шо», что и в названии уезда, в котором располагалось Ма И.

³ Помимо названия уезда Шо (朔), выражение «朔方», т. е. «земли Шо», часто расширительно обозначали север вообще.

⁴ Девиз правления, провозглашенный У-ди на 122—117 гг. до н. э. — 元狩. Иероглиф 狩 означает «наступление», «охота» (также есть перевод «вассальная земля»).

⁵ Обычно под этим топонимом понимается территория к востоку от г. Шаньхайгуань. Не следует путать с современной провинцией Гуандун (广东), земли которой тогда еще только начинали осваиваться китайцами.

600 000 солдат [2]. Во время правления императора У был принят ряд мер по созданию уездов, расселению поселенцев, в том числе военных, на новых территориях. Хозяйственная жизнь северных приграничных районов получила значительное развитие.

Естественно, что в данный период фиксируется резкое увеличение ханьских могильников на севере. Теперь их ареал простирается до современных г. Иньчуан (административный центр Нинся-Хуэйского автономного района) и г. Хух-Хото (административный центр Внутренней Монголии). Даже на северо-западе Внутренней Монголии, в Дэнкоу было обнаружено в общей сложности 132 погребения, датируемых второй половиной эпохи Западная Хань, когда династия активно осваивала север. Погребальный обряд и инвентарь в основном совпадают с синхронными могильниками Центральной равнины Китая. В них стоит отметить большое количество керамических сосудов. Немалую долю составляют парные погребения.

Некоторые погребения могут быть с высокой долей вероятности связаны с военной элитой. Такие захоронения, как правило, имеют высокие насыпи на поверхности, просторные погребальные камеры. Заметную часть погребального инвентаря составляет бронзовая утварь. Например, в захоронении № 3 на западе г. Гуюань (Нинся) были обнаружены округлые и четырехгранные бронзовые сосуды, а также украшения оружия (наконечник на нижнем конце древка и ножны). Погребенный, возможно, был военным чиновником, служившим в этом районе во времена династии Западная Хань. Развитие северных приграничных районов во времена династии Хань было весьма тесно связано с борьбой против сюнну [1]. Помимо гражданских, существовали и полноценные военные поселения [2], поэтому дальнейшее нахождение подобных захоронений видится весьма вероятным.

Во время правления Ван Мана из-за внутренних смут и непродуманной политики в отношении вассалов на севере вновь возникли трудности. Вскоре регион был повторно занят сюнну. На пятом году правления императора Гуан У-ди из династии Восточная Хань (т. е. в 29 г.) хунну разграбили и вскоре захватив пять уездов: Уюань, Шофан, Юньчжун, Динсян и Яньмэнь [2]. Ситуация на северной границе не улучшалась до 50 г. Судя по историческим источникам, только вмешательство южных сюнну, союзных империи Хань, смогло несколько выправить ее [5], однако полного восстановления прежнего порядка не произошло. Жители восьми приграничных уездов, очевидно, стремились переселиться вглубь страны подальше от опасного фронта. Количество ханьских погребений I в., обнаруженных в северных районах, остается небольшим. Зачастую это разрозненные памятники с небогатым инвентарем. Впрочем, археология лишь отражает процессы того времени [1].

Как уже говорилось выше, относительное спокойствие северных районов зависело от лояльности южных сюнну. Территориальные единицы, учрежденные еще при У-ди, постоянно объединялись между собой из-за оттока населения и сокращения территорий. Центры уездов переносились ближе к Центральной равнине. Особенно ярко это проявилось, когда в 140 г. южные сюнну «левого крыла»

восстали. Административный центр уезда Сихэ был перенесен из Пиндина (ныне хошун Джунгар-ци во Внутренней Монголии) на юг в Лиши (ныне городской округ Люйлян провинции Шаньси). Центр уезда Шофан переместился из Юхуня (ныне уезд Дэнкоу во Внутренней Монголии) в Уюань (ныне г. Баотоу). Округ Шофан во времена династии Западная Хань состоял из десяти уездов, которые в период Восточной Хань были сведены уже в пять уездов. Наконец, при последнем ханьском императоре Сянь-ди, в годы девиза правления Цзяньань (196—220 гг.), когда-то существовавшие округа Уюань и Шофан были вовсе объединены в один уезд.

По письменным источникам и археологическим данным можно судить о том, что отток населения из северных районов к моменту падения династии Хань в сравнении с периодом У-ди мог достигать 80—90 % [2]. Естественно, здесь надо учитывать, что при раскопках мы не можем реконструировать самосознание местного населения, а по инвентарю китаизированные южные сюнну могут весьма незначительно отличаться от северных ханьцев, принявших часть местных традиций [5]. Однако общий упадок хозяйственной жизни, равно как и отказ от организованной политики заселения регионов к северу от «старой стены», отрицать невозможно.

Список источников

1. Ли Хайцюнь [李海群]. Лянхань шици сюнну дуй си юй дэ цзин ин хэ тун чжи [两汉时期匈奴对西域的经营和统治] = Правление хунну в западных регионах во времена династии Хань // Guangxi Social Sciences [广西社会研究]. 2017. № 12. С. 118—122.
2. Цзян Лу [蒋璐]. Бэйфан дицзюй хань му гэцзюй яньбянь юй ханьдай бяньцзян чжэнцэ дэ гуаньси [北方地区汉墓格局演变与汉代边疆政策的关系] = Связь между эволюцией ханьской захоронений в северном регионе и пограничной политикой династии Хань // Археология хуася (Хуася каогу) [华夏考古]. 2015. № 3. С. 84—87.
3. Сы И, Люй Эньго, Ли Сяо, Цзян Хунэнь, Ху Яоу, Ван Чансуй [司艺、吕恩国、李肖、蒋洪恩、胡耀武、王昌燧]. Синьцзян Янхай муди сянь минь дэ ши у цзе гоу цзи жэнь цюнь цзучэн таньсо [新疆洋海墓地先民的食物结构及人群组成探索] = Исследование структуры питания и состава древнего населения по материалам могильника Янхай в Синьцзяне // Научный бюллетень (Кэсюэ тунбао) [科学通报]. 2013. № 58 (15). С. 1—8.
4. Мэнгу го Хулаха шаньгу M21 хао сюнну му чжу дэ сяньлители DNA фэньси таньтао [蒙古国胡拉哈山谷M21号匈奴墓主的线粒体DNA分析] = Анализ митохондриальной ДНК усопшего из хуннского погребения M21 в долине Хулаха, Монголия / Цай Давэй, Чэнь Си, Чжао Синь, Чжу Хун, Чжоу Хуэй [蔡大伟、陈曦、赵欣、朱泓、周慧] // Археологические исследования приграничья (Бяньцзян каогу яньцзю). 2015. № 13. С. 140—144.
5. Цзян Лу [蒋璐]. Бэйфан дицзюй «нань сюнну» муцзан цзай таньтао [北方地区«南匈奴»墓葬再探讨] = Новые исследования погребений «южных сюнну» в Северном

Китае // Археологические исследования приграничья (Бяньцзян каогу яньцзю) [边疆考古研究]. 2011. № 1. С. 244—253.

References

1. Li Khaytsyun'. Pravlenie khunnu v zapadnykh regionakh vo vremena dinastii Khan' [The reign of Hunnu in Western Districts in the Time of Han Dynasty], *Guangxi Social Sciences*, 2017, no. 12, pp. 118-122.
2. Tszyan Lu. Svyaz' mezhdu evolyutsiei khan'skoy zakhoroneniya v severnom regione I pogranichnoy politikoy dinastii Khan' [The Connection between the Evolution of Han Burials in Northern Region and Borderland Policy of Han dynasty], *Arkheologiya khuasya (Khuasya kaogu) [Archeology Huaxia]*, 2015, no. 3, pp. 84-87.
3. Sy I, Lyuy En'go, Li Syao, Tszyan Khunen', Khu Yaou, Van Chansuy. Issledovanie struktury pitaniya i sostava drevnego naseleniya po materialam mogil'nika Yankhay v Sin'tszyane [Research of Food Patterns and Composition of Ancient Population on the Materials of Burial Ground Yanghai in Xinjiang], *Nauchnyy byulleten' (Kesyue tunbao) [Science Bulletin]*, 2013, no. 58 (15), pp. 1-8.
4. Davey Tsay, Si Chen', Sin'Chzhao, Khun Chzhu, Khuey. Chzhou Analiz mitokhondrial'noy DNK usopshego iz khunnskogo pogrebeniya M21 v doline Khulakha, Mongoliya [The Analysis of Mitochondrial DNA of a deceased from Hunnu Burial M21 in the valley of Hulakha, Mongolia], *Arkheologicheskie issledovaniya prigranich'ya (Byan'tszyan kaogu yan'tszyu)*, 2015, no. 13, pp. 140-144.
5. Tszyan Lu. Novye issledovaniya pogrebeniy «yuzhnykh syunnu» v Severnom Kitae [New Research of Burials of "Southern Hsiung-nu" in Northern China], *Arkheologicheskie issledovaniya prigranich'ya (Byan'tszyan kaogu yan'tszyu) [Archeological Research of Borderland]*, 2011, no. 1, pp. 244-253.

Информация об авторе

Шульга Даниил Петрович — доктор исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: shulga-dp@ranepa.ru

Information about the author

Daniil P. Shulga — Doctor of Historical Sciences, Researcher at the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: shulga-dp@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 04.07.2025.

The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 04.07.2025.

Этнокультурное наследие

Научная статья
УДК 94(510):393
DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-112-126
EDN NSHJNP

Клановые праздники хакка и возвратная миграция в сельском Китае: взгляд народа хакка

Себастьян Емец

Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация,
sebastjan.jemec@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-3845-7084>

Аннотация. На основе полевых материалов, собранных автором в 2019—2020 гг., в статье рассматриваются традиционные и типичные для хакка провинций Гуандун, Фуцзянь и Цзянси социальные практики в условиях внутренней и транснациональной миграции в XX в. Хакка — подгруппа хань, населяющая горные районы провинций Гуандун, Фуцзянь и Цзянси, почти не исследованная в российской синологии и антропологии. Местные жители деревень провинции Фуцзянь идентифицируют себя как «люди хакка». Эти деревни представляют собой любопытный пример, с одной стороны, сохранения и традиций идентичности хакка, с другой — их изменения под воздействием трудовой миграции, поскольку большинство сельчан зарабатывает в Европе, а их семьи практикуют транснациональный образ жизни. Для мигрантов пребывание в родных деревнях в период отдыха заполняется мероприятиями в концептуальных и идейных культурных пространствах. Учитывая особенности автохтонных и чужих обычаев, автор анализирует традиции проведения семейно-клановых праздников автохтонных хакка в сравнении с традициями хакка других регионов, а также в целом хань. Под влиянием современных транснациональных и внутренних миграций переосмысливается и подвергается сомнению абсолютность традиций коллективного времяпрепровождения. При этом утверждается, что рассматриваемые социальные практики — коллективное чаепитие и семейно-клановые праздники — демонстрируют идентичность местных хакка, а также роль института семьи и кланов в жизни сельского общества и семей мигрантов.

Ключевые слова: хакка, провинция Фуцзянь, Южный Китай, кланы, родословная группа, храмы предков, поклонение предкам, очищение могил, чаепитие, общий прием пищи

Для цитирования: Емец С. Клановые праздники хакка и возвратная миграция в сельском Китае: взгляд народа хакка // Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 112—126. DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-112-126. EDN NSHJNP.

Ethnocultural heritage

Original article

Hakka Clan Holidays and Return Migration in Rural China: the View of the Hakka People

Sebastjan Jemec

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, sebastjan.jemec@outlook.com,
<https://orcid.org/0000-0003-3845-7084>

Abstract. Based on field materials collected by the author in 2019-2020, the article considers traditional and typical Hakka provinces of Guangdong, Fujian and Jiangxi social practices in the context of internal and transnational migration in the 20th century. The Hakka are a subgroup of the Han inhabiting the mountainous regions of Guangdong, Fujian and Jiangxi provinces, which has hardly been studied in Russian sinology and anthropology. Local villagers in Fujian Province identify themselves as “Hakka people.” These villages are, on the one hand, a curious example of the preservation of traditions of the Hakka identity, and, on the other, their changes under the influence of labor migration, since most of the villagers earn money in Europe and their families practice a transnational lifestyle. For migrants, a stay in their native villages during the period of rest is filled with activities in conceptual and ideological cultural spaces. Taking into account the peculiarities of indigenous and foreign customs, the author analyzes the traditions of holding family and clan holidays of indigenous Hakka in comparison with the traditions of the Hakka of other regions, as well as the Han as a whole. Under the influence of modern transnational and internal migrations, the absoluteness of the traditions of collective pastime is being rethought and questioned. At the same time, it is argued that the social practices under consideration - collective tea drinking and family and clan celebrations - demonstrate the identity of local Hakka, as well as the role of the institution of family and clans in the life of rural society and migrant families.

Keywords: Hakka, Fujian Province, South China, clans, lineage group, ancestral halls, ancestor worship, tomb sweeping, tea drinking, collective meals

For citation: Jemec S. Hakka Clan Holidays and Return Migration in Rural China: the View of the Hakka People. *Siberia Humanitarian*. 2025;(3):112—126. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-3-112-126>.
<https://elibrary.ru/nshjnp>.

Введение

Статья основана на результатах этнографической полевой работы, проведенной в 2019—2020 гг. автором в деревнях небольшого уезда Минси (明溪 *Mingxi*) городского округа Саньмин (三明 *Sanming*) провинции Фуцзянь. Сельчане уезда называют себя «люди хакка» (客家人 *kejia ren*). Хакка — подгруппа хань, проживающая в горных районах провинций Гуандун, Фуцзянь и Цзянси, мало исследованная в российской науке. В исследованных деревнях автохтонное население хакка сопоставляет свои обычаи и обычаи приезжих. Деревни представляют любопытный пример сохранения идентичности в сочетании с транснациональным образом жизни (трудовая миграция).

Большинство жителей в 1990-х гг. начали мигрировать в Европу в поисках работы [1].

Цель статьи — на основе анализа полевого материала и краткого обзора литературы проследить, каким образом в условиях транснациональной миграции XXI в. сохраняются и изменяются традиции, в том числе семейно-клановые праздники и коллективное чаепитие, типичные для хакка данного региона.

Новизна обзора этнографического материала заключается в том, что это первая попытка систематизировать культурное многообразие малоисследованных в российской этнологии и социальной антропологии хакка. Сельские сообщества хакка Южного Китая, отправляющие мигрантов за границу, привлекли внимание западных синологов со времен известного Maurice Freedman, когда из-за политической обстановки иностранным исследователям не разрешалось посещать материковый Китай [2]. Автор не знаком с корпусом литературы по хакка на русском языке, сложилось впечатление, что этот вопрос не получил освещения. Удалось найти лишь кандидатскую диссертацию Н. В. Скорлыгиной [3]. Это первое исследование истории и формирования так называемого субэтнуса хакка, этнокультурных характеристик, социальной и хозяйственной жизни сообществ хакка Южного Китая и Юго-Восточной Азии до XIX в. Скорлыгина использует фольклорные источники, такие как пословицы, легенды, описания обрядов из сборников и аудиоинтервью, собранных в архивах Сингапура [3, с. 6]. Также этим автором представлена информация о традиционной архитектуре, собранная во время поездки в уезд Юндин (永定 *Yongding*) провинции Фуцзянь в 2000 г. Однако, будучи историком, она не наблюдала настоящей жизни хакка.

Статья предоставляет собой вклад в исследования этнологов и синологов, которые часто рассматривают хакка с точки зрения родословных книг и памяти диаспоральных сообществ хакка Юго-Восточной Азии [4—6] и не уделяют внимания локальным особенностям, так как источники редко базируются на эмпирических сведениях.

Культурные особенности хакка уезда Минси

Большинство уроженцев Минси идентифицируют себя как хакка. Историк Д. Лео утверждает, что «культурные маркеры» хакка не сводятся к абсолютно объединенной системе ценностей группы хакка, населяющей горные территории Южного Китая [7, р. 205]. Идея культурной разнородности хакка подтверждается тем, что круглые земляные здания «тулоу» (土樓 *tulou*), или «земляные крепости хакка» [8], — культурный маркер хакка в других районах Фуцзяня и Гуандуна — не строились ни в Минси, ни в остальных уездах городского округа Саньмин, местах поселения хакка (фото 1). В то же время целые деревни состоят из тулоу, например Тяньлуокэн (田螺坑 *Tianluokeng*) в уезде Наньцзин (南靖 *Nanjing*) городского округа Чжанчжоу (漳州 *Zhangzhou*) (фото 2). Такая специфическая архитектура определяет жизненный уклад и идентичность хакка [9]. В общественном дискурсе привычно считать, что тулоу — сущность хакка, а также ресурс для развития туризма. Так

как туристы и исследователи посещают только тулоу, игнорируется факт, что у хакка есть другие виды сельского обитания.

Другим культурным признаком, подтверждающим многогранность и подвижность идентичности хакка, является праздник очищения могил (扫墓 *sao tu*). Очищение могил в западной Фуцзяни, включая уезд Минси, происходит в течение двух недель, предшествующих Празднику середины осени (中秋节 *Zhongqiu jie*), а не весной, во время Цинмин (清明节 *Qingming jie*), как общепринято в Китае. По мнению китайских антропологов Сямэньского университета, высказанному в беседе с автором статьи, эти хакка «нарушают» нормы большинства хань и других хакка. Изучение местных обычаев, сохраняющихся до XXI в., свидетельствует о важности локальной коллективной идентичности.

Фото 1. Сельский дом (не тулоу) семьи среднего благосостояния, уезд Минси, январь 2020 г.
(здесь и далее фотографии сделаны автором статьи)
Rural house (not tulou) of a middle-class family, Mingxi County, January 2020
(all photography taken by the author)

Обзор литературы указывает на различные аспекты изучения хакка. Историки изучали миссионерскую деятельность у хакка [10] и роль кланов в Гуандуне [11], опираясь на концепции *communitas* и *communion*, разработанные Виктором Тернером. Тайваньские антропологи объясняют, как обряды связывают сельские общества в функциональный и аксиологически потенциальный коллектив [12]. Также ученые акцентировали внимание на генеалогической важности предков-родоначальников для идентичности крупнейших кланов провинции Гуандун, связанных с имперским государством и долж-

ностями высокопоставленных чиновников [13]. Сюжет кланов в литературе указывает на тот факт, что неоднородных по культурным маркерам и живущих в разных регионах хакка на уровне сельских общин объединяют характеристики разграничивающихся между собой клановых институтов. Утверждается, что структура хакка Гуандуна базируется на двух институтах, в основе которых идея формализованного членства: деревне, основанной на понятии территории и родословной группы (lineage group), или группы по происхождению (descent group), основанной на концепции агнатического родства [11, p. 49].

Фото 2. Комплекс тулоу Тяньлуокэн, уезд Наньцзин городского округа Чжанчжоу, апрель 2019 г.
Tulou Tianluokeng Complex, Nanjing County of Zhangzhou City District, April 2019

«Хакка», или «кэцзя» (*kejia*), на путунхуа обозначает «гость». Если понятие гость воспринимается русскоязычными как нейтральное, то в китайском языке оно имеет негативный оттенок, означая «чужой», «пришлый» [3, с. 20]. Предки хакка переселились с севера на юг из-за голода и беспорядков. Исследуя историческое происхождение хакка, антрополог М. С. Эрбо заметила, что осевшие в провинциях Фуцзянь и Цзянси хакка называют себя «бэньди» (本地 *bendi*) — «туземный», «местный». У других хакка, утверждает Эрбо, нет специального самоназвания, скорее, они описывают себя как «людей Тинчжоу» (汀州人 *Tingzhou ren*). Это название происходит от города, из которого начался миграционный путь 90 % предков хакка в Фуцзяни и Цзянси [14, p. 195]. В академическом дискурсе существует утверждение об отсутствии корней у хакка («rootlessness») [14, p. 195]. В Минси хакка называют себя «люди Минси», и этот автоэтноним включает понимание, что местные суть хакка. В Минси акцентируют внимание на различиях в обрядах похорон и очищения могил местных хакка и приезжих, переселенцев хакка из других уездов и округов. Хакка Минси, выезжая за рубеж, стали владельцами ресторанов, магазинов и швейных фабрик в Европе [1, p. 62]. Они не готовы работать в трудоемком сельском хозяйстве.

Приезжие в Минси из соседних местностей выращивают табак вместо местных крестьян. Живя в Европе, хакка не забывают родных деревень, отправляют туда денежные переводы, несут традиционные клановые обязанности и сохраняют самосознание не только хакка, но и людей Минси.

Клановые структуры

Родовые общины формировались на территориях деревень, где заселились отдельные семьи [11, р. 49]. В Минси формируется в одной деревне разветвленная система кланов, у каждого из которых есть свой храм предков — 祠堂 (*citang*), 祖堂 (*zutang*), или 祖房 (*zufang*) (фото 3).

Фото 3. Главный храм клана Дэн, Минси, 2019 г.
The main temple of the Deng Clan, Mingxi, 2019

Кланы — родовые структуры с общей фамилией и родоначальником. В одной из деревень это фамилии Хуан (黄 *Huang*) и Дэн (邓 *Deng*). В период проживания автором в деревне большинство членов сельской администрации принадлежало к одному из двух кланов. На алтаре храма, который открывается лишь несколько раз в год, хранятся таблицы предков (фото 4). Возможность посетить храм предков клана Дэн и увидеть таблицы предков была предоставлена автору главой деревни — женщиной, которая была замужем за членом клана Дэн. Клан Хуан в данной деревне разделен на нижний Хуан (下黄 *xia Huang*) и верхний Хуан (上黄 *shang Huang*). Местонахождение в деревне храмов предков каждой ветви клана считается критерием принадлежности семей к нижнему или к верхнему Хуан. В зависимости от ситуации в повседневной жизни инди-

виды и семьи подчеркивают принадлежность к одному из них. Например, в разговорах звучат выражения «я из нижнего Хуан». Клан Хуан происходит из деревни соседнего уезда и ежегодно отправляет своих представителей на встречу родственников.

Фото 4. Таблицы предков в храме клана Дэн, Минси, 2019 г.
Tables of ancestors in the temple of the Deng Clan, Mingxi, 2019

Культура хакка не является ни данностью, ни целостностью из «легко идентифицируемых гомогенизированных идентичностей», считает антрополог Н. Констебл: культура остается приписываемой себе, выражается и конструируется локально в различных провинциях, населенных хакка [4, р. 4]. Существует также мнение, что «быть хакка» — социально сконструированный культурный ресурс, который акторы выражают в конкретные исторические моменты [15, р. 28]. В Минси принадлежность к хакка выражается через праздники поклонения предкам и участие всех членов клана в коллективных приемах пищи.

Чаепитие

Провинция Фуцзянь славится культурой чаепития, и уезд Минси не является исключением. В сельских местностях остальных уездов округа Саньмин существуют разные варианты чаепития, отличающиеся от обычного в Китае процесса заваривания и наливания чая. Чаепитие сельских хакка из уезда Нинхуа (宁化 Ninghua) на западе

округа Саньмин подтверждает кулинарное разнообразие среди хакка одного административного округа, даже проживающих на небольших расстояниях друг от друга. В уезде Нинхуа готовят напиток лейча (擂茶 *lei cha*), который не является традиционным для хакка из Минси. Лейча имеет вид супа, содержащего такие ингредиенты, как куриный желудок и кишечник, фасоль, рисовая лапша. Лейча подается в большой пиале на середину стола, когда угощают гостей.

В повседневной жизни еще один традиционный напиток — лианча (凉茶 *Liang cha*) демонстрирует кулинарную разнородность хакка. Травяной напиток Лианча (лиан — холодно) заваривается в металлическом чайнике (фото 5) и часто употребляется холодным. В семьях хакка из уезда Нинхуа, приехавших в 1980-х гг. выращивать табак в уезд Минси, этот освежающий напиток подается между обедом и ужином. Считая себя более гостеприимными, чем хакка Минси, выходцы из Нинхуа придерживаются собственных пищевых привычек. В простых семьях уроженцев Нинхуа внезапно приехавших родственников принято угощать традиционными домашними блюдами: рисовой лапшой, уткой, жареным тофу и грибным супом (фото 6).

Фото 5. Травяной напиток лианча в металлическом чайнике и квашеная листовая горчица, Минси, январь 2020 г.

Herbal drink liancha in a metal kettle and pickled mustard leaf, Mingxi, January 2020

Фото 6. Традиционное угощение в семьях выходцев из уезда Нинхуа, Минси, октябрь 2019 г.
Traditional food served by families from Ninghua County, Mingxi, October 2019

Коллективное чаепитие местных жителей Минси противопоставлено индивидуальному кофепитию, привнесенному односельчанами, которые работали в Европе. Чаепитие может происходить и в одиночестве, но чайники позволяют непрерывно наливать чай гостям и случайно пришедшим. Благоприятный климат позволяет проводить досуг на улице перед домом. Ворота в дома открыты, и односельчане часто заглядывают к соседям. Личные границы семейного жилища размыты, мимо проходящих приглашают на чай. Также перед и после обеда (ужина) гостям предлагают чай и фрукты. Повседневная жизнь свидетельствует о противостоянии чужих пищевых привычек, привезенных мигрантами в деревни, локальным кулинарным традициям. Социальной роли и символическому значению кофепития для возвращающихся транснациональных мигрантов в Минси автор посвятил отдельное исследование. Было выявлено, что индивидуальное кофепитие мигрантов рассматривается сельчанами как чуждая привычка, противопоставляемая традиционному коллективному и дружественному чаепитию, распространенному в деревнях [1, p. 80—81].

Праздник очищения могил

Обзор семейно-клановых праздников хакка позволяет зафиксировать культурные различия хакка и большинства хань. В деревнях Минси хакка «нарушают» традиции большинства хань, что свидетельствует о проявлении их идентичности через локальные и клановые праздники. Факт различий часто игнорируется в синологии, так как традиционная синология не пользуется методом полевого исследования. Уникальность культуры хакка в Минси, имеющая значение для локальной самоидентификации, проявляется во времени очище-

ния могил, проводимом за две недели до Праздника середины осени, а не во время фестиваля Цинмин, как в других регионах Китая. Против метаэтических дискурсов приводится мнение, что культура конкретного общества располагает идейным и концептуальным пространством для того, чтобы подвергать сомнению абсолютность любой социальной практики [16, р. 85]. Наличие концептуальных и идейных культурных пространств означает, что внутри любой культуры, в том числе культуры хакка, есть пространство для переосмысления. Учитывая особенности автохтонных и приезжих жителей деревень в контексте семейно-клановых праздников, обязанностей и миграций можно анализировать социальные аспекты традиций, несинхронных с праздниками хань. Отличие традиций местных хакка от традиций большинства хань имеет значение для самоидентификации жителей деревни.

Особенность традиции очищения могил минсиевских хакка заключается в необходимости организации разными ветвями клана приемов пищи. В отличие от хакка, потомки приезжих в Минси, не являющихся хакка, отмечают праздник очищения могил предков во время очередного Цинмин. Большое значение для сельских обществ, характеризующихся транснациональными миграциями, имеет то, что время уборки могил часто совпадает с массовым ежегодным возвращением родственников, работающих не только в крупнейших городах Китая, но и в Европе. Например, итальянский коллективный отпуск Феррагосто, связанный с Праздником Вознесения Девы Марии, или «отдых на море» (海洋节 *Haiyang jie*), как его называют китайские мигранты, начинается в августе. Многие китайские мигранты вместо того, чтобы переместиться на пляжи Италии, едут на родину. Они продлевают отпуск, чтобы успеть на очищение могил.

Приехавшие для отдыха односельчане участвуют в коллективных приемах пищи и посещении храмов предков. В самых больших приемах пищи участвуют все члены клана, организатор меняется ежегодно. Каждая ветвь дополнительно организует свои приемы пищи, на которые приглашают близких родственников.

В связи с отсутствием в деревне выехавших для работы в Европу нынешние обеды по сравнению с масштабными семейными сборами прошлого, когда целые улицы были заставлены столами, сократились примерно до трех столов на принимающую семью. За каждым столом размещается от 10 до 12 человек. Близкие родственники, которые могли бы помочь в приготовлении пищи, находятся на заработках далеко от деревни, поэтому используется доставка еды из ресторанов или помощь клановой общины, получающей плату за приготовление пищи.

Автор статьи был свидетелем организации угощения для родственников семьей работающего в Италии мигранта из клана Дэн в 2019 г. На центральном рынке в Минси были куплены три вида рыбы, утка, морские и речные креветки, кальмары, улитки. Подготовка потребовала немалых расходов и физических усилий. Жена, последовавшая за мужем в Италию, не смогла адаптироваться к условиям труда и вынести социальное отчуждение, вернулась в Минси. Она родом из ближнего уезда Нинхуа, считает себя хакка.

При этом происхождение из иного уезда может стать причиной отчуждения, даже если приезжие разделяют транснациональный миграционный опыт и понимают местный диалект.

Коллективный труд

Исследуя вопрос сохранения и изменения традиционных социальных практик, характерных для хакка этой части провинции Фуцзянь в условиях современной внутренней и транснациональной миграции, необходимо теоретически различить структурно-функциональные векторы повседневности и праздничности социальных воздействий клановых деревень. Во-первых, повседневные практики, в том числе коллективное чаепитие, рассматриваются как досуг, как площадка для обсуждения семейных и клановых вопросов. Таким образом, клановые связи сохраняют утилитарное значение. Тайваньский антрополог С.-С. Линь замечает, что и современное рыночное предпринимательство опирается на клановые структуры [12, р. 153]. Во-вторых, семейно-клановые праздники играют важную роль в социальной структуре деревень. Праздники представляют временное разделение труда внутри определенной ветви большого клана и возможность отличить местных хакка от приезжих, не отмечающих очищение могил и поклонение предкам в данный период. Хронологическое и структурное проведение праздника очищения могил предков у минсиевских хакка отличается от традиций, как остальных хакка, так и большинства хань. Данный праздник демонстрирует коллективную идентичность родовых и семейно-клановых структур. В храме местного божества организуется приготовление рисовых пирожков, в котором участвует вся деревня (фото 7). Рисовые пирожки забирают домой и делят с членами семьи.

Фото 7. Приготовление рисовых пирожков в храме местного божества, Минси, август 2019 г.
Cooking rice pies at the temple of a local deity, Minxi, August 2019

В XXI в. в деревнях уезда Минси началось изменение традиционного распределения труда, так как трудоспособные сельчане, в том числе женщины, находясь в крупнейших городах прибрежного Китая и в Европе, не могут участвовать в проведении праздников. Большие трапезы, которые в недавнем прошлом организовывались на китайский Новый год, Очищение могил, Праздник середины осени и Праздник призраков (中元节 *Zhongyuan jie*), изменяются в масштабах и в видах блюд. Блюда для праздников, ранее приготавливавшиеся совместно членами семьи, сейчас сельчане заказывают в ресторанах или нанимают для этих целей соседей, не являющихся родственниками. Ранее такое было невозможно представить. Автор неоднократно наблюдал, как такой подход к организации обеда становился причиной спора из-за того, что заказанная еда казалась менее вкусной. Также увеличиваются денежные расходы на организацию праздника. Покупка продуктов на рынке — более дешевый выбор, обращение к услугам ресторанов становится приемлемой альтернативой для сельчан, которые работали за рубежом и стали экономически благополучными (фото 8).

Фото 8. Обед семьи благополучного мигранта: часть блюд заказаны из ресторана, Минси, январь 2020 г.

Lunch for the family of a prosperous migrant: some of the dishes were ordered from a restaurant, Minxi, January 2020

Изучая хакка Гуандуна, антрополог Эллен Оксфелд отметила роль коллективного приготовления еды в качестве маркера идентичности, поскольку труд, вложенный в приготовление традиционных блюд, укрепляет семейные отношения и обязательства [17, р. 92]. Нехватка семейных рук из-за отъезда родственников, в том числе молодежи, на заработки является в Минси большой проблемой при организации больших коллективных трапез. Решение этой проблемы требует

переосмысления отношения к коллективным действиям. Появляются новые возможности обмена услугами между односельчанами из разных семей и даже с приезжими сельхозработниками из других уездов. Образуются новые связи вне клановых структур, появляются новые обязательства.

Вместо заключения

Жители обсуждаемых деревень, практикуя транснациональный образ жизни, перемещаются между родными деревнями и местом работы. Майрон Коэн утверждает, что современная антропология, смещая акцент с изолированности на взаимосвязанность и глобализацию, лучше заполняет пробелы в понимании поклонения предкам в Китае [13, р. 34]. Социальные практики хакка подтверждают структурные изменения, происходящие в локальных явлениях поклонения предкам. Мигранты, выходцы из рассматриваемых деревень, активно участвуют в социальной жизни кланов, в том числе в традиционных ритуалах. Большинство трудовых мигрантов каждый год остаются дома не более двух месяцев с разрешения работодателей. Мигранты сталкиваются с ожиданиями родственников, требующими показать материальные успехи, а также участвовать в семейно-клановой жизни, в частности в совместных застольях.

Для мигрантов, долгое время находящихся за рубежом и не участвующих в семейно-клановых ритуалах и жизни деревни, отдых на родине, представляющий собой временное возвращение в коллективное пространство, становится непривычным социальным состоянием. Несмотря на это, институт генеалогических связей сохраняет когезию транснациональных семей, а праздники позволяют практически почувствовать локальную идентичность хакка в глобализирующемся мире.

Список источников

1. Jemec S. Sweet Return and Bitter Memories: Rethinking Coffee Culture and Overseas Return Migration from Europe to Rural Fujian, China // *Journal of Chinese Overseas*. 2023. N 19 (1). P. 57—88.
2. Freedman M. A Chinese Phase in Social Anthropology // *British Journal of Sociology*. 1963. N 14. P. 1—19.
3. Скорлыгина Н. В. Китайцы-хакка в Южном Китае и Юго-Восточной Азии (XVIII—XIX века) : дис. канд. ист. наук : специальность 07.00.03 «Всеобщая история (соответствующего периода)» М., 2005. 226 с.
4. Constable N. Introduction: 'What Does It Mean to Be Hakka?' // *Guest People: Hakka Identity in China and Abroad* / ed. Constable N. Washington : University of Washington Press, 1996.
5. Freedman M. Lineage Organisation in South-Eastern China. London : The Athlone Press (University of London), 1958. 208 p.
6. Yong K. H. The Hakkas of Sarawak: Sacrificial Gifts in Cold War Era Malaysia. Toronto : University of Toronto Press, 2013. 240 p.
7. Leo J. Global Hakka: Hakka Identity in the Remaking. Leiden : Brill, 2015. P. 205.
8. Скорлыгина Н. В. Дом-деревня и его обитатели // *Восточная коллекция*. 2002. № 2 (9). С. 18—28.
9. Ardizzoni S. Hakka Women in Tulou Villages: Social and Cultural Constructs of Hakka Identity in Modern and Contemporary Fujian, China. Amsterdam : Brill, 2022. 284 p.

10. Chien H. Ernst Johannes Eitel's Missionary Ethnography: A German Origin of Hakka Studies [歐德理與他的傳教士民族誌：客家研究的德意志起源] // *Global Hakka Studies*. 2016. N 7. P. 1—40.
11. Klein T. Linking Up with Local Society: German-speaking Missionaries and Modernization in Local South China, ca. 1900—1930 // *Berliner China-Hefte*. 2009. N 35. P. 48—63.
12. Lin H. The Castrated Cock Contest in the Hakka Village of Sinchu County: The Cultural Construction and Ontology in the Local Community [新竹客家村落的閹雞賽：地方社群的文化建構與本體論] // *Taiwan Journal of Anthropology*. 2008. N 6 (2). P. 133—183.
13. Cohen M. L. High Ancestors among the Hakka Chinese: Past and Present, Rural, Urban, and Global // *Global Hakka Studies*. 2017. N 8. P. 1—40.
14. Erbaugh M. S. The Secret History of the Hakkas: The Chinese Revolution as a Hakka Enterprise // *China Off Center: Mapping the Margins of the Middle Kingdom* / eds. S. D. Blum, L. M. Jensen. Honolulu : University of Hawai'i Press, 2002. P. 185—219.
15. Ku H. B. Moral Politics in a South Chinese Village: Responsibility, Reciprocity, and Resistance. Oxford : Rowman & Littlefield, 2003. 312 p.
16. Moody-Adams M. M. Fieldwork in Familiar Places: Morality, Culture, and Philosophy. Cambridge : Harvard University Press, 2002. 254 p.
17. Oxfeld E. Bitter and Sweet: Food, Meaning, and Modernity in Rural China. Oakland : University of California Press, 2017. 260 p.

References

1. Jemec S. Sweet Return and Bitter Memories: Rethinking Coffee Culture and Overseas Return Migration from Europe to Rural Fujian, China, *Journal of Chinese Overseas*, 2023, no. 19 (1), pp. 57-88.
2. Freedman M. A Chinese Phase in Social Anthropology, *British Journal of Sociology*, 1963, no. 14, pp. 1-19.
3. Skorlygina N.V. Kitaytsy-khakka v Yuzhnom Kitae i Yugo-Vostochnoy Azii (XVIII-XIX veka) [The Chinese-Hakka in Southern China and South-East Asia (the 18th – 19th centuries): Specialty 07.00.03 “World History (of a Corresponding Period)], Cand. hist. sci. diss: spetsial'nost' 07.00.03 “Vseobshchaya istoriya (sootvetstvuyushchego perioda)”. Moscow, 2005, 226 p.
4. Constable N. Introduction: ‘What Does It Mean to Be Hakka?’, *Guest People: Hakka Identity in China and Abroad*. Washington, University of Washington Press, 1996.
5. Freedman M. Lineage Organisation in South-Eastern China. London, The Athlone Press (University of London), 1958, 208 p.
6. Yong K.H. The Hakkas of Sarawak: Sacrificial Gifts in Cold War Era Malaysia. Toronto, University of Toronto Press, 2013, 240 p.
7. Leo J. Global Hakka: Hakka Identity in the Remaking. Leiden, Brill, 2015, p. 205.
8. Skorlygina N.V. Dom-derevnya i ego obitateli [House-village and its inhabitants], *Vostochnaya kollektsiya [Eastern Collection]*, 2002, no. 2 (9), pp. 18-28.
9. Ardizzoni S. Hakka Women in Tulou Villages: Social and Cultural Constructs of Hakka Identity in Modern and Contemporary Fujian, China. Amsterdam, Brill, 2022, 284 p.
10. Chien H. Ernst Johannes Eitel's Missionary Ethnography: A German Origin of Hakka Studies, *Global Hakka Studies*, 2016, no. 7, pp. 1-40.
11. Klein T. Linking Up with Local Society: German-speaking Missionaries and Modernization in Local South China, ca. 1900-1930, *Berliner China-Hefte*, 2009, no. 35, pp. 48-63.
12. Lin H. The Castrated Cock Contest in the Hakka Village of Sinchu County: The Cultural Construction and Ontology in the Local Community, *Taiwan Journal of Anthropology*, 2008, no. 6 (2), pp. 133-183.
13. Cohen M.L. High Ancestors among the Hakka Chinese: Past and Present, Rural, Urban, and Global, *Global Hakka Studies*, 2017, no. 8, pp. 1-40.
14. Erbaugh M.S. The Secret History of the Hakkas: The Chinese Revolution as a Hakka Enterprise, *China Off Center: Mapping the Margins of the Middle Kingdom*. Honolulu, University of Hawai'i Press, 2002, pp. 185-219.

15. Ku H.B. Moral Politics in a South Chinese Village: Responsibility, Reciprocity, and Resistance. Oxford, Rowman & Littlefield, 2003, 312 p.
16. Moody-Adams M.M. Fieldwork in Familiar Places: Morality, Culture, and Philosophy. Cambridge, Harvard University Press, 2002, 254 p.
17. Oxfeld E. Bitter and Sweet: Food, Meaning, and Modernity in Rural China. Oakland, University of California Press, 2017, 260 p.

Информация об авторе

Емец Себастьян — аспирант, Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация. E-mail: sebastjan.jemec@outlook.com

Information about the author

Sebastjan Jemec — Postgraduate Student, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: sebastjan.jemec@outlook.com

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 04.07.2025.

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 04.07.2025.

Этнокультурное наследие

Научная статья
УДК 94(510)-054.7(=161.1):327.8
DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-127-139
EDN QBMNLP

Сохранения культурно-исторического наследия в современном международном контексте (на примере наследия русской эмиграции в Харбине)

Оксана Александровна Береговая¹, Фанлун Сюй²

¹ Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация, beregovaya-oa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8357-0583>

² Цзинань, Китайская Народная Республика, 2562234320@qq.com, <https://orcid.org/0009-0001-7911-2667>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению проблем сохранения культурно-исторического наследия русских эмигрантов. Авторы обратились к широкому кругу исследований для анализа понятия «культурно-историческое наследие» в международном и национальном контексте. Показано явление сохранения культурно-исторического наследия в русле российской и китайской гуманитарной политики. Выявлены проблемы и перспективы сохранения культурно-исторического наследия русской эмиграции в Харбине на современном этапе. Обосновано, что наследие является ярким воплощением мультикультурной интеграции. Взаимное влияние двух культур: культуры русских эмигрантов и местной культуры Харбина — сформировало уникальный региональный культурный ландшафт. Изучение процессов взаимодействия между различными культурами помогает лучше понять культурное разнообразие и внутренний механизм культурной интеграции, а также способствует формированию уважения к другим культурам. Предложен подход к изучению «дипломатии наследия». Материалы статьи могут быть использованы государственными органами для разработки стратегий развития культуры, международного сотрудничества, сохранения исторической памяти и культурно-исторического наследия.

Ключевые слова: культурно-историческое наследие, гуманитарное сотрудничество, Харбин, гуманитарная политика, дипломатия наследия, русская эмиграция

Для цитирования: Береговая О. А., Сюй Ф. Сохранение культурно-исторического наследия в современном международном контексте (на примере наследия русской эмиграции в Харбине) // Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 127—139. DOI 10.32324/2949-1568-2025-3-127-139. EDN QBMNLP.

Preserving Cultural and Historical Heritage in Contemporary International Context (using the example of the legacy of Russian emigration in Harbin)

Oksana A. Beregovaya¹, Fanlun Syui²

¹ Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation, beregovaya-oa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8357-0583>

² Jinan, People's Republic of China, 2562234320@qq.com, <https://orcid.org/0009-0001-7911-2667>

Abstract. The article is devoted to understanding the problems of preserving the cultural and historical heritage of Russian emigrants. The authors turned to a wide range of studies to analyze the concept of “cultural and historical heritage” in an international and national context. The phenomenon of preserving cultural and historical heritage in line with Russian and Chinese humanitarian policy is shown. The problems and prospects of preserving the cultural and historical heritage of Russian emigration in Harbin at the present stage are revealed. It is proved that heritage is a vivid embodiment of multicultural integration. The mutual influence of two cultures: the culture of Russian emigrants and the local culture of Harbin - formed a unique regional cultural landscape. Studying the processes of interchange between different cultures helps to better understand cultural diversity and the internal mechanism of cultural integration, and to contribute to respect for other cultures. An approach to the study of “heritage diplomacy” is proposed. The materials of the article can be used by government agencies to develop strategies for the development of culture, international cooperation, preservation of historical memory and cultural and historical heritage.

Keywords: cultural and historical heritage, humanitarian cooperation, Harbin, humanitarian policy, heritage diplomacy, Russian emigration

For citation: Beregovaya O. A., Syui F. Preserving Cultural and Historical Heritage in Contemporary International Context (using the example of the legacy of Russian emigration in Harbin). *Siberia Humanitarian*. 2025;(3):127—139. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-3-127-139>. <https://elibrary.ru/qbmnlp>.

Введение

Российско-китайские отношения, испытывающие подъем, обеими странами трактуются как всеобъемлющее стратегическое партнерство, закрепленное более чем в трехстах соглашениях в разных сферах сотрудничества, в том числе и в культуре [1]. Культурные связи Российской Федерации и Китайской Народной Республики обусловлены исторически. В последние годы вопросы культуры и исторического наследия русской эмиграции в Харбине привлекают внимание исследователей России и Китая. Культурно-историческое наследие несет в себе мудрость и опыт предков, формирует коллективную память и помогает узнать и понять прошлое. Сохранение наследия является ярким воплощением мультикультурной интеграции. Культурный обмен и взаимное культурное обогащение русских эми-

грантов и харбинцев сформировали уникальный региональный культурный ландшафт. Изучение этого явления помогает лучше понять культурное разнообразие и внутренний механизм культурной интеграции, а также способствует взаимному уважению между народами.

В России и Китае история русской эмиграции рассматривается учеными во многих аспектах: строительство КВЖД, причины эмиграции, ее потоки, условия жизни эмигрантов. Подробно рассмотрен исторический процесс въезда русских переселенцев в Харбин, проанализированы разные исторические периоды [2—9], проведены специальные исследования наследования и эволюции русского архитектурного стиля и русской городской культуры в Харбине [10—13]. Выявлены уникальные пути развития этих культурных элементов в Харбине с помощью полевых исследований, анализа литературы и других методов. Исследования в области искусства посвящены распространению и развитию музыки, живописи, театрального и других видов искусства, привезенных в Харбин русскими переселенцами [5 ; 14]. Однако специальных исследований, посвященных культурно-историческому наследию, оставленному русскими эмигрантами в Харбине, и осмыслению его в современном международном контексте, сравнительно немного. Как отмечают Ван Кэвэнь и М. Б. Лига, «в условиях глобализирующегося мира, активного взаимовлияния различных типов культур и цивилизаций — Запада и Востока, в том числе России и Китая, становится значимым исследование исторических и культурных особенностей национального анклава, сложившегося на территории чужой страны, не утратившего своей самобытности как примера, образца всестороннего взаимодействия двух культур, сохранивших свой национальный характер, уникальность» [14, с. 112]. Также назрела необходимость пересмотра значения культурно-исторического наследия русской эмиграции за рубежом в свете концепции «мягкой силы» Джозефа Ная (использование культуры как инструмента влияния через привлечение, культурную привлекательность и формирование позитивного имиджа государства) [15]; концепции диалога культур М. М. Бахтина, В. С. Библера (изучение культурно-исторического наследия и его сохранение в условиях другой культуры) [16 ; 17]; концепции «дипломатии наследия» Т. Винтера [15 ; 18].

Цель статьи — проанализировать проблемы и перспективы изучения и сохранения культурно-исторического наследия русской эмиграции в Харбине для развития современных российско-китайских отношений. В задачи входит: раскрытие термина «культурно-историческое наследие» на основе междисциплинарного подхода; определение и выявление перспективных форм гуманитарного сотрудничества России и Китая как инструментов «дипломатии наследия».

Понятие «культурно-историческое наследие» в международном контексте

С середины XX в. в международное право вошел термин «культурные ценности». Позднее сформировалась концепция культурно-исторического наследия. В мировом масштабе данной проблемой занимается Организация Объединенных Наций по вопросам образо-

вания, науки и культуры (ЮНЕСКО) [19 ; 20]. В 1972 г. в Париже Генеральной конференцией ЮНЕСКО была принята Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Конвенция 1972 г.) [21], провозгласившая системный характер сохранения культурных, природных и исторических ценностей мировым сообществом. Благодаря принятому документу стало возможным объединение стран в деле сохранения объектов культуры вне связи с окружающей средой (природой). В Конвенции 1972 г. под наследием понимается «система материальных и интеллектуально-духовных ценностей, созданных и сбереженных предыдущими поколениями и представляющими исключительную важность для сохранения культурного и природного генофонда Земли и ее дальнейшего развития» [21]. Кроме того, был учрежден Межправительственный комитет по охране культурного и природного наследия, или Комитет всемирного наследия, и начал формироваться список объектов всемирного культурного наследия. В соответствии с Конвенцией 1972 г. выделяют три группы объектов наследия: памятники, ансамбли и достопримечательные места. Причем следует отметить, что к памятникам культуры относятся «произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещерные жилища и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки», а к памятникам природы — «объекты, состоящие из физических и биологических образований, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения эстетики или науки» [21].

Следующим международным актом стала Рекомендация о сохранении фольклора, принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 1989 г. [22] В 2003 г. ЮНЕСКО приняла еще один документ — Конвенцию об охране нематериального культурного наследия (Конвенция 2003 г.) [23], в которой дано четкое его понятие. В нематериальное культурное наследие были включены: устные традиции и формы выражения, включая язык; исполнительские искусства; обычаи, обряды, празднества; знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами. Во многих странах приняты законы и нормативные акты, определяющие сферу охраны, стандарты и процедуры реставрации объектов культурного наследия. ЮНЕСКО активно содействует охране культурного наследия во всем мире, объединяя глобальные усилия путем разработки международных конвенций, предоставления технической поддержки и организации проектов международного сотрудничества.

Понятие «культурное наследие» есть в российском законодательстве: «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию» [1].

Некоторые исследователи (И. А. Петрова, Г. П. Кибасова, А. А. Назаров) намного шире трактуют понятие культурного наследия, включая в него и природные объекты и исторические памят-

ники [24]. Российский НИИ культурного и природного наследия приводит классификацию культурно-исторического наследия [25].

В 2002 г. был принят Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», который является базовым нормативным правовым документом в области сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия Российской Федерации. В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229, также говорится о сохранении русской культуры в мире, ее продвижении за рубежом, содействии конструктивному международному сотрудничеству по сохранению исторического и культурного наследия. В утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611 Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом особо подчеркивается необходимость развития международного сотрудничества в области сохранения, реставрации и охраны культурных ценностей и их активного использования. Впервые в российских государственных документах такого уровня было использовано новое понятие «дипломатия наследия» (п. 67 раздела III Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом), хотя расширенного определения данному понятию в документе не дается. В качестве цели «дипломатии наследия» называется укрепление положительного образа России в мире. В документе указывается на необходимость применения различных инструментов «дипломатии наследия», призванных способствовать «охране и популяризации российского исторического и культурного наследия за рубежом».

В Китайской Народной Республике основным закон «Об охране объектов историко-культурного наследия КНР» был принят в 1982 г., но уже четырежды пересматривался и дорабатывался (1991, 2002, 2007, 2015) [2]. В его развитие принята серия национальных регламентов: «Метод управления: “фиолетовая линия” города» (2003), определяющий принципы выделения границ охраняемой территории историко-архитектурного ансамбля и ответственность за уничтожение объектов; «Нормы сохранения китайского историко-культурного наследия» (2008), призванные содействовать охране памятников на уровне муниципалитетов и поселений; «Правила сохранения известных историко-культурных городов, поселков и деревень» (2008), нацеленные на защиту объектов историко-архитектурного строительства [2].

Ежегодно с 2005 г. в соответствии с решением Госсовета КНР «Об усилении работы по сохранению историко-культурного наследия» вторая суббота июня в стране отмечается как День историко-культурного наследия. В Китайской Народной Республике действует Закон об охране культурных ценностей [26]. В отредактированной версии закона впервые законодательно закреплены положения о цифровой защите культурного наследия.

Культурно-историческое наследие — это совокупность элементов (включая материальные и нематериальные объекты), которые передаются из поколения в поколение в процессе развития человеческого общества. Они отражают уникальную культуру, историю и са-

мобытность народа и охватывают широкий спектр областей. Культурно-историческое наследие делится на две основные категории: материальное осязаемое наследие и нематериальное неосязаемое наследие.

Осязаемое наследие существует в физической форме, его можно непосредственно увидеть и потрогать. К материальному наследию относятся архитектурные памятники, археологические находки, исторические здания и музейные предметы. Нематериальное наследие включает устные традиции, ритуалы, фольклор, музыку, искусство и даже язык. Материальные ценности — настоящие свидетели истории и важный источник информации для изучения прошлого. Благодаря своей физической форме они могут служить интуитивно понятным материалом для научных исследований и образования [27]. Нематериальное культурное наследие не имеет конкретной материальной формы, но глубоко интегрировано в жизнь людей в обществе. Традиционные обычаи воплощают мудрость и ценности наших предков, связывают людей и регулируют их поведение; устная история опирается на воспоминания и рассказы людей; фольклор содержит воображение народа и стремление к лучшей жизни; в музыке и искусстве в уникальной форме выражены эмоции и эстетика. Нематериальное культурное наследие отражает способы выражения и передачи своей самобытности, связь с прошлым и процесс передачи знаний будущим поколениям.

Защита культурного и исторического наследия требует участия всего общества. Общество в целом должно полностью признать ценность истории и традиций и рассматривать культурное наследие как духовную опору нации. Необходимо активно изучать культурные корни, чтобы повысить интерес к ним и глубже проникнуть в мудрость истории. Особое внимание следует уделять привлечению молодежи к участию в программах по сохранению наследия, а также организации культурных мероприятий, проведению соответствующих образовательных курсов и т. д., чтобы подрастающее поколение знакомилось с культурным наследием, чувствовало необходимость в его защите.

В целом культурное и историческое наследие является неотъемлемой частью человеческой цивилизации, в нем зафиксирована история народов. Это важный ресурс для будущего развития. Глубокое понимание культурного наследия и уважение к культурному разнообразию помогают построить гармоничное и взаимопонимающее общество. Обеспечение сохранности культурного и исторического наследия и возможность передать его будущим поколениям требует согласованных усилий всего общества, активного участия ответственности и эффективного государственного контроля [28].

Если в данной работе понятие «культурно-историческое наследие» исследуется с позиции его сохранения в условиях другой страны и в международном контексте, то в науке Т. Винтер предлагает использовать термин «дипломатия наследия», чтобы подчеркнуть связи между наследием, формированием идентичности и международным позиционированием страны [15 ; 18]. В этом смысле формирование позитивного образа наследия может быть использовано как инструмент поддержки международного сообщества и проявления

симпатии с его стороны. Под «дипломатией наследия» понимают «набор процессов, в результате которых культурное и природное прошлое, разделяемое между странами и между государствами, становится предметом обмена, сотрудничества и форм совместного управления» [18, р. 130]. Такой способ подачи информации о стране помогает укрепить ее позитивный образ на международной арене и во внешнеполитической деятельности.

Проблемы и перспективы сохранения культурно-исторического наследия русской эмиграции в Харбине

Русское зарубежье — это явление, которое возникло после революции 1917 г. В первую волну эмиграции из России уехало более двух миллионов человек, которые поселились в 23 странах. В кругу этих людей, среди которых была творческая интеллигенция (писатели, художники, музыканты, композиторы, певцы, артисты, поэты) сконцентрировалась русская культура за рубежом. В странах, принявших бывших россиян, создавался русский мир благодаря сохранению русского языка и культурного наследия [29].

Необходимо отметить, что феномен русского зарубежья возник в лоне иной культуры, поэтому перед людьми, оказавшимися за границей, стояла задача сохранения своей национальной самобытности и идентичности [5]. Существование в другой культуре не должно было привести к ассимиляции и отказу от родной культуры. В то же время долгое проживание в иных культурных условиях вынуждало интегрироваться и приспосабливаться к ним [5, с. 32].

Центры русского расселения формировались не только на Западе, но и в Китае, где появление русских связано с началом строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Она была построена в 1903 г. Центром КВЖД был город Харбин [12]. В то время в нем проживало более 30 000 русских. Помимо инженеров и техников, в эту группу также входили предприниматели, бизнесмены, деятели литературы и искусства, педагоги и священнослужители [4]. Приток большого количества русских оказал многостороннее влияние на общество и культуру Харбина: они открывали школы, больницы, клубы и другие общественные учреждения. «Русская эмиграция, живя в прошлом как в актуальном настоящем, выполнила свою культурную миссию, а именно: сохранила черты русской дореволюционной культуры в сложный период истории в языке, в образовании, в духовных традициях, в предпринимательской деятельности, в культурной среде и внешнем облике города Харбина» [11, с. 40].

Харбин расположен на территории Северо-Восточного Китая, а географическое положение на границе с Россией делает его естественными воротами для широкого обмена между Китаем и Россией [9]. В Харбине постоянно сосуществовали две культуры — русская и китайская. Проблемой существования одной культуры в другой является ее восприятие. Для осмысления культуры русской эмиграции в Харбине следует методологически опираться на концепцию диалога культур [16 ; 17 ; 28, с. 173].

В настоящее время возрастной состав русских эмигрантов в Харбине разнообразен. Большую долю составляют представители среднего и молодого возраста, которые в основном приезжают сюда из-

за возможностей трудоустройства, получения образования или интереса к китайской культуре. Некоторые россияне, обладающие профессиональными знаниями и навыками, работают на высокотехнологичных предприятиях, в образовательных учреждениях, в сфере культуры и других областях, стремясь получить более широкое пространство для развития. Молодежь также приезжает в Харбин для продолжения учебы в университетах и колледжах, специализируясь в самых разных областях [12, с. 79]. Кроме того, есть небольшое количество русских пенсионеров, которые выбирают Харбин из исторических чувств или из-за условий жизни.

Культурные обмены между Харбином и Россией становятся все более частыми: Харбинская международная торгово-экономическая ярмарка, Харбинский международный фестиваль льда и снега, а также другие масштабные мероприятия, проводимые каждый год, привлекают множество российских культурных коллективов и учреждений. Русские эмигранты активно помогают в организации в этих мероприятий, способствуя китайско-российским обменам и сотрудничеству в области культуры, экономики и торговли [8].

Культурное и историческое наследие русских эмигрантов является важной частью Харбина. Это наследие дает Харбину богатые ресурсы для создания культурного бренда города и развития индустрии туризма. Например, многие здания в русском стиле стали достопримечательностями Харбина, ежегодно привлекая большое количество отечественных и иностранных туристов и способствуя развитию экономики города. Изучение и защита этого наследия может позволить Харбину сохранить свою уникальность и историческую память в процессе модернизации. В Харбине проводится множество конкурсов русского языка и других мероприятий, таких как Харбинская неделя китайско-российского художественного обмена, Харбинский музыкальный конкурс, конкурс «Русская весна в Харбине» и т. д.

Можно обозначить перспективы культурного сотрудничества России и Китая по сохранению культурно-исторического наследия.

Во-первых, Харбин — это прекрасная возможность познакомиться с культурно-историческим наследием русской эмиграции не только населению КНР, но и России.

Во-вторых, тренд, связанный с изменением политики Китая в области сохранения «архитектурного и инженерно-строительного наследия КВЖД» [2 ; 6]. Есть показательный пример длительного сотрудничества российских исследователей с китайскими специалистами, нацеленного не только на изучение русского архитектурно-градостроительного наследия и его истории, но и практическую деятельность по исторической реконструкции «объектов в русском стиле» в Харбине, Даляне, Циндао [2].

В-третьих, содействие в углублении сотрудничества между двумя странами по сохранению культурно-исторического наследия в качестве дипломатии наследия является инструментом «мягкой силы».

Информирование о наследии может быть использовано как инструмент завоевания симпатии и поддержки международной аудитории. Так, Т. Винтер предлагает использовать такой способ подачи информации, как «стратегический нарратив», укрепляющий внешне-неполитический образ государства [15 ; 18]. Как отмечает А. Н. Щи-

тов, «культурная политика становится важным элементом реализации внешней политики и позволяет решать задачи сохранения национальной идентичности и культурного многообразия, противостояния межнациональным и межэтническим конфликтам, а также несправедливому давлению со стороны отдельных государств или их объединений» [30, с. 104—105]. Важно, что в современных международных отношениях ввиду агрессивной политики Запада, направленной на реализацию практик культурной «отмены» России, а также обесценивание ее вклада в общемировую историю, возникла необходимость в появлении инструмента противодействия [31].

Заключение

Подводя итог, необходимо сделать следующие выводы.

Во-первых, сохранение культурно-исторического наследия в любом виде важно для всего человечества, для будущих поколений, так как становится ключом к сохранению общей памяти человечества и многообразия цивилизаций.

Во-вторых, поскольку культурное наследие является носителем культурного кода, оно развивает национальный дух, а также укрепляет национальную гордость и идентичность.

В-третьих, культурное наследие имеет историческую, культурную, эмоциональную, экономическую и образовательную ценность.

В настоящее время сохранение культурно-исторического наследия русской эмиграции в Харбине — это часть гуманитарного сотрудничества и культурной дипломатии между странами. Особое внимание следует уделять привлечению молодежи к участию в программах по сохранению наследия, а также организации культурных мероприятий, проведению соответствующих образовательных курсов. Глубокое понимание культурного наследия и уважение культурного разнообразия могут помочь построить гармоничное общество.

Список источников

1. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : утв. Верховным советом Российской Федерации 9 окт. 1992 г. № 3612-1 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 10.05.2025).
2. Аблажей Н. Н., Ли Дань. Государственная политика КНР в области сохранения историко-архитектурного наследия КВЖД // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 84—90.
3. Ван Ган, Ли Жань. Исследование путей международного развития городов в северо-востоке Китая — на примере сотрудничества Харбина с Россией // Внешняя экономика и торговля. 2023. № 5. С. 34—37.
4. Го Ю. Китайско-Восточная железная дорога и распространение русской культуры // Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitaysko-vostochnaya-zheleznaya-doroga-i-rasprostranenie-russkoy-kultury-v-kitae> (дата обращения: 15.07.2025).
5. Медведева Т. А., Бушуева С. В. Российское зарубежье XX века: особенности формирования, адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 32—41.
6. Самойлов Н. А. Историческое наследие КВЖД и формирование образа России на северо-востоке Китая // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 88—94.

7. Китайско-Восточная железная дорога — историческое наследие двух народов: перспективы изучения / Н. А. Самойлов, Е. О. Старовойтова, М. В. Ходяков, Д. Г. Янченко // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 205—210.
8. Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин [李世良, 石方, 高凌]. Краткая история Харбина [哈尔滨史略]. Харбин : Народное издательство Хэйлунцзяна [哈尔滨: 黑龙江人民出版社], 2011. 423 с.
9. Ли Шусяо [李述笑]. История русских эмигрантов в Харбине [哈尔滨俄侨史]. Харбинское издательство [哈尔滨出版社], 1998. С. 76—89.
10. Ду Цзяци. Культурная деятельность русской эмиграции в Харбине (1900—1930-е годы) // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 208—219. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-18.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).
11. Кизюн Е. В., Кемерова Т. А. Культурная миссия русских эмигрантов в Харбине // Человек в мире культуры. 2017. № 4. С. 40—43.
12. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917—1924 гг.). М. : ИРИ РАН, 1997. 245 с.
13. Печерица В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та. 1998. 274 с.
14. Кэвэнь Ван, Лига М. Б. Русская культура Харбина в российских и китайских исследованиях: компаративистский анализ // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 04 (95). С. 111—117.
15. Winter T. Heritage diplomacy // International journal of cultural policy. 2023. № 1. Р. 130—134.
16. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с.
17. Библер В. С. Культура. Диалог культур. Опыт определения // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31—42.
18. Winter T. Heritage diplomacy // International Journal of Heritage Studies. 2015. № 21 (10). Р. 997—1015.
19. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии : принята 2 нояб. 2001 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/russian/events/literacy/decl_diversity.pdf (дата обращения: 20.05.2025).
20. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения : принята 20 окт. 2005 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // Conventions. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php (дата обращения: 20.05.2025).
21. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия : принята 16 нояб. 1972 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 20.05.2025).
22. Рекомендация о сохранении фольклора от 15 нояб. 1989 г. // Кодекс : электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902084650> (дата обращения: 15.06.2025).
23. Конвенция об охране нематериального культурного наследия : принята 17 окт. 2003 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 15.05.2025).
24. Петрова И. А., Кибасова Г. П., Назаров А. А. Культурно-историческое наследие: современные трактовки понятия // Грани познания. 2010. № 4 (9). С. 1—5. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17910236_44840066.pdf (дата обращения: 15.05.2025).
25. Культурное и природное наследие России: концепция и программа комплексного атласа / Ю. А. Веденин, А. А. Лютый, А. И. Ельчанинов [и др.]. М. : Российский НИИ культурного и природного наследия, 1995. 118 с.
26. Закон об охране культурных ценностей : принят Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) и вступил в силу 1 марта

- 2025 года // China.org.cn : [сайт]. URL: http://russian.china.org.cn/Sci-Edu-Cult/txt/2007-07/06/content_8489913.htm (дата обращения: 10.05.2025).
27. Астахов Е. М. Мировая практика культурной дипломатии // Диалог культур и партнерство цивилизаций : VIII Международные Лихачевские научные чтения (Санкт-Петербург, 22—23 мая 2008 г.). СПб. : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2008. С. 244—246. URL: <https://mgimo.ru/files/34255/34255.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
28. Толстых В. И. Будущее цивилизации в контексте диалога культур // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; [отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов]. М. : Наука, 2005. С. 151—169.
29. Вожева Л. Б. Культура русского зарубежья // Уральский федеральный университет : [сайт]. URL: https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/50239/1/kXXXIv_2011_008.pdf (дата обращения: 20.05.2025).
30. Щитов А. Н. Культурная и научная дипломатия // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2020. № 1 (11). С. 104—105.
31. Чебыкин Д. Д. «Дипломатия наследия» как инструмент «мягкой силы» в кросс-культурных взаимодействиях // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 1 (33). С. 151—161.

References

1. Osnovy zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii o kul'ture [The Foundations of the Legislation of the Russian Federation on Culture], utv. Verkhovnym sovetom Rossiyskoy Federatsii 9 October 1992 N 3612-1, *Konsul'tantPlyus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (accessed: 10.05.2025).
2. Ablazhey N.N., Li Dan'. Gosudarstvennaya politika KNR v oblasti sokhraneniya istoriko-arkhitekturnogo naslediya KVZhD [State Policy of PRC in the Sphere of Preservation of Historical and Architectural Heritage of KVZhD], *Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of Far East]*, 2019, no. 1, pp. 84-90.
3. Van Gan, Li Zhan'. Issledovanie putey mezhdunarodnogo razvitiya gorodov v severo-vostoke Kitaya - na primere sotrudnichestva Kharbina s Rossiei [Research of the Ways of International Development of Cities in the North-East of China – on the Example of Cooperation of Harbin with Russia], *Vneshnyaya ekonomika i trgovlya [Foreign Economics and Trade]*, 2023, no. 5, pp. 34-37.
4. Go Yu. Kitaysko-Vostochnaya zheleznaya doroga i rasprostranenie russkoy kul'tury [Chinese Eastern Railway and Expansion of Russian Culture], *Cyberleninka*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitaysko-vostochnaya-zheleznaya-doroga-i-rasprostranenie-russkoy-kul'tury-v-kitae> (accessed: 15.07.2025).
5. Medvedeva T.A., Bushueva S.V. Rossiyskoe zarubezh'e XX veka: osobennosti formirovaniya, adaptatsii i sokhraneniya natsional'noy identichnosti rossiyskoy emigratsii [Russian Emigration community of the 20th century: Features of Formation, Adaptation and Preservation of National Identity of Russian Emigration], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]*, 2016, no. 2, pp. 32-41.
6. Samoylov N.A. Istoricheskoe nasledie KVZhD i formirovanie obraza Rossii na severo-vostoke Kitaya [Historical Heritage of KVZhD and the Formation of the Image of Russia in the North-East of China], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Transactions of Petrozavodsk State University]*, 2018, no. 2 (171), pp. 88-94.
7. Samoylov N.A., Starovoytova E.O., Khodyakov M.V., Yanchenko D.G. Kitaysko-Vostochnaya zheleznaya doroga - istoricheskoe nasledie dvukh narodov: perspektivy izucheniya [Chinese Eastern Railway – Historical Heritage of Two Peoples: Perspectives of Research], *Noveyshaya istoriya Rossii [Chinese Eastern Railway – Historical Heritage of Two Peoples: Perspectives of Research]*, 2016, no. 3 (17), pp. 205-210.
8. Shi Fan, Lyu Shuan, Gao Lin. Kratkaya istoriya Kharbina [Short History of Harbin]. Kharbin, Narodnoe izdatel'stvo Kheyluntszyana, 2011, 423 p.

9. Li Shusyao. Istoriya russkikh emigrantov v Kharbine [Short History of Harbin]. Kharbinskoe izdatel'stvo, 1998, pp. 76-89.
10. Du Tszyatsi. Kul'turnaya deyatel'nost' russkoy emigratsii v Kharbine (1900-1930-e gody) [The History of Russian Emigrants in Harbin], *Istoricheskiy kur'er [Historical Carrier]*, 2023, no. 3 (29), pp. 208-219. Available at: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-18.pdf> (accessed: 15.05.2025).
11. Kizyun E.V., Kemerova T.A. Kul'turnaya missiya russkikh emigrantov v Kharbine [The Cultural Mission of Russian Emigrants in Harbin], *Chelovek v mire kul'tury [Man in the World of Culture]*, 2017, no. 4, pp. 40-43.
12. Melikhov G.V. Rossiyskaya emigratsiya v Kitae (1917-1924) [Russian Emigration in China (1917-1924)]. Moscow, IRI RAN, 1997, 245 p.
13. Pecheritsa V.F. Dukhovnaya kul'tura russkoy emigratsii v Kitae [Spiritual Culture of Russian Emigration in China]. Vladivostok, Publ. Dal'nevostoch. un-ta, 1998, 274 p.
14. Keven' Van, Liga M. B. Russkaya kul'tura Kharbina v rossiyskikh i kitayskikh issledovaniyakh: komparativistskiy analiz [Russian Culture of Harbin in Russian and Chinese Research: Comparativist Analysis], *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Zabaikalsky State University]*, 2013, no. 04 (95), pp. 111-117.
15. Winter T. Heritage diplomacy, *International journal of cultural policy*, 2023, no. 1, pp. 130-134.
16. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Esthetics of Written Word]. Moscow, Iskustvo, 1979, 423 p.
17. Bibler V.S. Kul'tura. Dialog kul'tur. Opyt opredeleniya [Culture. Dialogue of Cultures. Experience of Definition], *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, 1989, no. 6, pp. 31-42.
18. Winter T. Heritage diplomacy, *International Journal of Heritage Studies*, 2015, no. 21 (10), pp. 997-1015.
19. Vseobshchaya deklaratsiya YuNESKO o kul'turnom raznoobrazii, prinyata 2 November 2001 General'noy konferentsiey Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy po voprosam obrazovaniya, nauki i kul'tury [UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity], *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsiy [United Nations Organization]*. Available at: http://www.un.org/russian/events/literacy/decl_diversity.pdf (accessed: 20.05.2025).
20. Konventsia ob okhrane i pooshchrenii raznoobraziya form kul'turnogo samovyrazheniya, prinyata 20 October 2005 General'noy konferentsiey Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy po voprosam obrazovaniya, nauki i kul'tury [Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions], *Conventions*. Available at: http://www.conventions.ru/view_base.php (accessed: 20.05.2025).
21. Konventsia ob okhrane vsemirnogo kul'turnogo i prirodnogo naslediya [Convention Concerning the Protection], prinyata 16 November 1972 General'noy konferentsiey Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy po voprosam obrazovaniya, nauki i kul'tury. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (accessed: 20.05.2025).
22. Rekomendatsiya o sokhranении fol'klora ot 15 November 1989 [Recommendations on preserving folklore of November 15, 1989], *Kodeks, elektronnyy fond normativno-tekhnicheskoy i normativno-pravovoy informatsii [Code: electronic fund of normative-technical and normative-legal information]*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902084650> (accessed: 15.06.2025).
23. Konventsia ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya [Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage], prinyata 17 October 2003 General'noy konferentsiey Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy po voprosam obrazovaniya, nauki i kul'tury. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (accessed: 15.05.2025).
24. Petrova I.A., Kibasova G.P., Nazarov A.A. Kul'turno-istoricheskoe nasledie: sovremennye traktovki ponyatiya ponyatiya [Cultural and Historical Heritage: Modern Rendering of the Concept], *Grani poznaniya [Lines of Cognition]*, 2010, no. 4 (9), pp. 1-5. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_17910236_44840066.pdf (accessed: 15.05.2025).

25. Vedenin Yu.A., Lyuty A.A., El'chaninov A.I. [et al.] Kul'turnoe i prirodnое nasledie Rossii: kontseptsiya i programma kompleksnogo atlasa [Cultural and Natural Heritage of Russia: Conception and Program of Complex Atlas]. Moscow, Rossiyskiy NII kul'turnogo i prirodnogo naslediya, 1995, 118 p.
26. Zakon ob okhrane kul'turnykh tsennostey [Law on Protection of Cultural Values], prinyat Postoyannym komitetom Vsekitayskogo sobraniya narodnykh predstaviteley (PK VSNP) i vstupil v silu 1 March 2025, *China.org.cn*, [site]. Available at: http://russian.china.org.cn/Sci-Edu-Cult/txt/2007-07/06/content_8489913.htm (accessed: 10.05.2025).
27. Astakhov E.M. Mirovaya praktika kul'turnoy diplomatii [World Practice of Culture Diplomacy], *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsiy [Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations]*, VIII *Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya (Sankt-Peterburg, 22-23 maya 2008)*. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskiy gumanitarnyy universitet profsoyuzov, 2008, pp. 244-246. Available at: <https://mgimo.ru/files/34255/34255.pdf> (accessed: 20.05.2025).
28. Tolstykh V.I. Budushchee tsivilizatsii v kontekste dialoga kul'tur [The Future of Civilization in the Context of Dialogue of Cultures], *Dialog kul'tur v globaliziruyushchetsya mire: mirovozzrencheskie aspekty [Dialogue of Cultures in Globalized World: Worldview Aspects]*. Moscow, Nauka, 2005, pp. 151-169.
29. Vozheva L.B. Kul'tura russkogo zarubezh'ya [Culture of Russian Emigration Community], *Ural'skiy federal'nyy universitet [Ural Federal University]*, [sayt]. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/50239/1/kXXXIv_2011_008.pdf (accessed: 20.05.2025).
30. Shchitov A.N. Kul'turnaya i nauchnaya diplomatiya [Cultural and Scientific Diplomacy], *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Mezhdunarodnoe pravo [Bulletin of Diplomatic Academy of MIA of Russia]*, 2020, no. 1 (11), pp. 104-105.
31. Chebykin D.D. "Diplomatiya naslediya" kak instrument "myagkoy sily" v kross-kul'turnykh vzaimodeystviyakh ["Diplomacy of Heritage" as an Instrument of "Soft Power" in Cross-Cultural Interaction], *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya [Bulletin of Humanitarian Education]*, 2024, no. 1 (33), pp. 151-161.

Информация об авторах

Береговая Оксана Александровна — доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: beregovaya-oa@ranepa.ru

Сюй Фанлун — независимый исследователь, Цзинань, Китайская Народная Республика. E-mail: 2562234320@qq.com

Information about the authors

Oksana A. Beregovaya — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: beregovaya-oa@ranepa.ru

Syui Fanlun — Independent Researcher, Jinan, People's Republic of China. E-mail: 2562234320@qq.com

Статья поступила в редакцию 05.06.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 04.07.2025.

The article was submitted 05.06.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 04.07.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Береговая Оксана Александровна — доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: beregovaya-oa@ranepa.ru

Емец Себастьян — аспирант, Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация. E-mail: sebastjan.jemec@outlook.com

Зайцев Никита Игоревич — заместитель командира батальона курсантов, Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: z_nikita@internet.ru

Зубов Владимир Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: zubov-ve@ranepa.ru

Иларионова Татьяна Семеновна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Курбонова Зулфия Махманабиевна — доктор политических наук, профессор, заместитель директора, Научно-исследовательский институт устойчивого развития и зеленой экономики Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан. E-mail: zulkurbonova@gmail.com

Сапронов Евгений Русланович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: sapron666123@gmail.com

Сюй Фанлун — независимый исследователь, Цзинань, Китайская Народная Республика. E-mail: 2562234320@qq.com

Ходкевич Климентий Олегович — аспирант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: khodkevich-ko@ranepa.ru

Чернов Денис Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики воспитательных систем, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: chernov.de@mail.ru

Четкасов Роман Максимович — специалист, Агентство поддержки молодежных инициатив Новосибирской области, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: rchetkasov@mail.ru

Шульга Даниил Петрович — доктор исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: shulga-dp@ranepa.ru

Эшонкулова Фируза Салимжоновна — преподаватель кафедры международных отношений и дипломатии, Российско-Таджикский (Славянский) Университет, Душанбе, Республика Таджикистан. E-mail: itmo.fimo@mail.ru

Юрченко Маргарита Алексеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики, международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: yurchenko-maa@ranepa.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Oksana A. Beregovaya — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: beregovaya-oa@ranepa.ru

Sebastjan Jemec — Postgraduate Student, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: sebastjan.jemec@outlook.com

Nikita I. Zaitsev — Deputy Commander of the Cadet Battalion, Novosibirsk Higher Military Command Order of Zhukov School, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: z_nikita@internet.ru

Vladimir E. Zubov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: zubov-ve@ranepa.ru

Tatiana S. Ilarionova — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of State and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Zulfiya M. Kurbonova — Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Director, Research Institute of Sustainable Development and Green Economy of the International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan. E-mail: zulkurbonova@gmail.com

Evgeny R. Sapronov — Master's Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: sapron666123@gmail.com

Fanlun Syui — Independent Researcher, Jinan, People's Republic of China. E-mail: 2562234320@qq.com

Klimenty O. Khodkevich — Postgraduate Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: khodkevich-ko@ranepa.ru

Denis V. Chernov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Educational Systems, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: chernov.de@mail.ru

Roman M. Chetkasov — Consultant, Youth Initiatives Support Agency of Novosibirsk Region, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: rchetkasov@mail.ru

Daniil P. Shulga — Doctor of Historical Sciences, Researcher at the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: shulga-dp@ranepa.ru

Firuz S. Eshonkulova — Lecturer at the Department of International Relations and Diplomacy, Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan. E-mail: itmo.fimo@mail.ru

Margarita A. Yurchenko — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Linguistics, International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: yurchenko-maa@ranepa.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

1. Общие положения

Редакция журнала «Сибирь гуманитарная» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим научным специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;

5.6. Исторические науки (5.6.1. «Отечественная история»; 5.6.2. «Всеобщая история»; 5.6.4. «Этнология, антропология, этнография»; 5.6.5. «Историография, источниковедение, методы исторического исследования»; 5.6.6. «История науки и техники»; 5.6.7. «История международных отношений»; 5.6.8. «Документалистика, документоведение, архивоведение»);

5.7. Философия (5.7.1. «Онтология и теория познания»; 5.7.2. «История философии»; 5.7.6. «Философия науки и техники»; 5.7.7. «Социальная и политическая философия»; 5.7.8. «Философская антропология, философия культуры»; 5.7.9. «Философия религии и религиоведение»);

5.8. Педагогика (5.8.1. «Общая педагогика, история педагогики и образования»; 5.8.2. «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»; 5.8.5. «Теория и методика спорта»; 5.8.7. «Методология и технология профессионального образования»).

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: sib.gum@siu.ranepa.ru

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен предоставить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегией при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

2. Издательское оформление статей

Статьи в журнал «Сибирь гуманитарная» оформляются по ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

2.1. Элементы издания, оформляемые автором:

— УДК;

— заглавие статьи — на русском и английском;

— подзаголовочные данные (при наличии) — на русском и английском;

— сведения об авторе (авторах) — на русском и английском;

— аннотация — на русском и английском (*Abstract*);

— ключевые слова (словосочетания) — на русском и английском (*Keywords*);

— благодарности (при желании) — на русском и английском (*Acknowledgments*);

- знак охраны авторского права;
- перечень затекстовых библиографических ссылок — на русском и английском (*References*);
- информация об авторе (авторах) (*Information about the author(authors)*).

Если статья публикуется не на русском языке, то элементы, требующие перевода, указываются сначала на языке статьи, затем — на английском языке, после чего — на русском.

2.2. Описание элементов издания

2.2.1. УДК — индекс Универсальной десятичной классификации, проставляется в соответствии с тематикой статьи.

2.2.2. Заглавие статьи — формулировка темы, точно отражающая рассматриваемую проблему.

2.2.3. Подзаголовочные данные статьи содержат сведения, поясняющие ее заглавие.

2.2.4. Сведения об авторе (авторах) содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (авторов)¹ (полностью);
- наименование организации (организаций)², ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО и др.);
- адрес организации (организаций), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (авторов);
- открытый идентификатор ученого (*Open Researcher and Contributor ID — ORCID*) (при наличии);
- автор, ответственный за переписку (*Corresponding author*) (при наличии нескольких авторов): фамилия, имя, отчество (полностью), электронный адрес.

2.2.5. Аннотацию оформляют по ГОСТ Р 7.0.99-2018 «Реферат и аннотация. Общие требования». Объем не превышает 250 слов.

2.2.6. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. После ключевых слов точку не ставят.

2.2.7. Благодарности. При желании приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.2.8. Знак охраны авторского права приводят по ГОСТ Р 7.0.1-2003 «Издания. Знак охраны авторского права. Общие требования и правила оформления» внизу первой полосы с указанием фамилии и инициалов автора (авторов) или других правообладателей и года публикации статьи.

2.2.9. Перечень затекстовых библиографических ссылок формируется из подстрочных ссылок со сквозной нумерацией по всему тексту. Ссылки оформляются по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

2.2.10. Информация об авторе (авторах). В этот блок входит дополнительная информация об авторе (авторах): ученые степени, ученые звания, указание должности (с наименованием и адресом организации), почетные звания, членство в организациях и т. п.

2.3. Основной текст статьи может иметь следующие структурные части:

- введение;
- основную часть с выделением разделов «Материалы и методы», «Результаты», «Обсуждение» и др. (допускается деление основной части на тематические рубрики и подрубрики);
- заключение.

2.4. Надписи и подписи к иллюстративному материалу (таблицы, рисунки и др.) приводят на языке текста статьи и повторяют на английском языке.

¹ Имена авторов приводят в принятой ими последовательности.

² Если автор (авторы) работает (учится) в нескольких организациях.

3. Требования к техническому оформлению

3.1. Общие технические требования:

- текстовый редактор: MS WORD версия 2003 или более современная;
- редактор таблиц: MS Word 2003 или более современная (формат Excel не допускается);
- редактор графиков и диаграмм: MS Word 2003 или более современная;
- формат файла с рукописью: **.doc; .docx**
- формат файлов с рисунками, графиками, схемами и др. иллюстрациями: ***.jpg (jpeg), *.tif (tiff); *.png**.
- тип иллюстраций: полутоновой черно-белый, штриховой черно-белый;
- кегль (размер шрифта) для заголовка и текста статьи (кроме сносок) — 14;
- гарнитура — Times New Roman (TNR).

3.2. Параметры страницы:

- поля — 2 см вокруг;
- нумерация — автоматическая с первой страницы в нижнем правом углу.

3.3. Параметры абзаца:

- выравнивание — по ширине;
- отступ слева/справа — 0;
- интервал перед/после — 0;
- межстрочный интервал — 1,0.
- отступ первой строки абзаца — 0,7;
- должен быть установлен запрет висячих строк.

4. Оформление отдельных элементов текста

4.1. Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуночные подписи. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносятся в подрисуночную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуночная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

4.2. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт.

Размеры рисунков и таблиц — не более 135 × 2100 мм. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте после ссылки на них.

4.3. Формулы. Простые внутристрочные и однострочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смешение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 12,5 мм.

4.4. Буква «ё» употребляется только в целях смысловоразличения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

4.5. Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

4.6. Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При передаче своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа

«В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

4.7. Ссылки. Даются ссылки на источники всего заимствованного материала (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.).

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конев Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.
2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.
3. Браславец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.
4. Murphy D. Ireland and the Crimean War. Dublin : Four Courts Press, 2002. 262 p.

References

1. Konev E. Prognoziruemye vektory razvitiya zarubezhnyh media [Projected vectors of development of foreign media], *Zhurnalistika-2018: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (15—16 nojab., 2018, BGU) [Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU)]*. Minsk, BGU, 2018, pp. 294—297.
2. Ogilvi D. Tajny reklamnogo dvora — sovery starogo reklamista [Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser], Moscow, Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.
3. Braslavets L.A. Social'nye seti kak sredstva massovoj informacii: k postanovke problem [Social networks as mass media: towards the formulation of the problem], *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism]*, 2009, no. 1, pp. 125—132.
4. Murphy D. Ireland and the Crimean War. Dublin, Four Courts Press, 2002, 262 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54.
Siberia Humanitarian. 2023;(1):42—54.

Этнокультурное наследие

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

DOI: (номер проставляет редакция)

Этнокультурное наследие в современной России

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

² Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ kaf-polit@siu.ganepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

² ipp86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Этнокультурное наследие в современной России // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2023-1-42-54>

Ethnocultural heritage of modern Russia

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹ Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

² ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I.S., Petrov I.P. Ethnocultural heritage of modern Russia. *Siberia Humanitarian*. 2023;(1):42—54. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2023-1-42-54>

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Political Sciences, Professor, Novosibirsk National Research State University, Professor Faculty of Political science and Technology, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — Master's Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2023; одобрена после рецензирования 00.00.2023; принята к публикации 00.00.2023.

The article was submitted 00.00.2023; approved after reviewing 00.00.2023; accepted for publication 00.00.2023.